BAR "EXTREME HORROR" 2.0

представляет

КОЛЛЕКЦИЯ УЖАСОВ

ЭКСТРЕМАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

пер. Zanahorras & Alice-In-Wonderland

Коллекция ужасов: Экстремальное издание

Мэтт Шоу, Дэвид Оуэн Хьюз, Наташа Синклер, Мэтью А. Кларк, Ник Брэди, Кевин Дж. Кеннеди, Кайл М. Скотт

Аннотация
"КОЛЛЕКЦИЯ УЖАСОВ:. Экстремальное Издание"
Мэтт Шоу. "Жена"
Дэвид Оуэн Хьюз. "Мисс Балаганная Некротичка"
Наташа Синклер. "Жемчужина коллекции"
Мэтью А. Кларк. "На рыбалку!"
Ник Брэди. "Стейк тартар"[8] [broken link: #n_8]
ЧАСТЬ 1
ЧАСТЬ 2
ЧАСТЬ 3
Кевин Дж. Кеннеди. "Ярость"
Кайл М. Скотт. "Сломанные вещи"

Аннотация

"КОЛЛЕКЦИЯ УЖАСОВ: Экстремальное Издание". Издательство "KJK Publishing" представляет 11-ю книгу серии с некоторой изюминкой. Это специальное издание посвящено поджанру ужасов - экстремальному.

Это издание содержит откровенные, сексуальные и развратные истории, которые никогда ранее не публиковались.

"Экстремальное Издание" - это неуправляемый фрик в семье, у которого нет тормозов. Тот, из-за кого происходят все грубые, неудобные, тревожные и мерзкие истории - вы бы не доверили ему свою жену или ребенка наедине! Черт возьми, вы же сами точно не захотите остаться с ними наедине! У этого персонажа нет границ. Это социальный анархист из странной компании - и это несмотря на то, что в историях присутствует его причудливый кузен - бизарро...

Если вам всегда хотелось побольше беспричинного секса, мерзости и насилия - то эта книга для вас!

"КОЛЛЕКЦИЯ УЖАСОВ: Экстремальное Издание"

Наши переводы выполнены в ознакомительных целях. Переводы считаются "общественным достоянием" и не являются ничьей собственностью. Любой, кто захочет, может свободно распространять их и размещать на своем сайте. Также можете корректировать, если переведено неправильно.

Просьба, сохраняйте имя переводчика, уважайте чужой труд...

Бесплатные переводы в наших библиотеках:

BAR "EXTREME HORROR" 2.0 (ex-Splatterpunk 18+)

https://vk.com/club10897246

BAR "EXTREME HORROR" 18+
https://vk.com/club149945915

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:
ЭКСТРЕМАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ. НЕ ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНЫЙ.

Это очень шокирующая, жестокая и садистская история, которую должен читать только опыт-

ный читатель экстремальных ужасов. Это не какой-то фальшивый отказ от ответственности, чтобы привлечь читателей. Если вас легко шокировать или оскорбить, пожалуйста, выберите другую книгу для чтения.

Бордель находился в центре обветшалой части города. Вокруг него располагались обанкротившиеся предприятия с заколоченными окнами и облупившимися вывесками. Сеть переулков соединяла улицу с улицей. Эти переулки сами по себе являлись идеальными укрытиями для дилеров, торгующих наркотой, и для наркоманов, которым нужно было вмазаться. Наркоманши, когда не употребляли, зарабатывали свою дозу, раздвигая ноги в этом невзрачном старом борделе. Пятьдесят фунтов за трах с резинкой или - за дополнительную десятку - разрешалось без резинки и глубокий анал.

Шон стоял в приемной борделя. Он выглядел взволнованным, когда осматривал все вокруг. В углу комнаты на стене висел небольшой телевизор, показывающий порнографический фильм; какую-то белую цыпочку натягивал черный парень. Он говорил ей *"возьми его"*, а она кричала, чтобы это было *"жестче"* и *"быстрее"*, и чтобы он просто *"трахнул ее"*. У дальней стены стоял ди-

ван. Он выглядел покрытым темными пятнами бог знает от чего - сидеть на нем было не очень-то приятно из-за боязни подхватить что-нибудь ужасное. В центре комнаты стоял журнальный столик. На нем было разбросано несколько порнографических журналов, которые выглядели такими же старыми, как и само здание. На изрядно потрепанных страницах были изображения огромных зарослей, простирающихся от лобка до задницы, с торчащими мясистыми половыми губами. Они были далеки от современных хорошо подстриженных дам, большинство из которых предпочитают вместо этого бардака полностью сбрить волосы. Рядом с журналами стоял кувшин с водой и несколько пластиковых стаканчиков с потрепанной запиской, призывающей людей *угощаться*. Шон решил обойтись без этого, беспокоясь о том, не испортили ли воду другие люди.

На лестнице, сразу за дверью гостиной, послышалось движение, и Шон повернулся к дверному проему, готовый поприветствовать того, кто спускался за ним. Хозяйка заведения показала ему две фотографии двух разных дам, обе из которых в данный момент были доступны. Когда Шон не смог сразу выбрать, она сказала, что попросит их

обеих спуститься и поприветствовать его. Тогда он мог бы встретиться с ними лицом к лицу и выбрать, кого бы он хотел трахнуть. Теперь, когда шаги приблизились, лицо Шона покраснело так же сильно, как и тогда, когда Мадам впервые приветствовала его, нервничающего на пороге.

* * *

Вошли две женщины. Они не могли бы быть более противоположными, даже если бы попытались. Одна была худой, почти как скелет. Другая была крупнее, и нижнее белье было слишком маленьким для ее фигуры. Ее жир выпирал из-под лифчика и трусиков в самом неприглядном свете. Шон переводил взгляд с одной женщины на другую. У его жены был размер где-то между ними.

- Привет, детка... Я тебя раньше не видела, - сказала более крупная из женщин.

- Не видела, - Шон посмотрел на тощую. Она выглядела так, словно едва держалась на ногах, и у нее очень заметно дрожали руки. - Я женат, - быстро поправил он себя. - Был женат.

Даме на самом деле было насрать. Вместо этого она спросила:

- Хочешь подняться наверх?

Шону хотелось убежать, но в то же время он

понимал, что никогда не сможет нормально двигаться дальше, если сделает это. Ему нужно было подняться наверх. Он должен был это сделать. Он нервно кивнул. Дама взяла его за руку, вывела из комнаты и повела вверх по лестнице.

* * *

В самой спальне было мало места, только двуспальная кровать и прикроватная тумбочка рядом с ней. На тумбочке лежала коробка презервативов и наполовину использованный флакон смазки для более сухих отверстий.

Шлюха начала снимать с себя одежду. В этом не было ничего сексуального, это была сплошная рутина. Она просто сняла лифчик, опустила сиськи до колен и отбросила трусики в угол комнаты. Шон наблюдал, как они приземляются, когда она сказала ему:

- Лишняя десятка, и ты можешь забрать их с собой домой, если хочешь.

Шон вежливо улыбнулся:

- Я в порядке. Но все равно спасибо.

Шон не мог поверить, что стоит здесь перед этой проституткой. Насколько она отличалась от его жены с ее фигурой "песочные часы" и приятной внешностью. Вот эта женщина с двумя

отсутствующими зубами, остальные пожелтели от никотина, ее плохая кожа покрыта дешевой косметикой и прыщами. Мысленно Шон продолжал убеждать себя, что важно, чтобы она была другой. "Другая" - это хорошо. Его жена была далека от того, чтобы заставить его понять, что есть другие люди для него и другие варианты. Он знал, что если бы выбрал кого-то похожего (если бы это было в предложении), то думал бы только о своей жене. Здесь, по крайней мере, нельзя было спутать эту женщину с той, которую он когда-то любил.

Мадам позаботилась об оплате, когда Шон впервые вошел в здание, поэтому проститутка просто подошла к кровати и легла на нее. Шон ничего не сказал. Она потянулась к верхнему ящику прикроватной тумбочки и выдвинула его.

- Тебе нравится смотреть? - она вытащила вибратор.

Сама игрушка выглядела липкой на ощупь, но, похоже, это ее не смутило, когда она включила ее. Когда игрушка начала сильно трястись, она прижала ее к своей огромной пещеристой пизде.

Воспоминание Шона: *его жена стоит в дверях их спальни в прекраснейшем нижнем белье.* Шон выбросил этот образ из головы и сосредоточился

на женщине перед ним. Он не мог не заметить, как кожа на ее бедре покрылась рябью, когда игрушка завибрировала.

- Тогда раздевайся, - сказала она.

С большей осторожностью, чем обычно, Шон снял свою одежду и сложил ее аккуратной стопкой в стороне. Он заметил использованный презерватив на полу с лужицей спермы под ним и задумался, сколько ему лет.

- Ну, в таком виде от тебя мне будет мало пользы, - сказала шлюха со смехом в голосе. Он взглянул на нее. Она смотрела на его маленький, вялый пенис. - Иди сюда и положи его мне в рот, пока я буду кайфовать.

Шон не хотел обидеть ее, поэтому подошел к краю кровати. Проститутка наклонилась к нему и свободной рукой засунула его член в рот. Она начала сосать его с энтузиазмом, что застало Шона врасплох. Он думал, что это будет в лучшем случае неплохо, но она действительно увлеклась этим, покачивая головой взад-вперед. Если бы не зацепившийся зуб, это могло бы доставить удовольствие. Она вытащила член изо рта и начала дрочить, чтобы вдохнуть в него жизнь. Шон закрыл глаза и сосредоточился на своей жене, пытаясь возбудиться для того, что ему нужно

было сделать. Затем она прекратила то, что делала. Она отстранилась и понюхала свою руку. На ее лице отразилось отвращение. Шон понял, в чем проблема, и немедленно сказал:

- Мне жаль.

- Через коридор есть ванная, - сказала она.

Шон бросил взгляд в сторону двери спальни. Он представил себе состояние ванной, учитывая, что весь остальной дом был таким грязным. Он повернулся обратно к шлюхе, которая - тем временем - выключила вибратор.

- Без мытья, нет минета, - добавила она. - Но если ты хочешь просто трахаться, то сойдет и так.

Шон сказал:

- Я хочу просто трахаться.

Шлюха схватила презерватив сбоку. Она надкусила обертку и вытащила резинку изнутри, прежде чем бросить ее Шону. Тот приземлился на хрустящий ковер у его ног, рядом с использованным. Он наклонился и поднял его, осторожно, чтобы не коснуться другого.

- Давайте приступим, - сказала она.

Шон встал рядом и начал поглаживать свой все еще мягкий член. Проститутка снова включила вибратор и снова начала возбуждать себя.

- Да, детка, смотри на меня, пока делаешь это,

- сказала она. Она сразу же начала стонать - не от удовольствия, а от исполнения. - Ух-х-х-х, о да, ух-х-х-х, ух-х-х-х, ух-х-х-х, детка...

Шон закрыл глаза и попытался представить *вместо этого* свою жену. Не имело значения, использовал ли он мысли о ней, чтобы возбудиться, главное, что когда он будет трахать эту женщину, он оставит все мысли далеко. Он представил, как она стоит перед ним в изысканном нижнем белье, которое он купил в магазине на то Рождество. Он представил ее стоящей на коленях, смотрящей на него снизу вверх с этим "выражением" в глазах, как раз перед тем, как она начала сосать его член. Он представил, как она выглядела верхом на нем, когда он откинулся на кровать. И он подумал о том, когда они трахались в последний раз. Какой тесной она была для него. Как она позволяла ему делать все, что он хотел. Как он перевернул ее на живот и засунул член в ее сморщенную задницу, и... Член Шона был каменным. С нахлынувшим на него чувством облегчения он быстро натянул на себя презерватив.

- М-м-м-м, детка. Такой большой. Дай его мне.

Быстро, чтобы не потерять свой стояк, Шон расположился между ног проститутки, когда она

отложила липкую игрушку в сторону. Шону не нужно было направлять себя - он легко скользнул внутрь и едва коснулся стенок. Несмотря на то, что ему хотелось думать о своей жене, он открыл глаза и сосредоточился на женщине, с которой был рядом. Ее потное лицо. Ее прогорклое дыхание. Ее фальшивые стоны. Он начал двигаться так сильно и быстро, как только мог, просто чтобы покончить со всем этим ужасным действом. При каждом толчке вперед ее влагалище издавало звук, не отличающийся от хлюпанья детской игрушечной пукалки. Тем не менее, он продолжал неистовствовать - отчаянно желая достичь оргазма, сколько бы времени это ни заняло.

С волосатой раной от топора в таком состоянии, его разум перешел к обороне и вернулся к мыслям о своей жене и о том, когда они в последний раз занимались сексом. Он начал с того, что набросился на нее. Он обвел языком ее клитор, прежде чем нежно, дразняще лизнуть вверх и вниз ее маленькую узкую щелочку. Для начала он вставил один палец, продолжая посасывать, покусывать и облизывать ее клитор, и медленно пощекотал его кончиком точку G. Он прокладывал поцелуями путь вверх по ее телу, к губам. Их он тоже целовал; мягко, нежно, страстно, когда

его язык скользнул в ее рот.

- Да, детка, ты классно трахаешься, - сказала шлюха, как раз перед приступом кашля, из-за которого ее рыхлая "киска" время от времени сжимала член Шона.

Тот выбросил ее из головы, крепко зажмурив глаза.

Его жена. Тугая, гостеприимная "киска" его жены. Каково это - скользить в нее и выходить из нее. Каково это - чувствовать, как его член подергивается по мере нарастания оргазма. Каково это - эякулировать внутри нее и...

Шон почувствовал это старое знакомое нарастание. Сначала это пощекотало внутреннюю поверхность его бедер, затем яички и... наконец, его член запульсировал и выпустил горячую липкую струйку спермы на кончик презерватива. Как только он кончил, она изобразила неприятный громкий оргазм, а он начал плакать.

* * *

Шон сидел на краю кровати. Большим пальцем той же руки крутил обручальное кольцо на пальце. Его глаза были прикованы к кольцу, и одинокая слеза скатилась по его щеке.

Шлюха лежала на кровати позади него. Во рту у

нее была сигарета, и она спокойно курила, когда Шон почувствовал необходимость объясниться.

- Извини. Я думал о своей жене.

- Все, что доставляет тебе удовольствие.

- Она мертва.

- Как я уже сказала, все, что тебя заводит.

Проститутка была там не для разговоров. Она просто хотела, чтобы они трахнулись и он ушел - чтобы она могла привести следующего клиента, прежде чем эта костлявая сучка украдет их у нее.

- Я скучаю по ней.

- Это мило.

Шон посмотрел на свой мягкий член с внезапным выражением паники на лице. Он быстро провел по нему рукой и вдохнул тяжелый запах. *Резина*.

- Нет, нет, нет... Я больше не чувствую этого запаха...

Проститутка растерянно посмотрела на него:

- О чем ты говоришь?

- О ней. Я больше не чувствую ее запаха, - добавил он. - Это все, что у меня от нее осталось, а я чувствую только запах резины.

Тревога была очевидна на лице проститутки. *Это* было то, что она почувствовала на нем, когда взяла его член в рот. Она почувствовала

запах застарелого сока из "киски".

Шон встал с кровати и начал снова одеваться. Он начал ругать ее:

- Что ты заставила меня сделать? - он посмотрел на нее, ожидая оправдания, но она ничего не сказала.

Она просто смотрела на него с выражением в глазах, похожим на последний взгляд, который был у его жены перед смертью. Перед тем, как он убил ее. Мысли Шона вернулись к тому моменту, когда он сильно ударил ее по лицу после того, как она сказала ему что-то, что ему не понравилось. Точную фразу он вспомнить не мог. Он увидел, как она снова упала на пол, и - благодаря внетелесному опыту - он заново пережил, как прыгнул на нее сверху и несколько раз бил кулаками, пока она не перестала двигаться. К тому времени, когда он закончил, у нее был сломан нос, выбиты зубы внутрь, рассечена глазница. На виске была большая трещина.

Проститутка невозмутимо смотрела на него. Она и раньше видела таких клиентов. Они приходят и трахаются, потому что, по их мнению, они этого хотят, а потом - впоследствии - они чувствуют себя виноватыми и начинают обзываться, обвиняя всех остальных в том, что *они* решили

сделать. Она закатила глаза.

- Мне жаль.

- Не смотри на меня так, блядь, - предупредил ее Шон. - Я приехал сюда, чтобы уйти от своей жены. Забыть о ней. Не позволяй себе напоминать о ней, - он покачал головой. - Вы, женщины, вы, шлюхи, вы все, блядь, одинаковы.

- Да-да, конечно.

- И не смей, блядь, так со мной разговаривать! Что с вами, женщинами, не так?!

- Ты когда-нибудь задумывался, не в тебе ли проблема? Отвали.

Мысли Шона снова вернулись к его жене. То выражение на ее лице, когда он впервые ударил ее. Она была явно ошеломлена тем, что он замахнулся, не говоря уже о том, что попал в цель. Ее глаза наполнились слезами. Ее нос треснул по переносице. Из левой ноздри текла кровь. Эти мысли вызывали у него сильное чувство вины с тех пор, как он убил ее, вызвав всего лишь вспышку гнева, которая вышла из-под контроля. Большую часть последнего месяца он провел, снова и снова извиняясь, расхаживая по дому и жалея, что не может все вернуть, хотя и знал, что не может. Он пытался все исправить, но, похоже, у него это так и не получилось. Он вышел только

сегодня, потому что знал - если он собирался оправиться от этого - ему нужно было двигаться дальше, а это означало увидеть другую женщину, независимо от того, насколько чуждой была ему такая мысль. Он знал, что не готов к еще одной *реальной* женщине, из-за чего он решился на поход в бордель. Но теперь, стоя в комнате с этой шлюхой, он понял, что от того, что он сделал, ничего не изменить, потому что все женщины одинаковы, когда дело доходит до этого, и, потеряв запах своей жены, он понял, что все еще любит ее, несмотря на то, как все обернулось.

Без какого-либо предупреждения или намека на то, что он собирался сделать, Шон бросился вперед и схватил вибратор с прикроватной тумбочки. Шлюха хотела спросить, что он делает, но прежде чем она успела вымолвить хоть слово, он воткнул ей его в глаз с такой силой, что сам глаз выскочил из глазницы, а игрушка проникла в ее размягченный мозг. Вместо слов из ее рта вырвался только забавный стон вместе с капелькой едкой слюны. Чтобы убедиться, что она мертва, Шон включил вибратор. Сразу же игрушка снова начала жужжать. На этот раз звук был громче, поскольку отдавался вибрацией в глазнице. Внутри ее головы от вибрации мозги превратились в же-

ле. Он отступил назад, оставив вибратор торчать в ней, и не смог удержаться от смеха, увидев, как глазное яблоко заплясало на конце зрительного нерва - опять же, благодаря вибрации игрушки.

Шон оглянулся через плечо. Он не мог не задаться вопросом, слышал ли кто-нибудь, что он делал, но - даже если и нет - он знал, что заплатил всего за час, и это время почти истекло. Он поспешил к двери и потянулся к ручке. Однако, прежде чем открыть ее, он оглянулся в комнату, чтобы посмотреть, не забыл ли он там что-нибудь, например, свой бумажник. Пока его глаза осматривали комнату, пизда мертвой женщины помочилась в последний раз.

* * *

Отъехать от борделя было легко. По этим дорогам проезжало не так уж много машин, учитывая отсутствие оставшихся предприятий в этой части города. Пока Шон удалялся, его мысли метались в разных направлениях. *Нашли ли уже ее тело? Позвонили ли они в полицию? (Слава Богу, что он назвал вымышленное имя). Были ли у них там камеры видеонаблюдения, чтобы защититься от таких людей, как он?* Глупая мысль. Конечно, у них там не было камер. Возможно, поддельные,

но они не хотели бы показывать свои лица так же сильно, как клиенты не хотели бы, чтобы их тоже снимали. Его мысли также вернулись к жене, и именно на ней он проводил большую часть времени. Он вспомнил их более счастливые времена, когда они трахались или занимались любовью. Он видел крупным планом ее лицо, ее улыбку, огонек в ее глазах, и по мере того, как они воспроизводились, его эмоции менялись в такт с ними. Счастлив. Печален. Зол. Виноват. Смущен. Враждебен. Стыд. Сожаление. Радость... Припарковавшись за машиной, ожидающей красного сигнала светофора, Шон изо всех сил ударил кулаком по рулю и крикнул:

- БЛЯДЬ!

Удар нанес больше повреждений его руке, так как треснула верхняя часть костяшки пальца. Как женщина могла так сильно завести его? Их ссоры намного перевесили хорошие времена, и все же он скучал по ней. Даже зная, как она его бесила, он скучал по ней.

События его дня внезапно вернулись на передний план в его сознании. Не то, что он сделал со шлюхой перед уходом, а то, что было до этого. Его сердце пропустило удар, и он оторвал задницу от сиденья автомобиля, прежде чем засунуть руку

за пазуху брюк. Он крепко схватился за свой член и медленно вытащил руку из штанов - в надежде избавиться от вони своего члена. Он поднес руку к лицу и еще раз вдохнул *резиновый* запах.

Сожаление.

Шон не знал, почему он решил, что этот запах сохранится, как прежде. Исчезла вонь "киски" его жены - с тех пор, как они трахались в последний раз, после того, как он так долго отказывался мыться. На смену ему пришел неприятный аромат латекса. Он не думал об этом, но, с другой стороны, он не думал ни о чем, кроме попыток выкинуть жену из своих усталых мыслей. Он знал, что должен двигаться дальше ради самого себя, иначе чувство вины и сожаления поглотят его. Если бы он знал, что это лишило бы его ее запаха или заставило осознать, что он напрасно тратит время и все женщины одинаковы - он бы никогда не беспокоился. Хуже того - на нем больше не было ее запаха - он понял, что превыше всего остального он чертовски скучал по ней. Опустошенный, он снова положил руки на руль и смотрел, как загорается зеленый сигнал светофора.

Шон тронулся с места, подъезжая вплотную к впереди идущей машине в надежде, что при этом

она уберется с его пути, и он сможет проехать мимо. Теперь, после того, как у него выдался день, он просто хотел попасть домой. Когда машина не сдвинулась с места, Шон ударил сжатым кулаком по клаксону. Он оставил ее там, издавая сигнал, пока машина, наконец, не убралась с его пути. Когда он обгонял, он показал им палец, а они, в свою очередь, произнесли несколько непристойностей в его адрес. *Если бы они видели, что я только что сделал со шлюхой, они, вероятно, не были бы такими глупыми*, - размышлял он, нажимая на акселератор.

* * *

Шон жил на тихой улице. Хотя у него и были соседи, ни он, ни его жена никогда по-настоящему не узнавали их. Учитывая, чем закончились отношения с его женой, это, вероятно, было хорошо, поскольку они могли бы проявить больше подозрений в связи с ее исчезновением. Как бы то ни было, когда они спросили о ее местонахождении, у них не было причин сомневаться в нем, когда он ответил, заявив, что она ушла от него.

Шон заехал на свою подъездную дорожку. Он заглушил двигатель своей машины и быстро выпрыгнул из нее. Он запер дверь и поспешил к

входной двери, которую открыл одним из ключей на той же брелке, что и ключ от машины. Войдя в здание, он, как всегда, подавился. В воздухе тяжело висела приторно-сладкая вонь; смесь цветов и духов, доносившаяся из розетки рядом с входной дверью. У двери была чрезмерная концентрация, но чем дальше вы заходили в дом, тем больше рассеивался запах и исчезала резкость.

Шон перекинул куртку через перила и взбежал по лестнице, не останавливаясь, чтобы снять обувь; на этом всегда настаивала его жена, поскольку не хотела, чтобы он таскал грязь и дерьмо по дому. Наверху цветочного запаха духов практически не было. Теперь там сильно пахло *гнилью*. Это был гнилостный запах, который вызвал бы рвоту у большинства людей, но не у Шона. Ему нравился запах, потому что это была *она.*

Он пересек лестничную площадку и направился в спальню. Он остановился в дверях и посмотрел на свою жену. Она была на кровати, именно там, где он ее оставил - после того, как трахал ее всю ночь. Точно так же, как он оставил ее в прошлом месяце. Шон сказал:

- Я знаю, я сказал, что ухожу, но... Я не хочу этого делать, и прости, что накричал на тебя прошлой

ночью.

Он пересек комнату и сел на край кровати, рядом с тем местом, где она лежала с тех пор, как он убил ее и затащил в спальню - чуть больше месяца назад.

Постельное белье под тем местом, где он сидел, раньше было белым. Теперь оно пожелтело из-за медленного разложения. Он повернулся к ней, положил холодную руку ей на ногу и продолжил:

- Прости, что я накричал на тебя прошлой ночью после того, как мы занимались любовью... Я просто... Это... Иногда все становится чересчур, понимаешь? Я знаю, что наговорил гадостей, и за это прошу прощения. Я все же люблю тебя, несмотря на все, что произошло между нами, - он сделал паузу и улыбнулся ей.

Затем он наклонился и поцеловал ее в щеку.

Глаза его жены были прикованы к нему, окутанные плащом Смерти. Когда-то они были голубыми, теперь стали темными, мутно-серыми.

- Я просто хочу забыть о сегодняшнем дне, - сказал Шон. - Я не хочу об этом говорить. Я просто хочу начать все с чистого листа или, по крайней мере, продолжить с прошлой ночи, до того, как я начала кричать, что не могу больше тебя видеть

и должен найти кого-то другого. Хорошо?

Она ничего не сказала.

- Мы можем двигаться дальше?

Она ничего не сказала. Шон улыбнулся и прошептал:

- Я приму твое молчание за *"да"*.

Осторожной рукой он слегка приоткрыл ей рот. По линии ее подбородка прошла *трещина* , но он не обратил на это внимания. Вместо этого он наклонился к ней поближе и сказал:

- Я знаю, что мы ссоримся и все такое, но... увидев сегодня ту другую женщину... я понял, что хочу именно тебя. Раньше я думал, что все женщины одинаковы и что я могу просто с радостью уйти к кому-нибудь другому и забыть тебя. Но, когда я потерял твой запах, это заставило меня понять, что - на самом деле - я буду скучать по тебе. Знаешь почему? Потому что - и я знаю, что облажался - я действительно люблю тебя.

Он медленно высунул язык. Он удерживал голову жены на месте, а затем проник языком в ее открытый рот. Пока его слюна не смочила ее отверстие, во рту у нее было сухо и ощущался солоноватый привкус "Мармайта"[1] [broken link: #n_1]. Он водил им у нее во рту. Когда его язык коснулся ее языка и прошелся по ее пуши-

стым зубкам, он почувствовал, как его (ранее застенчивый) пенис немедленно встал по стойке "смирно".

Шон отстранился от жены и посмотрел ей в глаза.

- Ты уверена? - спросил он. Он улыбнулся. - Ну, тогда ладно.

Он встал и вынул свой уже пульсирующий член из штанов. Одной рукой он взялся за него, а другой снова приоткрыл ее рот немного шире. Когда освободилось достаточно места, он засунул свой член ей в рот и вздохнул. Мгновенно это стало лучше, чем с той дерьмовой шлюхой, которую он видел раньше, и он покачал головой, понимая, насколько глупым он был. Как он вообще мог повернуться спиной к своей жене? Она была лучшей. Его яйца покалывало от возбуждения, когда он начал двигать членом внутрь и наружу, а его собственная слюна действовала как теплая смазка. До него дошло, что именно не так было с минетом другой женщины - тепло ее рта. У его жены рот был холодный - холод, смешанный с его собственной теплой слюной, создавал лучшие ощущения.

- Осторожно, - сказал он, - не заставляй меня пока кончать. Не раньше, чем я трахну тебя.

Шон сменил позу. Он забрался на кровать и принял позу "шестьдесят девять", прежде чем снова засунуть свой член ей в рот. Под таким углом ему потребовался более сильный толчок, чтобы войти, но он справился с этим и снова начал трахать ее рот, вдыхая аромат ее гнию-щей щели, запах, который он ранее случайно заменил резиной. Шон глубоко вдохнул. *Ах, вот оно. Тунец. Уксус. Яйцо. Курица,* - он снова вдох-нул. - *Старая дождевая вода. Хамон.*

- Я никогда не хочу забывать твой запах, - сказал он ей как раз перед тем, как провести языком по пурпурному разрезу. - О черт, ты такая вкусная", - пробормотал он, насколько мог, проникая язы-ком внутрь нее.

Он на мгновение вытащил его и вместо этого пососал ее половые губы, продолжая засасывать свой член ей в рот. Он знал, что с такой скоростью не сможет удержаться от эякуляции ей в горло, но ему было все равно. После своего ужасного дня, что бы он ни кричал прошлой ночью о том, чтобы двигаться дальше и найти кого-то другого, он никогда не собирался оставлять свою же-ну. Что более важно, она никогда не собиралась оставлять его.

Когда он снова просунул язык в ее покрытое

коркой влагалище, оттуда выскользнула личинка и приземлилась на испачканные простыни. Внутри ее "киски" он чувствовал еще больше личинок, которые извивались там наверху, каждая из них пировала, ища точку выхода. Ему было все равно. Для него это добавляло вкуса и ощущений. Он знал, что никогда не найдет этого с другой женщиной. По крайней мере, с той, которая *жива*. Он знал, что с ними столкнется только с спорами и разочарованиями. Здесь у него была идеальная, молчаливая женщина.

Его жена была идеальной женщиной для него.

Перевод: Zanahorras

Она лежала на кровати из влажного сена и смотрела на него. Ее веки трепетали, когда ее пальцы обвивали цепь, соединявшую пол и ошейник, который она носила.

Какой мужчина, - подумала она, переворачиваясь на живот, чтобы раскачивать взад-вперед ногами. Когда она выгнула спину, она надула пузырь из своей жевательной резинки, не отрывая от него глаз. - *Мой спаситель. Мой герой. Мой белый, блядь, рыцарь,* - продолжал ее разум. - *Он заставил меня полюбить себя и мою темную сторону.*

Когда ее жвачка лопнула, это привлекло его

внимание к ней. Он уставился на нее с восторгом и презрением, рыча, его пираньеподобные зубы сверкали рубиново-красным в бледном свете, отбрасываемом фонарями палатки.

Где-то неподалеку ржали и цокали копытами лошади в конюшне.

- Больше ни звука, сучка, - сказал он, и ящик для яблок, на котором он сидел, заскрипел, - или я задушу тебя твоими же цепями.

- Да, Мистер Щекотун, - сказала она, ее клитор пульсировал при мысли о холодном металле, обвивающем ее горло, врезающемся в ее плоть, лишающем ее воздуха.

- Чертова извращенная шлюха, - пробормотал он, словно читая ее мысли, и повернулся к зеркалу, чтобы закончить наносить свой ужасный макияж.

У нее вырвался смешок.

- Ой, извини, Хозяин.

- Последний раз!

- Сучка! Сучка! Сучка! - пронзительно закричал ворон со своего пьедестала. - Шлюха! Шлюха! Шлюха!

- Хочешь увидеть мои сиськи? - спросила Мисс Некротичка у птицы.

Птица закаркала.

- Не разговаривай с ней, Молофья, - сказал Мистер Щекотун.

- Ему больше нравятся мои сиськи, чем те дорогие крекеры, которыми ты его кормишь, - хихикнула она, вытаскивая свои дерзкие сиськи из своего шутовского наряда, сжимая и лепя их для птицы и ее Хозяина. - Хочешь пососать их?

Молофья свистнул.

Мистер Щекотун зарычал и встал со своего места, ударив ее по лицу тыльной стороной ладони, заставив ее растянуться на сене.

- Хватит!

Мисс Некротичка ахнула, засунув руки между ног, слизывая струйку крови с подбородка.

- Еще раз! Пожалуйста! Ты слишком часто лишаешь меня внимания в эти дни, Хозяин.

- Ты получаешь достаточно. К тому же, сейчас еще светло, и ты не можешь смешивать работу и удовольствие.

- Боже, как мне нравится, когда ты весь такой чертовски требовательный и контролирующий, Хозяин. Если бы не ты, я бы никогда не испытала таких удовольствий! Давай, тащи меня по комнате за ошейник. Пожалуйста! - она обхватила его мясистую ногу своими тощими руками и прижалась к нему. - Пожалуйста, пожалуйста,

пожалуйста! Я буду хорошей девочкой, если ты утолишь мой голод.

- Нет! А теперь слезь с меня и выпрямись. Нам нужно выступать.

Мисс Некротичка села в позу обидевшейся, сгорбившись.

Теперь он не хочет со мной играть, - подумала она, но ей было все равно. - *Я люблю его, и когда он проявляет ко мне внимание, это сводит с ума.*

- Не дуйся, сучка. Это очень отталкивает.

- Раньше ты все время меня трахал, - выпалила она. - Разве мое тело и лицо больше не привлекают тебя? Ты думаешь избавиться от меня? - ее голова опустилась, и она закрыла лицо руками, когда начала плакать. - Ты меня не любишь. Ты такой же, как все остальные! Я была твоей Харли, а ты - моим Джокером.

Когда она почувствовала его руку на своей голове, его голос успокаивал ее, она улыбнулась.

- Как ты можешь так говорить, женщина?

О, да, - подумала она. - *Работает как чертовское заклинание. Ты не можешь устоять перед старым трюком со сломленной девушкой, Хозяин, и я уверена, что твой толстый член шевелится.*

- Я был к тебе только добр.

Правда, - продолжала она размышлять, - *но ты*

редко приручаешь мою "киску" в последнее время, плохой человек.

- А что, если я найду тебе маленькую подружку? Тебе бы это понравилось?

Эмоции перевернулись в ее сердце и кишках, ее игривость пропала, и она отшвырнула его руку от своей головы.

- Нет! Нет, черт возьми, этого не будет!

- Мисс Балаганная Некротичка! Перестань быть непокорной. Я - твой Хозяин!

- И я не хочу, чтобы это изменилось, Мистер Щекотун. Я не хочу, чтобы ты привел еще одну Мисс Некротичку. Я думала, что я твоя *особенная* игрушка.

- Да, но твое поведение и постоянная потребность в ласке истощают меня и лишают всех сил.

Она посмотрела на него. Она никогда не видела его таким открытым и спокойным.

- Я люблю тебя, дитя мое, но ты должна пойти на уступки, потому что я не могу постоянно уступать твоим потребностям.

- Все в порядке, ты же знаешь, мне нравится, когда мне отказывают - это моральная и физическая пытка, но это сводит мою "киску" с ума.

- Тогда почему ты жалуешься? Что за фигня на

тебя нашла? - сказал он, сжав руки в кулаки и прищурив глаза. - Ты что, издеваешься надо мной?

- Может быть, - подмигнула она.

- Блядь! Ради бога! - он ударил ее по лицу и схватил ее цепь, обмотал ее вокруг кулака и натянул.

- Фух! - захныкала она, ее трусики болтались на ней, а ее вялые пальцы попытались вцепиться в прочную цепь.

- Теперь уже не так смешно, да, сучка?!

- Н-нет, - пропищала она, ее зрение затуманилось и покрылось пятнами. - П-пожалуйста, Хозяин.

- В чем дело? Я думал, тебе нравится грубость, шлюха! - Мистер Щекотун сильнее дернул цепь. - Спорим, твои мысли грязнее, чем внутри публичного дома!

Мир Мисс Некротички накренился и померк.

- Я... я думаю, что я сейчас... - она ссутулилась, дернулась один раз, затем замерла.

* * *

До Цирка, Мистера Щекотуна и ее прозвища Мисс Балаганная Некротичка, она была Зои. Зои, урожденная Зои Шмидт, родилась в диком постапокалиптическом мире в столетии, которое она уже не могла вспомнить. Мире, где мертвецы

ходили и питались живыми. Мире, где очаги свирепых выживших людей сгрудились в тенях и сражались с "Шаркающими". Мире настолько отвратительном, что вы не могли бы отличить "немертвого" каннибала от живого.

Она выросла в потерянном, забытом мире. Мире, который когда-то был нормальным, ярким и громким. Мире, о котором ей пришлось узнать от своей матери и старейших выживших вокруг нее. Будущее человечества выглядело мрачным и обреченным на вымирание, поскольку это был лишь вопрос времени, когда Шаркающие захватят власть. И когда они это сделают, с их истощенными запасами пищи, сколько времени потребуется, чтобы они сгнили и вымерли? Сколько времени потребуется Матери-природе, чтобы вернуть то, что принадлежало ей?

Но в этом смелом новом мире ничто не было определенным, так как были те, кто хотел поменяться ролями, восстать против беззакония и вернуться к тому, какой была жизнь на Земле раньше, и их называли "Борцами за свободу". Борцы за свободу, частично возглавляемые подростком Зои, сделали все возможное, чтобы исправить ситуацию. Во-первых, они уничтожили живых, которые хотели сохранить все как

есть, и диких людей, которые хотели убивать, насиловать и уничтожать все на своем пути.

Борцы за свободу создали высшую расу с низкой терпимостью к анархии, и они восстановили тщательно охраняемые города и границы, которые не пускали мертвых. Со временем и годами мертвые начали умирать от голода, унося с собой чуму.

По мере того, как шли десятилетия - последние из тех, кто видел великую пандемическую войну, погибли - мир вернулся и расцвел. Технологии развивались, так же как и Зои, семнадцатилетняя девушка...

* * *

Во время стычки с нежитью во время похода за припасами в первые годы пандемии Зои укусил и поцарапал Шаркающий, но она никому не рассказала об этом. Ее план, когда она начала бы превращаться, состоял в том, чтобы уйти в тихое место и покончить с собой.

Я не хочу, чтобы кто-то из моих сделал это, - подумала она, глядя на раны на своей руке.

Но по мере того, как шли дни, а лихорадки или температуры не было, ее паника утихала. Она начала думать, что, возможно, болезнь нельзя

подхватить через укус или порез.

Но как это возможно? - подумала она. - *Я видела, как другие проходили через изменение после нападения... Я благословенна?*

Какой бы ни была причина, Зои была уверена, что никогда больше никому не расскажет и не будет укушена или поймана нежитью.

После того, как она помогла привести Борцов за свободу к победе, Зои бесследно исчезла, скрывшись и оставаясь под скалой, пока не почувствовала, что можно безопасно появиться.

Я не хочу, чтобы люди когда-либо узнали. Потому что рано или поздно люди начнут спрашивать, почему я не старею, - подумала она.

И ее тревожила не только ее необъяснимая эстетика, но и дьявольские мысли и неутолимая жажда и похоть, которые она испытывала, причиняя вред и разрушение другим.

Это во мне, - подумала она. - *Может, не так плохо, как у самих Шаркающих, но это есть; я - носитель. Я заразилась, но не обратилась!*

После многих лет пряток в темноте, позволяя миру превратиться в громкий, яркий цвет, Зои решила, что пришло время двигаться дальше - выйти из тени и перебраться в новый город. Новое место; что-то чужое.

Здесь могут быть и другие, такие же, как я, - подумала она, - *носители. Но плохие носители, которые могут захотеть причинить мне вред, если узнают меня.*

В глубине души она знала, что это иррациональное мышление, но она не была из тех, кто не рискует. И вот, покинув свое укрытие, Зои отправилась в путь и автостопом добиралась до обетованной земли, зная, что может никогда ее не найти.

Что я вообще ищу? Что бессмертный делает со своим временем? Мир - моя устрица...

Эта мысль могла вызвать улыбку на ее лице, но она знала, что не будет счастлива бесцельным, бессмысленным существованием.

Я рождена для великих дел, - подумала она. - *Я вела армии. А что теперь? Черт, я даже не смогу разделить свою жизнь ни с кем, потому что они скоро обнаружат, что я не старею! Мне суждено быть одной,* - дрожь пронзила ее. - *Но одно я знаю наверняка: я хочу быть у моря. Мое сердце жаждет этого.*

* * *

За год путешествий Зои, стараясь не высовываться, оказалась в городе, который выглядел так,

будто его высосали из чьей-то задницы и сунули в подмышку неизвестно куда.

Блядь! И мы упорно боролись за это! Чтобы кто-то жил так, как они живут? - подумала она, оглядываясь по сторонам.

На углах улиц валялись выгоревшие обломки, стены были покрыты граффити, в каждом подъезде тусовались бродяги, банды контролировали проспекты, вокруг нее слышались выстрелы, а шлюхи продавали свой товар из-за теней.

Она перешла дорогу и наткнулась на паб на окраине этого дерьмового города под названием "Отступники".

Погодите, я знаю это место! Если не ошибаюсь, это приморский городок! Черт! Раньше это был хороший район. Шикарный. Что, черт возьми, произошло?

- Нет, иди на хуй! - услышала она чей-то голос.

Когда она подняла глаза, то увидела, как пара волосатых байкеров-ублюдков вломилась в дверь паба, который нависал над ней. Они сцепились в объятиях друг друга, пытаясь ударить друг друга, и упали на пол, поднимая пыль и плюясь друг в друга.

Прежде чем Зои успела войти в заведение, метко названное "Отступниками", через двери,

похожие на салун, ворвались еще шесть человек - трое мужчин и три женщины. Полетели кулаки, последовало таскание за волосы и выдавливание глаз.

Зои посмотрела на них, рассмеялась и двинулась ко входу в паб. Когда она открыла дверь, грохот рок-музыки ударил ей в уши, и перед ней появился вышибала.

- Ни один несовершеннолетний не пройдет, - сказала горилла, оглядев ее с ног до головы, - но я могу сделать исключение для такой сладкой. Как тебя зовут, котенок? - спросил он, положив руку ей на плечо.

- Зои, - она схватила его за руку, его кости хрустнули, и вывернула ее от себя. - И я не котенок. К тому же я взрослая, приятель. А теперь отвали, блядь, или будешь носить свои яйца как серьги.

- Ого! Черт, - рассмеялся он, пожимая руку, пытаясь унять боль, пронзившую ее. - Извини, детка, я не хотел тебя обидеть. Ты такая задиристая! Господи, - он отошел с ее пути, позволяя ей пройти.

- Тебе лучше поверить в это, придурок, - сказала она, продвигаясь глубже в переполненный паб, ее плечи соприкасались с посетителями.

- Смотри, куда идешь, шлюха! - крикнул кто-то ей вслед.

- Ты заставила меня пролить свой напиток на мою любимую рубашку! - сказал другой.

- Выплачь все слезы! - крикнула она в ответ, проталкиваясь сквозь толпу, медленно приближаясь к стойке, где полураздетые женщины подавали напитки всем - от потных, вонючих пивных насосов до толстых, волосатых байкеров, дальнобойщиков и мечтающих деревенщин.

Даже женщины могли бы сойти за бритых обезьян, - подумала она, хихикая.

- Какого хрена ты смеешься, плоские сиськи? - спросила Зои байкерша, схватив ее за плечо и развернув. - Я отрежу тебе чертово лицо! - огромная женщина разбила свою пивную бутылку о стол и размахивала раздробленным горлышком сосуда. - Я, блядь, загоню это в твою чертову пизду, ты, пизда!

Когда женщина зарычала, Зои увидела, что у нее не хватает бесчисленных зубов, а ее десны были желтыми и больными.

- Попробуй, и посмотрим, что получится.

- Я, блядь, сделаю это!

- Чего ты ждешь?

- Что здесь происходит?! Ты в порядке? - спросил вышибала у Зои.

- Все отлично, спасибо.

- Мы просто дружески болтали, - сказала байкерша.

- С разбитой бутылкой? - спросил он.

- Она разбила мой напиток и предложила купить мне новый.

- Это правда?

Зои кивнула, улыбнулась и стиснула зубы.

- Еще одно дерьмо, и я вышвырну тебя нахрен. Слышишь?

- Да, - сказала байкерша.

Зои снова кивнула.

- Слушай, котенок, - сказал вышибала, приближаясь к уху Зои. - Я знаю, что мы начали не с той ноги, но если эта сука попытается...

- Я же говорила тебе однажды, приятель, я не котенок.

- Ладно, справедливо, - сказал он, пробормотав что-то еще, чего она не услышала из-за грохота рок-музыки.

- Чертова обезьяна, - сказала она, поворачиваясь, чтобы направиться к стойке, когда чья-то рука опустилась ей на плечо.

- Ты, блядь, труп, сука, - сказала байкерша.

Вышибалы нигде не было видно.

Зои укусила байкершу за пальцы и слизнула ее хлещущую кровь.

- Аргх! - сказала женщина. - Шлюха укусила меня!

- Эй! - крикнул один из ее головорезов вслед Зои, но Зои уже ушла, проталкиваясь сквозь толпу.

- Мы тебя достанем, принцесса! - услышала Зои визг женщины.

- Попробуйте, - сказала Зои, а затем улыбнулась и подмигнула полуобнаженному мускулистому красавчику в рваных джинсах. - Ну, разве ты не блюдо дня, чемпион! - она положила руки на его твердую грудь и провела по линиям татуировки орла на левой груди, задержавшись кончиками пальцев на кровавых когтях птицы. - Что такой мальчик, как ты, делает в таком месте? Ты - плохой человек, Мистер Непослушный мальчик? - поддразнила Зои, улыбаясь.

Он обнял ее за талию и притянул к себе.

- Тебе не хотелось бы знать! А что ты тут делаешь? Ты не выглядишь такой уж крутой, - сказал он, смеясь.

- Можешь поспорить на свою сладкую задницу, что я крутая, парень... - сказала она, сдерживая себя, чтобы не сказать, что она водила отряды мужчин и женщин против орд и армий нежити. - Я тебя уложу одной левой, если захочу, так что не своди с меня глаз.

- Жесткий разговор. Может, я отведу тебя к себе и покажу, что такое грубость и жесткость?

Ее сердце пропустило удар.

- Обещания, обещания! Как насчет того, чтобы сначала выпить, сердцеед?

- Что будешь?

- Пинта того пойла, которое "Отступники" выставляют лучшим. Я пила и похуже, это точно.

Он рассмеялся.

- Ты странная.

- Ты даже не представляешь, насколько верно это утверждение, - сказала она, глядя, как он уходит к стойке.

Уф! Какой у него персиковый маленький зад.

Зои повернулась на месте и осмотрела свое окружение. В другом конце комнаты она заметила игровую зону, где банды молодых мужчин и женщин с разноцветными волосами тусовались и на бильярдных столах играли в бандитов. При более близком рассмотрении она увидела, что на их кожаных куртках был соответствующий логотип.

- Банда "Безумные медведи", - сказала она, прочитав надпись, выгнутую над и под символом банды. - Кажется, они крутые.

- Вот твое пиво, - сказал он, протягивая ей пин-

ту, полную жидкости цвета мочи.

- Господи! У них что, не было чистых стаканов? - спросила она, глядя на покрытую грязью емкость.

Он пожал плечами.

- Хрен его знает.

Зои фыркнула, взяла напиток и выпила бóльшую его часть одним глотком.

Черт, я уже пила из покрытых кровью черепов, - подумала она.

- Они называют это "пивом"?

- Да, а что не так?

- На вкус как жидкое дерьмо! Но я выпью еще, - Зои допила свой напиток и направилась к стойке. - Еще одно?

- Ты определенно нечто.

- Ну, спасибо.

Он кивнул.

- Пожалуйста.

- Как тебя зовут, морячок?

- Джимми.

- Рада познакомиться, Джимми, - сказала Зои, протягивая руку.

- То же самое, мисс.

- Никуда не уходи, а то мне придется тебя выследить, оторвать тебе одну руку и избить ею до

хренового состояния, - сказала она, подмигнув и послав ему воздушный поцелуй.

* * *

Они провели ночь, до самого рассвета, выпивая, танцуя, целуясь и болтая. Это было самое живое и озорное, что Зои когда-либо чувствовала.

Быть с кем-то гораздо веселее, чем быть одной! Ну, я знаю разницу между правильным и неправильным; я просто беззаботно развлекаюсь. Это было слишком давно, - подумала она, глядя Джимми в глаза. - *Я вижу, что там скрывается, его душу тоже, и мне нравится то, что я подсматриваю.*

- Итак, какой план? - спросил он, уводя ее с забрызганного кровью и битым стеклом танцпола. - Ты отведешь меня к себе?

- Ко мне?

- Да. В конце концов, ты кажешься современной женщиной, и я подумал, что ты захочешь, чтобы с тобой обращались как с таковой.

- Все, что у меня есть, это мое тело, красивая внешность, острый язык и честь, Джимми, малыш. Я ношу все, что у меня есть, с собой.

Его улыбка померкла.

- Ты... бездомная?

Она кивнула.

- Я живу в дороге, свободно и легко, как мне нравится.

- Ты направляешься куда-то специально?

- Я надеялась оказаться у моря.

- Ну, ты близко!

- Я знаю.

- Может, ты захочешь остаться здесь на некоторое время, потусоваться со мной?

Она пожала плечами.

- Может быть.

- У меня полно места, если ты захочешь переночевать и собраться.

- Думаешь, я буду твоей игрушкой для секса? - она рассмеялась, наблюдая, как он краснеет.

- Я... эээ...

- Я поддразнивала тебя, Джимми. Что-то мне подсказывает, что ты хороший парень, хотя тебе и нравится тусоваться по пабам полуголым.

- Ну, мне не нравится.

- О?

- Мою одежду порвали.

- Ах, эта старая история...

- Нет, серьезно, порвали. Примерно за сорок минут до того, как ты вошла в мою жизнь, какой-то придурок набросился на меня. Ублюдок сломал

бильярдный кий о мою спину!

- Черт возьми!

- Я думал, он сломал ребро или два, но боль прошла. Я в порядке. Но он все равно испортил мою любимую рубашку.

- Любимую? Серьезно?

- Да. Там был гавайский стиль; повсюду качающиеся пальмы и кокосы. Ты бы была под большим впечатлением.

- Ух ты! Похоже, я пропустила лучшую часть вечера, - сказала она, и они оба рассмеялись.

Они сели за столик друг напротив друга, и он взял ее руки в свои.

- Но я серьезно. Можешь завалиться ко мне, без всяких обязательств - у меня удобный диван...

- Какой белый рыцарь!

- Нет, можешь занять кровать.

- Ну, вот что я тебе скажу. Как насчет того, чтобы я обдумала это за рюмочкой на ночь?

- Идет.

- Надеюсь, у тебя пойло будет лучше, чем здесь!

- Ха! У меня холодильник забит лучшим холодным пивом по эту сторону рая.

- Ну что ж, тогда давай посмотрим на него.

* * *

Следующие несколько недель пролетели незаметно, Зои чувствовала себя принцессой в сказке, а Джимми оказался кем-то необыкновенным. За короткий промежуток времени он дал ей жилье, помог найти работу и заботился о ней всеми возможными способами, хотя не то чтобы она нуждалась в заботе. Но это было приятно.

Впервые в жизни у меня есть человек, которому не все равно, буду ли я жить или умру. Неужели это происходит со мной? - подумала она, улыбаясь, вихрь событий застал ее врасплох. - *Но действительно ли я этого хочу? Нет, я не это имела в виду. Я имею в виду, могу ли я позволить этому случиться? Что произойдет, когда он поймет, что я не старею, что я инфицирована? Что тогда? Мне нужно ему сказать. Но это все испортит,* - сказал голос в глубине ее сознания. - *Так же и ложь, и будет еще хуже, когда он станет старше, а я - нет. И кто сказал, что я никогда не изменюсь? Черт, я могла бы съесть лицо этой байкерши! Нет, мне нужно что-то сделать. Сегодня вечером я усажу Джимми и расскажу ему все.*

Но мы счастливы хотя бы сейчас! - голос про-

должал. - *Оставь его в покое.*

Нет, я не смогу жить с собой.

Удачи в объяснении ему, что ты Шаркающая!

Зои покачала головой, игнорируя ворчливый голос, и оттолкнулась от раковины в ванной. Бросив быстрый взгляд в зеркало, вытирая слезы, она вышла из ванной.

Когда Джимми пришел домой тем вечером, Зои сидела в темноте и рыдала.

- Детка? - позвал он.

- Я здесь, - шмыгнула она носом, включив лампу рядом с собой, когда он вошел в гостиную.

- Что случилось?

Он вообще мне поверит? Он подумает, что мне нужна смирительная рубашка, - размышляла она.

Она весь день думала, как ему это рассказать, полагая, что начнет с рассказа о великой войне нежити. Любой, кто хоть немного знаком с историей, знает об этом.

- Мне нужно тебе кое-что рассказать, Джимми, и я думаю, это повлияет на то, что у нас происходит.

- О...?

- Я не знаю, как это сказать.

- Ты замужем?

Она покачала головой.

- Все гораздо хуже.

- Ты трахаешься с кем-то другим? У тебя есть мужчина?

- Нет.

- Ты кого-то убила? Тебя ищут копы?

- Хотела бы я, чтобы все было так просто.

Джимми фыркнул.

- Если это не одно из вышеперечисленного, то, я думаю, у нас все будет хорошо. Мне было бы все равно, даже если бы у тебя было три головы и четыре члена, а пятый рос из задницы, Зои. Я влюбился в тебя, сильно, и я хочу, чтобы ты всегда была в моей жизни.

Зои фыркнула, пузырь соплей лопнул и разбрызгался по ее переносице, и она подняла на него глаза.

- Ты только посмотри на эти полные слез глаза, - улыбнулся он.

- Заткнись! - сказала она, хлопнув его рукой по груди, улыбаясь. - Мне страшно.

- В этом нет необходимости. Я никуда не уйду, обещаю.

- Послушай...

- Тссс, - сказал он. - Не беспокойся об этом сегодня вечером. Смотри, у меня есть кое-что для

тебя! - из-за спины он достал роскошную коробку с красным бантом. - Открой ее.

Ее рот образовал идеальную букву "О", когда подарок положили ей на колени.

- Что это?

- Давай, узнай.

Зои вытерла слезы со щек.

- Ладно, - она потянула за ленту банта, ослабив ее, и вынула его из коробки.

Когда она сняла крышку и отложила ее в сторону, она ахнула, доставая дорогое платье.

- О, Джимми! Оно прекрасное!

- Я купил тебе пару красивых каблуков к нему.

- Почему ты все это делаешь для меня?

Он улыбнулся.

- Почему бы и нет? Ты моя девушка.

- Да. Я твоя девушка! А ты мой парень!

- Давай, надень свою одежду, я веду тебя сегодня в "Шер".

- В тот шикарный ресторан в городе?

Джимми кивнул.

- Да. Мне наконец-то удалось забронировать нам там столик.

- Зачем это, приятель? - улыбнулась она.

- Неужели парень не может обращаться со своей дамой, не вызывая подозрений? Господи! К

тому же, я сегодня купил себе новую гавайскую рубашку - надо отпраздновать!

Зои громко рассмеялась, и по ее лицу потекли новые слезы.

- Если бы я знала, что у тебя такие важные новости, я бы поставила шампанское на лед!

- Мне надеть ковбойскую шляпу на ужин?

- Шик в стиле вестерн? Мило.

Они захихикали и обнялись.

- Какие бы у тебя ни были проблемы, не стоит беспокоиться, - сказал он ей. - Мы во всем разберемся.

- Обещаешь?

- Абсо-блядь-лютно, - сказал Джимми.

* * *

В своих новых тряпках они отправились в город, горя желанием порвать его и раскрасить в красный цвет. Перед тем как отправиться в "Шер", Джимми отвел Зои в престижный коктейль-бар, чтобы разбудить их аппетиты и начать вечеринку с аперитива.

- Боже, ты выглядишь потрясающе в этом платье, Зои.

Она почувствовала, как ее щеки запылали, она была не из тех, кто стесняется таких коммента-

риев, но с Джимми все было по-другому.

- Спасибо.

- Ты просто сногсшибательная.

- Ты и сам не так уж плох!

- Необычный "Секс на пляже"?

- Часть меня надеется, что ты не имеешь в виду выпивку...

- Ты можешь получить и то, и другое...

- Не в этом платье! - сказала она. - Я никогда не выведу его от песка.

- Мы всегда можем снять его заранее...

- Правда, ты непослушный мальчик! Посмотрим, куда нас приведет ночь? - сказала она, и ее желудок сжался, когда она подумала о том, что ей нужно ему сказать.

Мне нужно выплеснуть это из своей груди; я продлеваю агонию, - подумала она, но была слишком поглощена моментом, головокружительно настроенная на свои чувства к Джимми и на то, что есть и/или может быть.

- Джимми, я все еще...

- Какая песня! - сказал Джимми - мелодия заиграла на музыкальном автомате - вставая со своего места. - Ты потанцуешь со мной? - он протянул ей руку.

- Здесь? Но... танцпола нет.

- Мы можем танцевать прямо здесь, у бара.

Зои рассмеялась, вложила свою руку в его и позволила ему поднять себя на ноги.

- Кто музыкант?

- Что?! Ты не знаешь эту песню?

Зои покачала головой, улыбаясь.

- Нет.

- Да ладно! Это *REO Speedwagon*![2] [broken link: #n_2]

Зои рассмеялась.

- Извини.

- Ты что, под скалой жила?

Прежде чем она успела ответить, увидев небольшую возможность рассказать ему все, Джимми подозвал официанта и заказал еще два напитка.

- И возьми один себе, - сказал он ему.

- Как называется эта песня?

- *"Take It on the Run"*, - сказал Джимми. - Тебе нравится?

Зои кивнула.

- Держи меня крепче, - сказала она, кладя голову ему на грудь. - Почему твое сердце так быстро колотится?

- Это так?

- Бьется.

- По ощущениям, нет.

- Я чувствую такие вещи, - сказала она.

Он рассмеялся.

- Ты определенно странная!

Зои улыбнулась и покачала телом в такт музыке.

Я не хочу, чтобы это когда-либо заканчивалось, - подумала она, теряя себя.

После еще нескольких коктейлей Джимми и Зои двинулись дальше, заходя в другие бары. К тому времени, как они приземлились в "Шере", сидя за своим столиком, Зои была пьяна.

- Это вращающаяся комната или мне кажется? - спросила она, икая.

- Ха! Это все ты, детка, - сказал Джимми.

- Боже, надеюсь, меня не стошнит! Это место выглядит дорогим.

- Если это случится, постарайся сделать это в сумочку!

- Пожалуйста, не шути, - сказала она, смеясь.

- Вы готовы сделать заказ? - спросила официантка, подходя к их столику.

- Десять минут, - сказал Джимми. - Пожалуйста.

- Без проблем, - сказала она.

- Все еще чувствуешь себя плохо?

- Нет, проходит, - сказала Зои, отпивая воды.

- Это хорошо.

Когда Джимми поставил на стол маленькую черную коробочку, она посмотрела на него, и ее сердцебиение подскочило на несколько делений.

- О, Боже... - ахнула она.

- Окажешь ли ты мне честь, выйдя за меня замуж? - спросил он, открывая коробочку. - Я знаю, что это чертовски безумно, что мы не так давно знакомы - несколько недель, - но я знаю, что я чувствую, и...

- Да! Я согласна! О, Джимми... - Зои вытерла слезы с глаз.

- Надеюсь, это слезы радости.

- Это кольцо великолепно! - сказала она, протягивая руку.

Джимми надел кольцо ей на палец и взял ее за руку.

- Сейчас я самый счастливый парень на свете, - сказал он. - Я так боялся тебя спросить. Не думаю, что я бы справился без "Секса на пляже"!

- Ты, возможно, получишь еще один позже, - подмигнула она.

Они вышли из "Шера" в полночь, улицы были пустынны, лунный свет освещал их путь домой.

- Итак, как далеко мы от пляжа? - спросила Зои,

покачиваясь.

- Достаточно близко. Хочешь увидеть пирс?

- Высокий или низкий?

- Оба!

- Звучит неплохо.

Когда они пересекли дорогу, на которой не было движения, Зои услышала неподалеку шум разбивающихся волн.

- Я люблю его.

- Море?

- Не только море, но и близость к нему. Я люблю приморские города.

- Тебе нравятся цирки, ярмарки и все такое?

- О, да. Я видела некоторые из лучших цирков в мире.

- Здесь есть прекрасная ярмарочная площадь. Пойдем, посмотрим.

- Сейчас она не будет открыта, не так ли?

- Нет, но они обычно оставляют свет включенным, пока не закончат закрываться на ночь, что бывает около половины первого.

- В таком случае, пожалуйста, я бы с удовольствием.

- Пойдем, нам сюда.

Джимми провел ее по паре переулков, подальше от шума катящихся волн и темных улиц. Когда

они снова прибыли на хорошо освещенную территорию с несколькими разбросанными домами, она увидела перед собой множество ярких огней.

- Там, - указал он.

Зои наблюдала, как тележка американских горок со свистом мчится по рельсам.

- Они все еще открыты! Пойдем!

Джимми покачал головой.

- Нет, они обычно проверяют аттракционы после того, как они закрываются.

- О... А как насчет завтрашнего вечера?

- Да, звучит неплохо.

- Ну, ну, ну, - сказал кто-то. - Разрази меня гром, если это не гребаные влюбленные птички!

- Вы не попадете на завтрашнее свидание, - сказал второй человек.

Когда Зои повернулась, она увидела, как из тени вышла байкерша из "Отступников". За ее спиной собрались четверо мужчин.

- Помнишь меня, да? - хихикнула она, открыв рот, обнажив черные, сломанные и отсутствующие зубы.

- Проклятие, - сказала Зои.

- Да, ты права.

- Похоже, она сейчас обмочит штаны, - сказал один из ее головорезов.

- Нам не нужны проблемы, - сказал Джимми, вставая перед Зои.

- Поздновато, блядь! - сказала женщина, размахивая разбитой бутылкой и направляясь к лицу Джимми.

Джимми отбил зазубренное оружие с дороги и шагнул вперед. Его костяшка врезалась ей в челюсть, отбросив толстую женщину в сторону.

- Слэш! - крикнул один из ее парней, идя ей на помощь.

- Ублюдок! - прощебетал другой, замахиваясь на Джимми мотоциклетными цепями, пока третий и четвертый приспешники прижимались к нему с боков.

Зои подобрала большой камень неподалеку и швырнула его в парня, державшего цепи. Кусок гранита врезался ему в нос, разбив лицо, и на землю выплеснулась кровавая краска.

- О, черт! - сказал он, выронив оружие и рухнув на колени.

- Берегись! - предупредила Зои, когда парень слева от Джимми ударил его куском доски два на четыре.

- Ты получишь свое, сука! - сказал мужчина справа от Джимми, прежде чем наброситься на него с бейсбольной битой.

- Отстань от него! - Зои бросилась на мужчину, врезавшись плечом ему в ребра и отбросив его назад.

Когда они рухнули на землю, Зои впилась зубами ему в шею, вырвав кусок и проглотив его.

- Угх... - парень прополоскал горло и сплюнул, прижимая руки к ране, из которой хлестала кровь, и захлебнулся насмерть.

Вкус плоти и крови зажег что-то в Зои. С первобытным криком она повернулась, нацелившись на мужчину, все еще избивавшего Джимми. Она вскочила, подпрыгнув в воздух, как кошка в джунглях, и приземлилась на него. Зои впилась ногтями в его щеки, губы и глазные яблоки.

- Ублюдок! - прорычала она, ее голос надломился. - Аааааааа!

Когда он начал брыкаться и падать, Зои спрыгнула с него, собираясь наброситься на байкершу.

- Ты... ты убила их! - взвизгнула она.

- Да, и ты - следующая, жирная свинья! - сказала Зои.

Но прежде чем она успела броситься на женщину, Зои отвлеклась на Джимми, который перевернулся на спину и попытался сесть. Когда он закашлялся, кровь хлынула изо рта и носа, а из уголка глаза потекла струйка. Он протянул

Зои руку.

- Угх... - пробормотал Джимми. - Я-я люблю тебя...

- Нет, Джимми! Нет-нет-нет!!! - закричала Зои, слезы текли по ее лицу, и она собиралась пойти в его сторону, когда что-то твердое и тяжелое ударило ее по затылку. - Ох!

- Как тебе это нравится?! - рассмеялся парень с битой. - Сломать мне нос? Я сломаю тебе голову!

Удар отбросил Зои на путь байкерши, которая всадила свою разбитую бутылку в живот Зои и разорвала ее в сторону; кровь хлынула по ней, пропитывая ее платье и нижнее белье до кожи.

- Ебаная пизда, - сказала байкерша, убирая стекло и нанося удары снова и снова, попав Зои в грудь, горло, шею и живот.

- Джимми, - выдохнула Зои, опускаясь на колени, прижимая руки к нескольким ранам, пытаясь остановить поток крови.

- Твой парень мертв, шлюха. Но не волнуйся - ты скоро присоединишься к нему! - затем она дернула голову Зои назад за волосы, обнажив горло. - Спокойной ночи! - сказала она, вонзая стекло в плоть Зои и поворачивая его, раскалывая, прежде чем вырвать его.

Зои упала на спину, ее дыхание было затруд-

нено, и она протянула руку Джимми. Но она не могла дотянуться до него.

- Ты прикончил этого ублюдка? - услышала она голос сучки.

- Нет, еще нет. В этом гребаном панке еще немного осталось.

- Ну, ты знаешь, что делать. Это будет расплатой за Бонго и Клуба, - сказала она.

Затем звук их голосов сменился звуком дерева о кость, который быстро превратился в мокрые, хлюпающие звуки.

- Ух ты! Смотри, - сказал парень. - Его гребаные мозги просто вылетели из его головы.

Зои плакала, не в силах пошевелиться.

- Ты разбиваешь этой сучке сердце. Думаю, мне стоит избавить ее от страданий. Я же говорила, что достану тебя, не так ли, принцесса? - сказала байкерша, приближаясь к лицу Зои. - Теперь ты не смеешься, да?

- Я хочу ее красивое платье, - сказал он, тыча ей в лицо концом своей биты, полной крови.

- Что за фигня с тобой и их платьями?! Извращенец гребаный.

- Эй! У всех нас есть свои фишки.

- Тебе нравится надевать их, когда никто не смотрит, Танк?

Пока они разговаривали, Зои лежала там и чувствовала, как ее раны начинают затягиваться, ее дыхание стабилизировалось.

Эти ублюдки не уйдут отсюда живыми, - подумала она, и к ней возвращались силы.

- Не лезь в чужие дела, Слэш. Любопытная сучка, - сказал он, опускаясь на колени рядом с Зои.

С детской любезностью он перевернул ее и расстегнул молнию на ее платье, спуская его вниз по ее телу.

- Снять с нее нижнее белье?

- Я *не настолько* извращенец, черт возьми, Слэш.

- Да, ну, а я такая, и я собираюсь завершить ее унижение.

- Это я должен увидеть, - сказал он. - Подожди меня - я просто положу это в свою седельную сумку.

- Все еще жива? Крутая задница, не так ли, принцесса, - сказала Слэш, глядя Зои в лицо. - Ну, ненадолго.

- Ты... - Зои ахнула, ее легкие горели.

- Тссс, - сказала она, срывая с Зои нижнее белье. - О, как стыдно быть обнаруженной. Фу!

Зои резко перерезала горло Слэш бутылкой, которую та уронила, и которую использовала

на ней.

- Блядь! - выругалась Слэш, схватившись за свое горло.

- О, Господи, - услышала она, как Танк зашагал, а затем его стремительные шаги, и ботинок врезался в бок Зои, сломав ребра.

- Аргх! - зарычала Зои, вскакивая на ноги; ее волосы и глаза были дикими.

- Нет, этого не может быть, - сказал он.

Зои прыгнула на него, и они упали на землю.

- Убирайся. Прочь! - проворчал он, толкая ее в плечи.

Ее голодные, скрежещущие зубы сомкнулись на нем, прокусив ему лицо за считанные секунды. Когда она наткнулась на кость, Зои встала и отшатнулась назад, едва не упав снова, но фонарный столб поддержал ее. Затем она кричала, пока ее легкие не стали грубыми, думая, что они вот-вот разорвутся. Слезы хлынули из нее.

Зои зигзагом направилась к Джимми и встала на колени рядом с ним. Когда она повернула его голову, чтобы посмотреть на него, она впала в истерику, жизнь ушла из его глаз.

- Нет-нет-нет! - сказала она, стуча кулаками по тротуару, пока кожа не содралась, а костяшки пальцев не сломались. - Ублюдки!

Вдалеке она услышала вой полицейских сирен.

Не желая оставлять Джимми одного в канаве, но зная, что у нее нет выбора, Зои сбежала.

Я убила их всех, и я сяду в тюрьму, и это того не стоило.

Перед тем как уйти, она вытащила из его кармана бумажник Джимми и вскочила на ноги, ее ноги дрожали.

На такой скорости, на какую позволяло ее изломанное тело, Зои пошла по дороге, отскакивая от мусорных баков, стен и фонарных столбов. Когда она вошла в переулок, она нырнула в него и направилась в темноту. За спиной она услышала визг тормозов машин.

Мне нужно двигаться быстрее, - подумала она, ее тело закричало, когда она достигла конца тропы, теперь оказавшись под туннелем. - *Где я, черт возьми?*

Зои подняла глаза и увидела большую фигуру, скрывающуюся в тени, его тело частично освещалось мерцающим уличным фонарем, а клубы дыма окутывали их.

- П-помогите, - прохрипела она, ее голос был всего лишь шепотом. Зои пошатнулась вперед, почти падая. - Пожалуйста... - она протянула окро-

вавленную руку. - На меня напали. Пожалуйста, вы должны мне помочь...

Он что, не слышит меня? - подумала она, темная фигура не двигалась.

Когда ноги Зои подкосились, она растянулась на земле, ударяясь и сдирая кожу на коленях и локтях. Страхи и слезы хлынули из нее, и она закричала.

- Почему ты не поможешь мне?

Я не могу пошевелиться, - подумала она, пытаясь встать на колени.

Со всей энергией, которую она могла собрать, Зои попыталась тащиться по асфальту, но это было бесполезно. Ее баки были пусты.

Я получила слишком много повреждений. Мне нужна еда, отдых и время, чтобы восстановиться. Этот человек в тени реален? - подумала она, прищурившись. - *Я даже не знаю. Мне могло показаться. Что, если я перевернусь на траву и попытаюсь спрятаться за чем-то на несколько часов? Тогда я смогу уйти отсюда.*

Где-то вдалеке она услышала, как сирены растворяются в ночи.

Я, вероятно, сейчас в безопасности, если только не появятся еще маньяки и не попытаются меня поколотить. Джимми...

- Ты там, блядь, мертвая? - прорычал кто-то на нее.

Он что, пинает меня?! - подумала Зои, чувствуя, как что-то упирается в ее не сломанные ребра.

Она попыталась заговорить, но ее рот и губы были сухими от песка.

Какого хрена ты делаешь, придурок?! Конечно, я не мертвая! - кричал ее разум. - *Отвези меня в гребаную больницу.*

- Ну? - продолжил человек, переворачивая Зои на спину. - Твои гляделки открыты, так что это чертовски хороший знак.

Это клоун?!

Человек наклонился, и его лицо выглянуло из тени.

- Тебе нравится цирк, малышка? Хочешь воздушный шарик?

- Кто-кто ты...?

- Да я же Мистер Щекотун, - ухмыльнулся клоун, вытаскивая сигару изо рта, обнажая острые, окровавленные зубы.

- Пожалуйста! - Зои подняла руку.

- Я отведу тебя в свою палатку, - сказал он, подхватывая ее с земли и держа в своих огромных руках, словно она весила не больше пластиковой куклы.

- Куда?

- На ярмарочную площадь.

- Вот куда Джимми хотел меня отвести... Я не хочу возвращаться туда, - сказала она надтреснутым голосом.

- Замолчи. Теперь ты в безопасности.

- Я хочу в больницу.

- Если я отвезу тебя в больницу, тебя поймают власти. Со мной ты будешь в бóльшей безопасности, чем с кем-либо другим.

- Ты... - она снова попыталась заговорить, ее мир перевернулся, и черные пятна заплясали перед глазами, когда она потеряла сознание.

* * *

Глаза Зои открылись, и хотя она чувствовала себя одеревеневшей и не могла пошевелиться, она знала, что чувствует себя намного лучше; в ней шла регенерация.

Мне просто нужно прийти в себя. Как только я приду, я убегу отсюда. Отсюда?! Откуда? И на чем, черт возьми, я лежу?! - подумала она, ее руки скользили по грубой, почти щетинистой поверхности.

- Эй?

- Ты уже очнулась? - сказал кто-то.

Клоун! - подумала Зои, поворачивая голову. *- Черт, какой он огромный! А что с его макияжем...* - она отшатнулась от него, почти пытаясь зарыться под сеном. *- Это что, плоть свисает с его зубов?* - ее живот перевернулся и скрутился.

- Кажется, меня сейчас стошнит!

- Если так, то используй чертово ведро!

Зои огляделась и увидела деревянное ведро, схватила его и сунула в него голову.

- Тьфу! - простонала она, ее кишки свело судорогой, но ничего не вышло. - Господи...

- Да брось ты это нахрен! - сказал он.

- Да, тупица, - завизжал новый голос.

Ведро выбили из ее рук, и огромный клоун поднял ее на ноги.

- Разве ты не благодарна, что я спас твою вонючую гребаную жизнь? - спросил он, его смрадное дыхание обдавало ее, ее живот снова бурлил.

- Отпусти меня, - закашлялась она, затаив дыхание.

Когда она посмотрела ему в глаза, за болезненные черные и фиолетовые завитки макияжа вокруг них, это было похоже на то, как смотреть в лужи масла - бездну. Зрачков не было. И когда он ухмыльнулся, она поняла, как выглядит ад.

- Ты - особенная, - сказал он, обнюхивая ее лицо

и тело. - Я чувствую это на тебе. От тебя воняет загробной жизнью. Ты бессмертна.

- Откуда... откуда ты знаешь?

Мистер Щекотун ухмыльнулся.

- Потому что я тоже особенный.

- Да! Особенный! Особенный! Особенный! - завизжал второй голос.

- Молчи, Молофья! - сказал Мистер Щекотун.

За плечом Мистера Щекотуна Зои заметила огромную черную птицу, восседавшую на постаменте.

- Это-это...

- Мой питомец, - сказал Мистер Щекотун, приближаясь к уху Зои. - Он тоже особенный! Теперь приготовься - мы выступим через тридцать минут.

Он бросил ее обратно на сено, повернулся и подошел к деревянному ящику, стоявшему перед зеркалом на комоде, по краям которого были разноцветные лампочки; некоторые из лампочек были выключены. Когда он сел на ящик, он заскрипел.

- Что ты имеешь в виду, говоря, что мы *выступим*? Для чего?!

- Чтобы встретиться, поприветствовать и съесть часть нашей аудитории.

- Ч-что?! Я не артистка! И я не каннибал! К тому же, разве не поздно?

Мистер Щекотун рассмеялся.

- Дорогая, вечер только начался! Ты бóльшую часть времени была без сознания.

- Господи...

- Мы оба знаем, что ты мясоедка, девчушка, так что ты будешь моим *новым шоу*.

- Подожди, черт возьми!

Мистер Щекотун повернулся на своем месте и уставился на нее.

- Ты мне должна, - прорычал он, его черные глаза прожигали ее насквозь. - И я собираюсь заработать деньги. К тому же, я вижу этот образ жизни в твоей душе, его просто нужно вытащить из тебя. Я научу тебя всему, что тебе нужно знать, чтобы стать отличным шоу.

- Я благодарна, что ты привел меня сюда, защитил и вымыл, но я не могу оставаться... - сказала Зои, глядя в пол.

- Почему? Зачем тебе жить там, теперь, когда твой муж мертв? Если ты собираешься жить в дороге, то лучше делать это с компанией.

Откуда он узнал о Джимми? Я ему рассказала? - Зои вздохнула. - *Думаю, мне нечего терять, и мне не помешало бы место, где можно спрятаться,*

пока все не уляжется, - подумала она, глядя на Мистера Щекотуна.

- Ладно, ты получишь себе новое шоу.

Клоун улыбнулся.

- Идеально.

- Но есть одно условие.

- Какое?

- Я не собираюсь торчать здесь постоянно, понимаешь, поэтому я бы хотела, чтобы ты начал искать другое новое шоу? Как только ты найдешь замену, я уйду. Буду двигаться дальше. Мне как-то надоело жить у моря...

Мистер Щекотун кивнул с ворчанием.

- Ладно, мы заключили сделку. Но я гарантирую тебе, что как только ты попробуешь и почувствуешь вкус цирковой жизни, находясь рядом с Молофьей и мной, ты не захочешь уходить.

Зои нерешительно рассмеялась.

- Да, может быть...

- Почему бы тебе не отдохнуть еще немного? Тебе еще многому учиться и тренироваться.

- Насколько это может быть сложно?

- Ты умеешь глотать мечи или огонь? Делать трюки или жонглировать?

- Ну, теперь, когда ты так говоришь...

- Тебе также нужно будет задействовать эту

свою темную сторону.

У нее все внутри сжалось.

Что он думает, что знает обо мне? - подумала она.

- Ты уже упоминал это раньше, что мы темные и особенные... Ты что-то упоминал о том, что ты бессмертен?

- Не веди себя скромно, - сказал он, улыбаясь, показывая свой змеиный язык.

- Господи, - пробормотала она, отступая назад и скрещивая руки на сердце.

Это было сделано намеренно, для эффекта, верно? Должно быть.

- Нет, я был создан таким, - сказал он.

Он прочитал мои мысли?

- У меня много талантов, Мисс Некротичка.

- Как ты меня назвал?

- Мисс Некротичка. Это в основном означает гниющую плоть. Довольно уместно, не так ли? - его улыбка стала шире.

- Я... как... Что ты думаешь...

- Я не думаю, я знаю, что ты - нежить, что тебя укусили во время великой войны. Но ты особенная. Ты носитель; предвестник смерти. Ты любишь теплую плоть. Ты можешь не думать, что любишь, но ты любишь, и я стремлюсь вытащить

это из тебя.

- Откуда ты знаешь все это?

- Я *просто знаю*. Я старый, старше тебя, дорогая.

- Ты сказал, что был *создан* таким? Что ты имеешь в виду?

- Всему свое время, Некротичка, всему свое время. А теперь отдохни немного. Завтра начнем.

- Но я думала, что будет представление?

Мистер Щекотун покачал головой.

- Ты сможешь начать примерно через месяц. Некуда спешить. Сначала тебе нужно будет привыкнуть к жизни здесь.

- Это хорошо. Не думаю, что я смогу что-то сделать сегодня вечером. Я чувствую себя такой слабой и уставшей.

- Тебе нужно поесть, и у меня есть как раз то, что тебе нужно, - рассмеялся он, схватив с пола рядом с собой пропитанное кровью одеяло. - Разверни!

- Ч... что это? - спросила она, пригнувшись и наклонившись вперед. - Я не совсем понимаю...

- Подойди ближе, Некротичка, - сказал он, подняв грязную руку и поманив ее пальцем. - Посмотри, что у Мистера Щекотуна есть для тебя.

Она вздрогнула, его ухмылка запечатлелась в

ее сердце.

- О, Боже, - пробормотала она, приложив руку ко рту, наблюдая за изломанными, окровавленными телами байкеров; их молочные глаза смотрели, не мигая, как будто что-то их пленило. - Убери их отсюда нахрен!

- Это твоя работа. И если ты хочешь есть, быть частью моего шоу, то ты их сожрешь. Один глоток, и ты подсядешь. Доверься своему Мистеру Щекотуну.

- Нет, нет! Я не могу... Я...

- Они не оказали тебе никакой помощи. Теперь ешь!

Когда она начала отступать, он протянул руку и схватил ее за волосы, дернув на колени. Вместо того чтобы завизжать от жгучей боли, она завизжала от экстаза; калейдоскоп бабочек праздновал в ее животе.

- Да, тебе это тоже нравится, не так ли? Боль - это то, к чему ты привыкла, не так ли? Это твой друг. Ты находишь в ней утешение.

- Кто ты? Кто ты на самом деле? - прошептала она.

- Твой спаситель.

- Сильнее.

- Что?

- Сильнее. Дерни меня за волосы сильнее! - сказала Зои. - Я не знаю, что говорю!

- О, ты знаешь, и я здесь, чтобы помочь тебе. Ты так долго подавляла тьму... Ты жаждешь ее!

- Нет! Я хорошая. Меня воспитали бороться со злом.

- Это ты так думаешь. А теперь ешь! - сказал он, прижимая ее лицо к изуродованной шее Слэш. - Ешь!

- Нет, пожалуйста!

Когда ее лицо столкнулось с мягкой, кашеобразной плотью перед ней, она подумала, что сейчас заплачет и закричит. Но та маленькая часть ее, которой нравилось, когда ее дергали за волосы, начала постепенно брать верх.

- Я не знаю точно, что произошло между тобой и этими ублюдками, но я знаю, что они поступили с тобой несправедливо и разрушили твой мир. Теперь ешь - ешь их тьму.

Зои покачала головой, пытаясь не поддаться плохому, поднимающемуся в ней, но это было бесполезно, так как ее рот начал чавкать, а зубы скрежетать от жадности; хлюпанье крови и расчлененки заставило ее сердце петь. Когда ее голова закружилась, не в силах остановиться, Мистер Щекотун убрал свою руку.

- Вот это моя Некротичка, - услышала она его голос сквозь ее беспричинные сосательные и чавкающие звуки. - Мы покажем миру, из чего мы сделаны, из какой ткани мы сделаны, и они будут дрожать перед нами; мир станет нашей сценой, Некротичка. Я дам тебе все, о чем ты и не подозревала, что хочешь.

Какого хрена я делаю? - подумала Зои, продолжая жевать шею Слэш, засовывая морду и подбородок все глубже и глубже. - *Что-то помогло мне завладеть собой. Убийство Джимми? Что эти придурки сделали со мной? Или у клоуна есть какая-то форма власти надо мной? Может быть, это комбинация, смешанная со множеством эмоций, которые выходят из-под контроля, усталостью и моим телом, находящимся в агонии?*

С каждым глотком крови, которую проглатывала Зои, она чувствовала, как ее тело оживает еще немного, пока она не смогла съесть еще кусочек и не почувствовала, что может снести здания голыми руками. Зои вскочила на ноги, вытирая остатки своего пиршества с подбородка.

- Вот Некротичка, которую я знал, которая скрывалась в тебе, - сказал он, улыбаясь. - Может, тебе и не понадобится этот отдых! А я тут, думаю,

тебе понадобится гораздо больше поддержки. Ты станешь звездной ученицей, Некротичка.

Зои хотела ответить, резко повернув голову в его сторону, но не смогла. Как будто кто-то временно украл у нее способность говорить.

Что происходит? - подумала она, хныканье попыталось вырваться из нее, но ее страх сменился чем-то другим, чем-то бóльшим. - *Я думала, что чувствую себя живой раньше, но теперь я чувствую себя еще лучше! Сильнее. Несокрушимой!*

- Какая у нас будет команда, - сказал он.

Зои оторвала взгляд от зеркала Мистера Щекотуна, где она была заворожена своим отражением, и снова посмотрела на него.

Мистер Щекотун прав. К черту мир и тех, кто в нем! - подумала она, кивнув ему, и улыбка растянула ее рот.

Она почувствовала себя безумной.

- Я слышу, как трескается мой мозг!

- Тогда ты присоединишься ко мне на сегодняшнем шоу? - спросил Мистер Щекотун, протягивая ей руку.

На заднем плане, за палаткой Мистера Щекотуна, она услышала ведущего манежа:

- Дамы и господа, мальчики и девочки, приготовьтесь к шоку и беспокойству от "Цирка

Страха"! Дорогие родители, пожалуйста, следите за своими детьми, так как некоторые из наших артистов имеют тенденцию кусать, есть и пожирать наших маленьких членов толпы - особенно Мистер Щекотун...

Дамы и господа, мальчики и девочки, приготовьтесь быть шокированными и обеспокоенными "Цирком Страха"! Дорогие родители, пожалуйста, следите за своими детьми, поскольку некоторые из наших артистов имеют тенденцию кусать, поедать и пожирать наших маленьких членов толпы — особенно Мистер Щекотун...

- О, да! Я жажду бóльшего, Хозяин! - сказала она.

- Малыши на вкус божественны, - сказал он, и они оба рассмеялись.

Пока толпа ликовала, кричала, смеялась и аплодировала, Мистер Щекотун и Мисс Балаганная Некротичка выскочили из его палатки, рука об руку, под большой купол...

Перевод: Alice-In-Wonderland

Горячая, густая, сливочная сперма не попала ей в глотку. Она глубоко заглотила член Айвана как раз перед тем, как он кончил, чтобы не подавиться. Чем глубже это было, тем меньше щекотало, когда он брызгал "сливками" в ее узкий пище-

вод. Сдерживая оргазм в своей широкой, тяжело вздымающейся груди. Это требовало практики, и для нее это был самый простой способ проглотить, не суетясь и без беспорядка - особенно когда она стояла на коленях в тесном темном кубрике. Оглушительный бой барабанов, доносившийся из танцевального зала наверху, смешивался с искажениями гитар и рычащим вокалом - металл эхом разносился по обшарпанному кубическому помещению, проникая в каждое вспотевшее тело в здании, похожем на склад, даже через потолок - металл был у всех в крови. Расшатанную плитку и краску в свое время сильно потрепали - очень похоже на Лекси, хотя она была намного моложе и симпатичнее этого старого здания. Однако в нем был характер. Айван был крупным парнем, так что со всех сторон было тесно. Это заставляло ее чувствовать себя сильной, и мужчин тоже, она хорошо знала. Она смотрела на них с трепещущими ресницами, их самое ценное достояние было заключено в ее нежный рот. Кто мог сказать, кто был в более уязвимом положении при любом хорошем минете. Это было наименьшее, что она могла сделать для большого парня, ее способ сказать: *Добро пожаловать в Глазго, и мне жаль, что ты вот-вот умрешь.*

Медленно размягчаясь в ее пищеводе, его страсть к траху угасала, она выпустила "большого парня" из своих губ. Лекси почти действительно почувствовала сожаление, правда, ненадолго:

- Тебе лучше вернуться, пока они не заметили твоего отсутствия.

Когда она это сказала, толпа у них над головами взорвалась, когда группа переключила передачу на следующий трек.

Он заправил себя обратно в брюки, и она открыла расшатанную синюю дверь. Он неловко покосился на нее сверху вниз, его рост был намного больше, чем у нее, почти предвещая беду.

- Тебе что-нибудь нужно?

- Просто иди, Айван, мне нужно вернуться к своим приятелям.

Этого было достаточно, чтобы он ушел.

Лекси любовалась своим накрашенным отражением в зеркале. Подведенные глаза под четко очерченными дугообразными бровями были кокетливыми и хищными. Ее бледная кожа, слегка порозовевшие щеки и полные, ярко-бордовые надутые губки излучали сексуальность. У нее всегда был вызывающий вид с потенциалом "только что трахнутой", что часто случалось. Для десяти других девушек ее внешний вид и поведение ясно

говорили о том, что здесь нет конкуренции. Невысказанное: *Сучки, отвалите в сторону, Лекси прибыла!* Она могла выбирать, это правда. Что касается мужчин, что ж, им лучше быть готовыми, потому что Лекси получает то, чего хочет.

Она посмотрела сквозь слоящуюся краску, под которой крошилась синяя яичная скорлупа. *Что за притон?* Но она любила это место. Именно там она познакомилась со многими веселыми приятелями, несовершеннолетними, конечно, когда все это начиналось, и Пол, безусловно, был ее любимым гитаристом, с которым она трахалась. У него выносливость барабанщика, и он знал, как вести себя непринужденно, он был настоящим ковбоем, и это ее вполне устраивало. Она никогда не понимала желания иметь парня, всех этих глупых игр, печальной моногамии, на которую подписано большинство из тех, кто состоит в паре. Обычная *созависимость* на поводке. Жизнь была чертовски короткой для такого дерьма. С Полом - даже во время многих туров с наркотиками, выпивкой и поклонницами — когда она была рядом, она знала, что может заполучить его раньше, чем любая другая цыпочка, это было настолько "прямолинейно", насколько это возможно. Некоторые парни были ленивы. Они выглядели

хорошо, так что не чувствовали необходимости пробовать. Но он был не только чертовски горяч, он *знал*, как трахаться, и обладал выносливостью и силой, соответствующими внешнему виду. Это была не просто лирика, он взял бы твою девушку, и ты бы с благоговением наблюдал за этим подонком, удивляясь, почему она не стонет так же, когда ты погружаешь *свои* яйца глубоко в нее. Да, Лекси будет немного скучать по нему, но впереди будет еще больше.

Лекси работала в неполную смену в баре танцевального зала, так что проникнуть в суть заведения для нее не составляло труда, и она могла в значительной степени манипулировать кем угодно или напугать до усрачки любую сучку, чтобы добиться своего, если ей требовалась помощь. Таким образом, подача вещества в систему пожаротушения была довольно простой задачей, учитывая обстоятельства. Она хихикнула про себя, когда в ее голове заиграл трек *Slipknot "Psychosocial"*, представляя кислотный дождь, который растопит посетителей концерта...

Лекси открыла диспетчерскую, где находилась станция ручного управления системой пожаротушения. Ее мысли блуждали в поисках следующего приключения, она всегда хотела

посетить Америку, страну свободы, страну мечтателей - и ее мечты были велики, она едва могла дождаться. Она улыбнулась и нажала на рычаг, активируя разбрызгиватели в танцевальном зале. Захлопнула тяжелую дверь, затем направилась вниз по лестнице. Вышла на улицу по пожарной лестнице - заблокировав танцевальный зал наверху узкой жестяной лестницы.

Она поспешила к главным дверям и тоже заперла их на висячий замок. Дождь моросил ей на лицо и слегка завивал волосы, создавая ощущение, отличное от бойни, разворачивающейся внутри; это была настоящая *резня кислотным дождем*. Все были освежеваны до костей, словно побывали в руках Мэллори и Микки Нокса[3] [broken link: #n_3], но более организованно и без всей этой ненужной чепухи "до самой смерти". Лекси была более чем счастлива помочь осуществить план, но, черт возьми, ее бы за это вздернули, или что похуже. Такова была жизнь Пола Флинта, которую можно было испортить - у нее было слишком много дел, чтобы жить, группы, которые нужно было посмотреть, места, которые нужно было посетить, народ, которого можно было испортить. Однажды она станет писательницей, и это будет отличная история. *Ху-*

дожественная литература, конечно. В конце концов, юность была посвящена *коллекционированию историй*.

На фоне эха криков, доносящихся изнутри здания-достопримечательности, снаружи по всему фасаду с мягким жужжанием вспыхивала культовая неоновая вывеска; смелая и дерзкая, как бойня внутри. Она поспешила к мусорным бакам у стены заведения и вытащила свой спортивный рюкзак. На главной улице Лекси сошла с тротуара, ее полиэстровая юбка была задрана слишком высоко, гарантируя уверенность, что ее быстро подберут. Тут же подъехал черный фургон с выключенным светом; сев в него, она повернулась к танцевальному залу:

- Это было чертовски круто, Глазго, увидимся!

* * *

Дэйв начал заниматься этим ради денег, когда ему было 17. Все началось в грязных переулках, туалетах, на задних сиденьях автомобилей. Ему нравилось, когда отсасывали его член, и умел сам отсасывать намного лучше. Люди склонны рассуждать о размерах, но, судя по его опыту, его 8 дюймов[4] [broken link: #n_4] - это больше, чем большинство знало, что с ними делать. Эти

"дырки славы"[5] [broken link: #n_5] были великолепны, когда рот Дэйва оказывался с другой стороны. Не думайте, что это сделало Дэйва настоящим мужчиной - нет, просто он кого угодно мог заставить кончить, что доставляло ему удовольствие и подпитывало его привычку коллекционировать сувениры из фильмов ужасов и татухи. Он также сохранил абонемент в спортзал, что также обеспечило ему постоянный поток клиентов. Он делал то, что любил, питался тем, что любил, - жил мечтой.

Только когда он начал встречаться с Дженной, к тому времени ему было около 24, представилась возможность. Однажды она позвала его на съемки после того, как другой актер заболел, и здесь Дэйв обнаружил, что у него есть умение зарабатывать больше денег и трахаться веселее, чем было на самом деле. Это правда, какой молодой парень не мечтает стать порноактером в Лос-Анджелесе? Большинство из них не прошли бы отбор даже в своих самых смелых эротических мечтах, и попасть туда — это просто глупая удача - оказаться в нужном месте в нужное время или узнать правильную (или неправильную) девушку. Дженна поддержала Дэйва во всем, что касалось неправильного, и она знала, что делать

с его причиндалами.

Его яйца ударились о яйца другого парня. В его голове они устроили битву — кто сможет трахать быстрее и сильнее, кто сможет дольше сохранять темп, пока работает камера. Он понимал, что все может быть выставлено напоказ, что камера может запечатлеть любую часть его тела, поэтому он позаботился о том, чтобы все было выпрямлено, напряжено, чтобы каждая мышца была видна наилучшим образом.

Его телосложение не было чрезмерным, просто хорошо очерченным. Он был доволен тем, как развивалось его тело — в детстве он был таким худеньким — спортзал, гормоны и, безусловно, секс поддерживали его в хорошей форме. Форме, которой был бы доволен любой чувак.

Дженна застонала и сжалась под ним. Настолько сильно, насколько это было возможно, когда в нее врезались два члена. Руки Дэйва крепко сжимали ее бедра, обхватывая ее задницу своими жилистыми ладонями, когда он входил и выходил. Какое-то время он любовался новой татухой на своей левой руке - черно-серым, злобным, садистски ухмыляющимся клоуном. Они собирались хорошо провести время вместе, надрав кучу задниц. Он почти видел, как клоун подмигивает

ему и голосом, похожим на голос Пеннивайза, подначивает его. Звуки, которые она издавала, забавляли Дэйва. Хотя он никогда не видел ее с другим парнем, он знал, что в отсутствие камер она говорила по-другому. Это действительно была игра, даже если все было сосредоточено на действии.

Первые съемки продолжались четырнадцать часов. К концу он был взмылен, каждый мускул ныл. Частично из-за секса, в значительной степени из-за бесконечного "старт-стоп" сцен и из-за того, что он сдерживался, когда его тело хотело кончить, но он не мог, пока не пришло "время". Он не хотел упускать свой шанс. Для новичка было тяжело; съемочная площадка была до краев заполнена людьми, у каждого были свои роли, свои планы на фильм. Режиссер, Большой Ник, не был новичком. Он был большой шишкой в индустрии, и каждая начинающая молодая порнозвезда знала, что если они станут постоянными участниками фильмов Большого Ника, то смогут просто сногсшибательно заработать! Каждый хотел получить свой кусок. Дэйв попал в команду и очень быстро стал большим любимцем среди фанатов и коллег.

Большой опыт не всегда идет мужчине на

пользу, но в этой игре ему это было выгодно. Он никогда не кончал слишком быстро. Он знал, как контролировать себя, как поддерживать эрекцию, он мог кончить по первому требованию и выглядел хорошо. С его уровнем контроля не многие могли сравниться, хотя он все еще наслаждался привилегиями флаффера[6] [broken link: #n_6]. Особенно юной шотландки Лекси-Лизуна, которая, казалось, была рада поддержать его, когда не снималась сама. Дэйв проработал в киноиндустрии уже три года, когда появилась Лекси. Их отношения быстро развивались вне съемочной площадки. Когда только секс является началом и ледоколом, отношения, порожденные индустрией, часто развивались со скоростью лесного пожара и иногда так же быстро угасали. К этому моменту Дженна уже вылетела в Великобританию, чтобы попробовать себя в реалити-шоу, прежде чем наступит ее "срок годности" в нынешней отрасли.

Некоторые женщины кричат, некоторые стонут, некоторые исполняют мелодию, когда кончают. Мужчины так же сильно различаются по выражению лица и по всем оттенкам промежуточного или запредельного. Но в этих фильмах все это только для показухи — стоны, крики,

конвульсии экранного оргазма. Спектакль для вашего удовольствия, не для ихнего. Настоящая ебля происходит за кадром, на закрытых вечеринках и импровизированных посиделках актеров. Даже новизна этого изнашивается больше, чем можно было бы предположить.

В этой области мужчины находятся на менее стабильном пути, и есть возрастные ограничения — спроса на парней постарше просто нет. Женщины - настоящие лидеры в кино. Мужчинам просто нужна приличная фора, чтобы не отставать, плюс к приличной внешности, но давайте будем честными, здесь есть место для любого разнообразия. Дэйв знал, что Лекси не потребуется много времени, чтобы превзойти его популярность. Она была молодой, задорной, гибкой и энергичной. Ее тело было разукрашено татуировками и пирсингом — фантазия рок–цыпочек, и для нее это был не просто внешний вид — она действительно увлекалась альтернативной музыкой, так что у нее было время поболтать и рассказать истории, которые дополняли ее образ. Если добавить к этому ее акцент, то она была из тех, о ком пишут в книгах, ясно вам?

* * *

Дэйв и Лекси провели весь день за выпивкой, не посещая спортзал и не подсчитывая калории. Хотя Лекси, похоже, не беспокоилась о калориях, как многие девушки (работающие в этом бизнесе), возможно, свою роль сыграла удачная генетика. Целый день они смотрели фильмы ужасов, развлекались, а иногда и вовсе отключались. Небо окрасилось в розовый цвет, и летняя жара все еще стояла невыносимая, хотя кондиционер немного скрашивал промозглый вечер. Финальные титры *"Страны мертвых"* теперь шли на огромной проекционной стене перед огромным бирюзовым диваном с чрезмерной обивкой. Маленькие ножки Лекси мягко ерзали у него на коленях, массируя пальцами его яички, пока она закручивала свои волосы.

- Хорошо, допустим, произошла вспышка зомби-эпидемии. Ты загнан в угол. У тебя есть пистолет с одним патроном в стволе. Твой ход?

- Разве это не очевидно? Я бы нырнул головой вперед, раскинув руки, и отдался орде. Зачем с ней бороться.

Лекси вопросительно посмотрела на него.

- Что?! Ты думаешь, я бы поступил как послед-

ний трус и пропустил все веселье, как последний слабак? Ни в коем случае, я бы хотел почувствовать, что может предложить "абсолютный конец", другая сторона. Или, возможно, "эволюционировался". Я имею в виду, если произошла вспышка зомби - это просто эволюция, не так ли?

- Ну, я полагаю, что это так, но выстрел в голову был бы гораздо менее болезненным.

- Конечно, но где в этом приключение.

- Приключение? В любом случае, ты-мертв?!

- Конечно, но одно дело, ты - мертвее мертвого, а другое... Кто, черт возьми, знает, если ты не примешь синюю таблетку, верно? Я бы предпочел не быть мертвее мертвого как можно дольше. Плюс! Это может быть довольно возбуждающе.

- Возбуждающе?!

- Да, только представь орду, которая так сильно жаждет твоей плоти... они сходят с ума от этого, это все, о чем они могут думать, их единственное стремление - вторгнуться в твое тело пальцами и лицами и погрузиться в твои внутренности. Они хотят поглотить тебя, стать тобой. Да, ладно! Зомби - это круто. Это намного лучше, чем пуля.

- Ха-ха! Дэйв, ты - извращенный ублюдок, ты это знаешь?

- Я знаю, детка, именно поэтому ты так любишь

проводить со мной время, - Дэйв подмигнул.

* * *

Травля продолжалась (хоть и тихо) довольно долго - охота на неуловимого супер-заразного "нулевого пациента". Это была одна большая счастливая "семья", работавшая в порно, пока дьявольская болезнь не начала охватывать их со скоростью лесного пожара - настоящая порно-чума. Индустрия не могла долго скрывать это. Как только болезнь начала просачиваться в массовое русло, вскоре внимание переключилось на развратный сектор. В прошлый раз во всем обвинили геев. В этот раз ею заражались все сексуально активные. Не имело значения, с кем ты переспал - если ты был сексуально активен, ты подвергался риску. Вы знаете, что раньше презервативы продавались так, словно они были средством от всего, что передается половым путем, но не в этот раз. Из-за этой новой болезни произошли изменения. Презервативы не подходили. Даже если бы они действительно защищали, многие режиссеры внесли бы актера в черный список за то, что он предложил использовать резинку.

Индустрия, мягко говоря, была на взводе. Необходимость пройти тесты на чистоту была раздута

всеми режиссерами по всей стране - бюрократическая волокита в секс-индустрии. Пока вы проходили тесты на чистоту и не занимались сексом вне установленного производственного "пузыря", все было хорошо. Документы должны были быть не старше 2-х недель, этот стандарт использовался некоторыми долгое время, но теперь его начали применять повсеместно (по крайней мере, внешне). Не все режиссеры придерживались отраслевой системы, но во время эпидемии некоторые подхватили ее и затянули пояса - слегка. Они продолжали снимать. Даже если их самые любимые звезды умирали, всегда находилось свежее мясо, которое ломилось в дверь, чтобы попасть внутрь.

X0M813, более известный как вирус "Хруст-813" - говорили, что прозвище произошло из-за хруста в костях после того, как началась инфекция, и постоянного треска челюстей и зубов, которые переросли в убийственную ярость. Новое и неизлечимое заболевание; никто не придумал, как остановить зараженных, когда это произошло, и вспышки убийств в целях самообороны окружили инфицированных и тех, кто просыпался, болтая рядом с ними. Это действительно было похоже на что-то из кино. Конечно, никто не

использовал слово на букву "З" - это была выдумка, черт возьми. Однако именно так все и происходило, почти в точности - в небольших, спорадических очагах безумия по всем Штатам. Из-за рубежа пока не поступало никаких сообщений.

Дэйв сам не проходил тестирование. Правда заключалась в том, что он долгое время ни на что не сдавал анализы - у него был поставщик мочи. Он всегда считал, что требование сдавать кровь или мочу было слишком агрессивным, чтобы любой работодатель мог настаивать на этом, поэтому он взбунтовался.

То, что Дэйв был *носителем*, было неоспоримым фактом. Это стало очевидно после секса на одну ночь, когда утром цыпочка превратилась в слюнявое, скрежещущее, хрустящее костями месиво. Дэйв не мог допустить, чтобы кто-нибудь узнал. Ему повезло, что в ту ночь было они немного поиграли с наручниками; когда появились симптомы, она все еще была в наручниках. Заткнув цыпочке рот кляпом, чтобы она не могла кусаться, Дэйв перекинул ее через плечо и потащил в подвал — она брыкалась в его грудь, как неохотно привязанный мул. Что касается кляпа-шарика, то он не беспокоился об

инфекции, скорее он не хотел, чтобы на его теле были следы, которые могли повлиять на работу, а шум, который она производила, состоял из одних стонов и хрюканья — их было недостаточно, чтобы услышал кто-то за пределами квартиры.

Дэйв стоял в одних шортах, и капли пота стекали по его груди и спине. Капли казались холодными на его разгоряченной коже. Сердце бешено колотилось в грудной клетке, но его переполнял не страх, а возбуждение. Чистый адреналин. Адреналин, которого он раньше не испытывал, взбудоражил его больше, чем что-либо другое когда-либо. Он понял, что искал что-то всю свою жизнь и до сих пор не понимал, что именно. Вот оно! Он был неуязвим - он мог передавать это дальше, но не был заражен.

Он осмотрел свой подвал, свое место для коллекционирования, где хранил ценные сувениры из фильмов ужасов 70-х, 80-х и 90-х годов; тщательно расставленные на полках его "пещеры" плакаты, статуэтки, оригиналы VHS и копии реквизита, выпущенные ограниченным тиражом. Он любил этот подвал... Взгляд Дэйва остановился на обнаженной, загорелой блондинке, трогательно скрежещущей кляпом во рту, пока она извивалась на мягком диване со связан-

ными лодыжками и руками. Он редко приводил сюда, в свое убежище, кого-либо, кроме Лекси. *Но эта девушка, которая должна была стать очередной мимолетной интрижкой, стала настоящей жемчужиной коллекции,* - подумал он. И он был почти уверен, что она явилась оттуда - от Источника. И Дэйв, как истинный коллекционер, нашел что-то новое для коллекционирования, что-то, что никто другой не смог бы сохранить.

Теперь Дэйв целенаправленно искал тех, кого он мог бы добавить в свою *коллекцию*. Было легко найти подающих надежды молодых актеров и актрис, которые думали, что он сможет их где-нибудь пристроить. За две недели он собрал семь успешно инфицированных женщин, всех усмирил и поместил в свой подвал; Дженнифер, Эллисон, Тиа, Сью, Джем, Аниту и самую первую, Никки. Он пытался привлечь в коллекцию и мужчин, но у них, казалось, был иммунитет. Он мог бы пойти на большее, но ему не терпелось приступить к осуществлению своего плана, и он был уверен, что вместе они смогут добиться большего и быстрее, в которой он лидирует.

Когда Лекси узнала об этом, она была неожиданно спокойна. Она никогда не возражала против того, что он спал с кем попало, это нико-

гда не было проблемой, и она, казалось, ценила его аппетит как коллекционера фильмов ужасов. Хотя держать зомби-цыпочек в подвале - это действительно новый уровень... Эта девушка не была поэтапной. От этого она понравилась ему еще больше. Он тут же решил заручиться поддержкой Лекси в своем плане.

* * *

Он оставил незапертой дверь наверху лестницы и дверь своей квартиры. Успокоительное, которое Лекси приобрела, работая волонтером в приюте для животных, похоже, подействовало на зараженных. Они не вырубились, но были подавлены. Никто из них не знал, как долго это продлится.

Это был его звездный час, его главная роль, и он собирался привести свой гарем на вечеринку. В клубе над его квартирой все было в полном разгаре, музыка отдавалась эхом под потолком, и он мог представить себе, как молодые тела танцуют и ищут с кем бы им переспать.

Дэйв прошелся между предметами своей новой коллекции, расстегивая застежки и вынимая различные кляпы. Некоторые из них начали портиться. Высыхающая кожа обесцвечивалась

и шелушилась. Несмотря на все их движения и отчаянные попытки насилия и потребления, очень рано стало очевидно, что они в некотором роде мертвы. Что-то молекулярное оживляло их, но сознание у них отсутствовало или, по крайней мере, больше не походило на человеческое. Человеческое практически исчезло. Эти грызущиеся, хрустящие, отчаявшиеся существа не руководствовались никакой логикой, казалось, это были только базовые побуждения.

Он видел кадры в Интернете, на которых некоторые съемочные площадки были полностью разрушены, когда изменение коснулось зараженных. Казалось, что либо Дэйв был не единственным, кто использовал чужую мочу для проведения тестов на чистоту, либо, как и ожидалось, некоторые режиссеры не позаботились о проверке. Кадры представляли собой безумную кровавую бойню, которая иногда начиналась в середине действия. Безумный взрыв неспровоцированного хаоса, в результате которого зараженные разрывали в клочья всех, кто попадался им под руку. Некоторые камеры все еще показывали каннибальское безумие. Именно так зараза и распространялась - через укусы, как у бешеных собак. Те, кто был заражен в результате

укуса, быстро умирали. Это не было медленным поражением их организма, как могло бы быть при передаче инфекции половым путем.

Дэйв никогда особо не смотрел порно. Он не посмотрел ни одного из своих фильмов. Он был скорее деятелем, чем вуайеристом, но кадры с беснующимися инфицированными, заснятые на съемочной площадке, зацепили его. Ему понравилось. Он фантазировал об этом. Как повторяющиеся сны после марафона фильмов о зомби. Он стал совершенно одержим идеей оказаться среди них, в центре их самых животных желаний. Того, что у них должно было быть, сводило их с ума, они хотели вторгнуться в него. Он хотел быть одним из них, чувствовать, как руки впиваются в его тело, и самому уступить их голоду. Он хотел почувствовать, каково это - измениться и стать совершенно раскованным - за исключением того драйва, который, он был уверен, был у всех них.

Дэйв закрыл глаза, прокручивая в уме отснятый материал, и его пульс участился, когда безумные образы пронеслись перед его закрытыми глазами. Фантазия.

Они набросились на него, впиваясь зубами в живот и разрывая кожу; его кожа рвалась, растягивалась и оттягивалась, как резинка. В отличие

от других женщин в его жизни, у этой стайки баб было больше одного органа в их безумных головах. Это было более жестоко, чем он себе представлял, боль пронзила его насквозь, и он почувствовал, как его собственная кровь, теплая и влажная, залила его тело, когда он с глухим стуком рухнул навзничь на деревянный пол. Его охватило безумие, когда семь женщин разрывали его на части. Откуда-то из этого хаоса появилась Лекси - ее тело было насажено на него, и она скакала на нем в ритмичном движении наездницы задом наперед; татуировка Бетти Пейдж на ее правой ягодице всегда была его любимой. Она трахала себя, используя его в размеренном темпе, который, как он знал, ей очень нравился. Семерка, казалось, не замечала ее присутствия, когда она раскачивалась на нем всем телом вверх-вниз, в то время как они наслаждались его животом и лакомились его конечностями. Ему никогда еще не было так тяжело; быть съеденным заживо, в эпицентре этой омерзительной "семьи" из плоти и крови. Он чувствовал, как из него вырывают жизнь. Его пульс участился, сердце бешено колотилось с каждым ударом скрежещущих зубов о его тело и с каждым движением бедер Лекси, опускающейся на него. Покалывание

распространялось по всему телу с учащенными, тошнотворными ударами. Затем его пронзила боль, электрические импульсы разлились по всему его истерзанному телу. Казалось, что голова Дэйва вот-вот взорвется - он балансировал на грани своей неминуемой кончины. *Новый член "Клуба 27"[7] [broken link: #n_7],* - в голове мелькнула шальная мысль. - *Что за путь предстоит пройти?* Его татуированный злой клоун ударил его кулаком по голове, когда сознание закружилось в разноцветном вихре, заикаясь от помех, как на старой видеокассете, а затем исчезло в никуда. Физическое оцепенение заглушало мучительные ощущения, терзающие тело, когда он лежал посреди этих изнуряющих массовок на порно-съемках, развратниц, клубных пикаперов и Лекси, которая, насколько он теперь знал, могла быть их королевой. Она каким-то образом превосходила его в его собственных фантазиях, как это было бы в их ретроспективе карьеры. Все происходило как в замедленной съемке. Хрюканье и стоны удовольствия сочетались с влажным хлюпаньем, с которым они вонзались в его тело, пережевывая его большими неаккуратными кусками. Кровь лилась из скрежещущих челюстей - его кровь, - их глаза были остекленевшими,

бесцветными, мертвыми, но желание было ясно видно по тому, как они щелкали зубами и отчаянно цеплялись за него.

Лекси кончила, громко крича - ее наслаждение прорывалось сквозь стоны, хрюканье и чавканье семерых. Она слезла с него и взяла за руку одну из ближайших к ней зараженных, развернула упыря и усадила ее на очень возбужденный член Дэйва. Лекси водила бедрами зараженной женщины вверх-вниз, пока та сама не вошла в ритм. И она это сделала, с хрустом костей, скрежетом зубов и энтузиазмом стуча ими, оседлав его, одновременно пережевывая кусок мяса, который она оторвала от его бедра. Лекси поднялась обратно по лестнице, захлопнув дверь и заперев ее на ключ. Теперь он был куском мяса, который рвал на части и по-настоящему трахал какой-то зомби-парад любителей секса на одну ночь. Его сожрала его коллекция, и он был первым. Сердце Дэйва не выдержало, когда его гарем утолил свой голод по нему.

* * *

Лекси вернулась в подвал, ценные сувениры Дэйва были залиты кровью. Вонь человеческих потрохов ударила ей в горло, но это не вызвало

рвотного позыва. Это поразило ее, и она вдохнула поглубже, закатив глаза, затрепетав, как будто это был самый сладкий аромат, будоражащий ее душу. Она вышла из подвала всего на час, чтобы умыться и одеться. Теперь орда сидела вокруг, слизывая кровь друг с друга, как послушные маленькие обезьянки, обгладывая кусочки плоти, застрявшие в волосах и щелях.

Тело Дэйва выглядело так, будто в его желудок вторглись Чужие. О, да... Они любили свежее мясо органов. Лекси знала об этом, поскольку последние несколько недель тайком кормила их, пробираясь в его квартиру, когда его не было рядом. Они ворковали и ворчали на нее, как животные; она чувствовала к ним что-то, чего не чувствовала к людям, как к домашним животным, брошенным в приютах. Запертые в клетках, они ждали своей участи. Они никогда не пытались ее укусить. Лекси схватила рулон клейкой ленты с полки на верхней площадке лестницы, ведущей в подвал. Стоя над выпотрошенным телом Дэйва, она наблюдала за работой орды. На его члене была содрана кожа - он блестел, словно ободранный, орган выглядел сердитым и жалким, тяжело свисая, как освежеванная змея, над его окровавленными яйцами. Лекси

обратила свое внимание на зияющую полость и засунула все, что смогла, из его внутренностей обратно в живот, а также обмотала зияющие раны большими полосками черной ленты - *со всем остальным это сработало, почему бы и не с этим?* Она пожала плечами, восхищаясь своей работой. Присев на корточки, она раскинула руки; зараженные стали слизывать с них кровь - как щенки, ухаживающие за своей матерью. Их языки были сухими, но, как ни странно, эффективными, учитывая то, что они натворили. Лекси задумалась, выделяется ли у них вообще слюна, и если да, то как.

Как раз в этот момент тело Дэйва начало подергиваться. Спазмы заставили его кости издавать характерный хруст и треск, как это было заметно у выживших после заражения, когда они менялись. Все зараженные, о которых Лекси слышала и которых теперь видела, были женщинами, и она сочла это весьма показательным с точки зрения эволюции. В том, что мужчины вымрут, а женщины будут править миром даже после смерти, был смысл. Она задавалась вопросом, будет ли другая мутация, позволяющая этим инфицированным - выжившим после заражения размножаться в какой-либо форме. Возвращаясь

к представшему перед ней зрелищу: *Был ли Дэйв первым мужчиной?* - задумалась она. - *Будет ли он единственным?*

Эта мысль заставила ее усмехнуться: *Разве не мечта каждого мужчины - быть последним на земле, полной женщин?* Лекси запрокинула голову и рассмеялась; она не могла сдержать веселья:

- Ну, Дэйв, я очень надеюсь, что это было так хорошо, как ты себе представлял.

Дэйв встрепенулся на звук ее голоса, как будто его дергали за ниточки марионетки, его зубы дико стучали — как заводной набор комедийных зубов, но гораздо страшнее было то, что он мотал головой из стороны в сторону, как собака, ожидающая команды.

Громкость, доносившаяся из клуба наверху, возросла, музыка грохотала по всему зданию; приглушенные интенсивные вибрации, когда посетители танцевали и бродили по залу, создавали гортанное ощущение, и это привлекало орду. Они одновременно втянули воздух, судорожно втягивая в ноздри какой-то новый опьяняющий эликсир, и улыбка тронула потемневшие губы Лекси. Она поднялась на своих шпильках, и ее орда поднялась вместе с ней. Она повела их легкой

походкой, под хруст костей, вверх по лестнице, прошаркала через квартиру, через соединяющий их коридор и дверь в клуб. Она шла уверенной походкой, покачивая бедрами, а за ней, словно шлейф зомби, следовал ее гарем, армия, которая делала ее *неприкасаемой*. За ней, постанывая и похрустывая, семенил Дэйв, обмотанный липкой лентой, - мужчина, создавший свою *коллекцию премиум-класса*. Хотя, будучи единственным известным мужчиной, который изменился - возможно, он все-таки был немного особенным, эволюционировал.

Перевод: Zanahorras

- Озеро Скад, - бормотал старина Джим за кружкой "Гиннесса", и густая пена стекала по его густым усам, - это, черт возьми, самые большие карпы, которых вы когда-либо видели.

Это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой. Тихое озеро, приютившееся в отдаленной деревушке, забытой самим временем, - и все же оно было там, где и говорил отшельник из паба, - на полуразрушенной, заросшей дороге без опознавательных знаков, которая, казалось, вообще никуда не вела.

Дэниел и Грегори были поражены видом огромного водного пространства и, не в силах

поверить в свою удачу, отправились в путь на своих надувных каяках. Они вытащили пятерых здоровенных ублюдков, прежде чем на берегу появилась окровавленная женщина и начала орать, зовя на помощь.

Грегори, который держался чуть позади своего отчима, ушел под воду первым. Его каяк сдулся через несколько секунд, когда под поверхностью спокойной воды в него ударилось что-то острое. Затем, прежде чем он успел среагировать, Дэниел последовал за ним, его потянула под воду покрытая шрамами рука размером с его голову - последнее, что он смог вспомнить, прежде чем очнуться в непроницаемой, удушающей темноте. Если бы не звук собственного затрудненного дыхания и жгучая боль глубоко в плечах, он бы решил, что уже мертв.

- Грегори? - пробормотал Дэниел: - Ты здесь, парень? - послышался лязг металла, когда он неуверенно ощупал пустоту вокруг себя. Его ноги слабо болтались в воздухе, как будто он был подвешен. - Грег... - Дэниел подавился, а затем его вырвало, как он мог только надеяться, озерной водой, отчего плечи и верхнюю часть спины пронзила жгучая боль, когда его тело попыталось механически согнуться пополам. - ГОСПОДИ,

МАТЬ ТВОЮ!

Он поднял дрожащую руку над головой и неуклюже нащупал то, что его удерживало. Его пальцы пробежали по холодной шероховатой поверхности и нащупали несколько изогнутых звеньев. Цепи. Две - по одной к каждому плечу. Как именно цепи удерживали его, он не мог сказать, но, если судить по по адской боли в верхней спине...

Справа от него послышалось шарканье (или, возможно, оно раздалось прямо впереди; в затянувшейся темноте звук, казалось, доносился со всех сторон одновременно).

- Грегори, если это ты, скажи что-нибудь.

Снова шарканье. Лязг цепей. Затем раздался тихий стон. На краткий, иррациональный миг Дэниелу показалось, что он заперт в комнате с зомби или другой херней из Ада. Но потом понял, в чем дело.

На следующей неделе ему должно было исполниться пятьдесят лет. Его друзья, как известно, из кожи вон лезли, когда дело касалось неожиданных попоек, но на этот раз даже они зашли слишком далеко. Это, безусловно, объясняло, почему старина Джим упомянул озеро Скад и почему Грегори согласился поехать.

- Смешно, ребята. Поржали - и хватит, спустите меня. Что бы вы мне ни сделали, это чертовски больно.

Послышалось короткое электрическое жужжание, и комната залилась светом.

* * *

- Это всего лишь на один день, и для него это имеет огромное значение, - сказала Дженнифер, ожидая возвращения продавщицы с подарком для Дэниела.

Она собиралась преподнести ему на день рождения новое удилище - *"Vision XO Graphene"*. Дорого, но это было то, о чем он говорил в течение нескольких месяцев. Если повезет, ей больше не придется об этом слышать.

- Он просто такой неуклюжий, - ответил Грегори, не отрывая взгляда от телефона.

Продавщица вернулась с большим пакетом. Дженнифер расплатилась и поблагодарила ее, прежде чем вывести сына из магазина.

- Конечно, у него есть свои причуды, но он для тебя лучший отец, чем когда-либо был твой настоящий отец. Ты не умрешь, если покажешь ему, что тебе не все равно.

Грегори вздохнул.

- Я знаю. Тебе не обязательно говорить мне об этом. Но трудно поддерживать беседу с человеком, с которым у меня практически нет ничего общего. Я имею в виду, что этот человек даже не любит мобильные телефоны!

- Я не техно-гений, но со мной ты нормально общаешься.

- Ты моя мама.

Дженнифер прикусила губу. Даже спустя шесть лет Грегори не называл Дэниела своим отчимом. Конечно, она никогда бы не заставила его так поступать, если бы это причиняло ему дискомфорт, но она знала, что Дэниел всегда старался изо всех сил с ее сыном, несмотря на то, что его усилия редко получали признание.

Они пересекли оживленный торговый центр, едва не задавив маленького ребенка с дистанционно управляемой машинкой, и вернулись к машине. Дженнифер понизила голос, переходя на заговорщический тон:

- А что, если я позволю тебе поехать в Испанию с Эдвардом и Томом?

Грегори, наконец, оторвался от своего группового чата.

- Серьезно?! Я думал, ты сказала, что они слишком незрелые для первого отпуска без ро-

дителей?

- И я по-прежнему придерживаюсь этого утверждения. Но побыть немного наедине со своим отчимом будет полезно для вас обоих. Особенно в преддверии его дня рождения, - Грегори лихорадочно стучал пальцами по мобильному, отчаянно желая сообщить приятелям хорошие новости. - НО, - продолжила Дженнифер, убирая удочку на заднее сиденье "Джипа", - ты должен пообещать мне, что приложишь усилия и не будешь все время сидеть в телефоне.

- Договорились, - Грегори откинул с глаз длинную челку и улыбнулся от уха до уха.

* * *

После того, как глаза Дэниела привыкли к слепящему свету флуоресцентных ламп, ему не потребовалось много времени, чтобы оглядеться и понять, что он вляпался в серьезное дерьмо.

Прямо перед ними виднелись два гигантских зубчатых колеса, соединенных цилиндрическим стержнем, проходящим горизонтально между ними. Дальше он проходил сквозь затянутую паутиной кирпичную кладку в соседнюю комнату или, возможно, наружу. Из-за отсутствия окон было невозможно определить наверняка.

Вторая машина стояла справа. Воронка, имевшая форму конуса, спускалась в прямоугольную металлическую камеру с проржавевшим желобом на дне. Стены были покрыты решеткой из труб и выступающих кирпичей. К металлическому кронштейну на потолке было подвешено не менее дюжины цепей из оцинкованной стали, и на конце каждой из них висело по большому крюку для мяса. Многие крюки были темно-коричневыми, хотя пара все еще блестела в резком освещении. Дэниел изо всех сил старался не паниковать, глядя на свой болтающийся торс и запекшуюся кровь, которая образовала узоры на его руках, прежде чем забрызгать пол у его ног.

Раздвижная дверь слева от него открылась, и в комнату вошли двое мужчин: один невероятно высокий, другой был похож на гнома.

- Кто вы, суки? Зачем все это? - заорал Дэниел. - Где Грегори?

- Бля! Один из ангелов пал, - сказал высокий человек, полностью игнорируя Дэниела. Он был ростом под два с лишним метра, с бритой головой и тощим телосложением, которое, по сути, скрывалось под его заляпанным грязью комбинезоном. - Говорил же, кожа у нее тонкая.

- От нее теперь никакого толку, - простонал

Карлик, ковыляя под ногами Дэниела в противоположный конец комнаты.

На нем был красный войлочный жилет и желтые трусы в пятнах. Его грязные светлые волосы спадали на неопрятные плечи, словно клубок обезвоженных змей, удерживаемых на месте медицинским зеркальцем, которое он носил на лбу. Цепи Дэниела слегка покачивались, когда он следил за ним; а вес его собственного тела сдирал плоть со спины. Казалось, что металл в любой момент может прорвать его насквозь.

У дальней стены лежала окровавленная фигура, обнаженная по пояс. Она застонала, когда Карлик пнул ее каблуком ботинка. Дэниел совсем забыл о похожем на зомби шуме, который он слышал до этого момента, отвлекшись на вновь прибывших (и ужасающее открытие, что в настоящее время он на десять процентов состоит из металла).

- Она все еще жива, - сказал Карлик.

Тощий отковырял здоровенный струп с предплечья и швырнул в Дэниела. Он надулся, прежде чем сказать почти угрюмо:

- Какая жалость. Может Ларчеры возьмут для свиней.

Дэниел не обратил внимания на покрытую коркой кожу на его обнаженной груди - его взгляд

был прикован к женщине на полу. Или, точнее, к зияющим ранам на ее спине. С первого взгляда на два неровных каньона плоти за ее лопатками стало ясно, что она также была повреждена крюками, и что большая часть крови, растекшейся вокруг нее, была из-за разорванной плоти. На ее обнаженной коже были нанесены десятки мелких ран, казалось бы, случайных, и каждая была окружена ярко-красным рубцом.

Карлик схватил обмякшую фигуру за плечи и перевернул ее. Женщина выглядела примерно ровесницей Дэниела, но могла быть и моложе. Трудно было сказать наверняка. Ее глаза были широко открыты и налиты кровью, она смотрела на Карлика так, словно пыталась остановить его сердце одним своим взглядом, но, казалось, у нее не было сил сделать что-то большее, чем пошевелить указательным пальцем левой руки. Ее плоская грудная клетка была туго обтянута кожей, что придавало ей сходство со скелетом из мультфильма.

- Надо было ее получше кормить.

- Она всегда была худощавой. А из меня не получился бы пастух получше.

- Надо было, надо было, надо было...

Без предупреждения Карлик достал из-за пазу-

хи своего жилета зазубренный топор и обеими руками вонзил его в центр лица женщины, рассекая ее черты пополам. Она вздохнула (что Дэниел воспринял как облегчение) и затихла.

Дэниел стиснул зубы, когда Карлик уперся ботинком в лоб мертвой и начал выдирать инструмент с тошнотворным мокрым хрустом. Судя по шоу, было бы ошибкой злить его похитителей; они были безжалостными психопатами. Придется подыгрывать, по крайней мере, до тех пор, пока не найдет способ освободиться и добраться до Грегори.

- Ты же будешь хорошим ангелом, да? - спросил Тощий, подходя ближе и становясь лицом к лицу с Дэниелом. От него несло старым сыром и помоями, но зубы у него были на удивление в хорошем состоянии для такого человека, как людоед. - Надо тебя кормить в меру. Не слишком много, но и не слишком мало.

Пока он говорил, Дэниел заметил, что зубы у мужчины на самом деле были не его собственные - десны были воспалены и раздуты от гноя. Казалось, что он вставил в них чужие зубы.

Карлик прошаркал обратно к двери и вернулся с грязной пластиковой трубкой и бутылкой с комковатой серой жижой. Он протянул ее Тощему,

который взял ее своей покрытой шрамами лапой гориллы, косясь на труп слева от себя.

- Открой рот, - сказал он, прижимая один конец трубки к краю бутылки, а другой поднося к лицу Дэниела.

Тот пристально посмотрел садисту в глаза, пытаясь понять, сможет ли он найти хотя бы проблеск сострадания за суровой внешностью, но они были холодными, безжизненными. На него нашло не сострадание, а удар кулаком в живот. Дэниел задохнулся, когда из его легких вышибли воздух. Из-за того, что крючья впились в его нервы, он дернулся в воздухе, цепи громко звякнули друг о друга. Его голова была запрокинута назад, и трубка вонзилась в горло. Холодная густая жижа потекла вниз, в желудок.

Дэниел закашлялся, хватая ртом воздух, когда выдернули трубку, и острый пластиковый край оцарапал ему пищевод. Он попытался заговорить, но слова были нечленораздельными, тонули в прогорклом осадке.

- Хороший ангел, - сказал Тощий, грубо хлопая его по щеке.

На глаза Дэниела навернулись слезы, к счастью, стирая контуры грибовидного носа монстра и изрытого оспинами подбородка. Глубоко внутри

него зашевелилось что-то, давно забытое. Тьма, на искоренение которой ушли сотни часов терапии и галлоны алкоголя, по крайней мере, так он думал.

Когда он встретил Дженнифер, он пообещал себе, что никогда больше не вернется в это место. Но пока он висел там с израненными плечами, натянутой кожей и желудком, полным хрен знает чего, в ушах гремела пулеметная очередь, переходя в всепоглощающий шторм. Люди кричали, когда их разрывало на части. Дети плакали.

Если он хотел выжить, придется смириться со своими внутренними демонами.

* * *

- Делаем или как? - спросил Гэрретсон.

Он протер ствол своего пулемета L7A2 рукавом камуфляжа, его глаза сузились в две щелочки, когда он посмотрел через пыльную поляну на небольшой лагерь впереди. Сержант Дэниел Гриффин кивнул. Это было непростое решение, но другого выхода не было.

Рядовой Уэгстафф, один из самых молодых новобранцев, цокнул языком.

- Это будет некрасиво, но если они не сдадут его...

Дэниел подал сигнал парням, обслуживавшим миномет, - подняв два пальца вверх, затем направив их в сторону зданий, - и снаряд ушел в желоб.

ФУУУМ!

На несколько секунд воцарилась тишина.

Затем, как раз в тот момент, когда они начали задаваться вопросом, прошел ли снаряд мимо цели или вообще не взорвался, раздался пронзительный свист, за которым последовал пыльный взрыв, когда ракета упала на крышу главного здания в центре цитадели. Солдаты нырнул за укрытие, когда на них посыпались пыль и обломки. Дэниел крикнул своим людям, чтобы они не высовывались, когда несколько автоматчиков открыли ответный огонь по их позиции, и элемент неожиданности пропал. Примерно через тридцать секунд в стрельбе наступило короткое затишье, которым воспользовалось отделение, чтобы перебежать через поляну прежде, чем враг успеет закончить перезарядку.

Гэрретсон уложил двоих, выбегавших из небольшого здания слева, в то время как Дэниел всадил одну пулю в голову третьему, лежавшему на песке, и, спрятавшись за небольшим кустом, на ощупь вставлял обойму в свою винтовку. Пули

просвистели мимо них, когда они сократили разрыв и прижались спинами к стене ближайшего здания.

- Ебаные ублюдки, - сказал Гэрретсон, пот и песок прилипли к его лицу.

Хендрикс и Дэйнс остановились рядом с ними. Дэйнс упал на колени, но Гэрретсон рывком поднял его на ноги.

- Где Уэгстафф? - заорал Дэниел.

Остальные переглянулись, глянули через открытое поле. Уэгстафф лежал на спине, преодолев половину поляны. Он прижимал обе руки к большой ране в икре, и кровь хлестала между его пальцами, образуя сильную дугу. Добраться до него в целости и сохранности не было никакой возможности. Враг использовал его как приманку. Остальные были вынуждены наблюдать, как мгновение спустя следующая пуля попала ему в щеку, превратившись в облако розового тумана.

- Нам нужно действовать НЕМЕДЛЕННО!

Под руководством Дэниела четверо мужчин завернули за угол и нырнули в небольшой переулок, проходивший между двумя зданиями песочного цвета. Воздух был насыщен запахом пороха и горелой плоти, когда они добрались до дальнего конца и увидели главное здание.

Верхняя правая часть здания была полностью разрушена, почерневшие обломки усеивали землю на уровне улицы. Мгновенный отблеск выдал бородатого мужчину в темной одежде, который целился в них со второго этажа сквозь клубящийся дым. Дэниел выстрелил, раздробив врагу коленную чашечку. Он упал, крича, но шлакоблок заставил его замолчать, когда он приземлился лицом вниз, расколов его от челюсти до макушки.

Раздался отдаленный треск. Что-то тяжелое ударило Дэниела, отшвырнув его в сторону. Дэйнс был мертв еще до того, как упал на землю.

- СНАЙПЕР!

Не имея времени на осторожность, оставшиеся трое мужчин ворвались в здание, стреляя во все, что хотя бы отдаленно напоминало угрозу.

Хендрикс провел их по сводчатому проходу в большую комнату, расположенную прямо внутри здания. Последовавший за этим взрыв обжигающего жара сбил Дэниела с ног. Он похлопал себя по спине, покрутил челюстью, пытаясь восстановить слух, и выпрямился. Гэрретсон, похоже, был в таком же состоянии дезориентации: одна рука прижата к стене, правая сторона его лица ободрана и кровоточит от осколков.

Хендрикса не было. Среди груды обугленного кирпича и мокрой плоти виднелась маленькая рука. Рука ребенка.

- Мы пришли по адресу, - сказал Дэниел, едва слыша себя, - поплачем потом.

С этими словами они двинулись дальше по сети темных, пахнущих мускусом коридоров, пока не достигли еще одной большой комнаты. В ней воняло горячим клеем и стоял горький химический привкус во рту. На полу стояли десятки верстаков, каждый из которых был завален электронными компонентами. Они нашли лабораторию по производству бомб.

- Осторожно, - прошипел Дэниел, - ничего не трогать.

Его беспокоило, что они ни с кем не сталкивались после взрыва террориста-смертника, но он знал, что должен продолжать выполнять задание. Потеря концентрации сейчас могла означать смерть или, что еще хуже, плен. Вместе они обследовали слабо освещенную комнату с помощью своих фонариков, прикрепленных к винтовкам, осторожно обходя связки проводов, разобранные мобильные телефоны и множество подозрительных на вид электронных устройств, пока пробирались в дальний конец.

Там была единственная дверь, из-за которой доносилось несколько приглушенных голосов. Дэниел подал знак Гэрретсону занять позицию, прежде чем прижаться спиной к стене справа от двери. На счет "три" Гэрретсон выбил ее ногой.

Раздался оглушительный выстрел, и Гэрретсона отбросило к дверному косяку. Крича, он открыл ответный огонь рукой, все еще сжимавшей винтовку, и яростно выстрелил в стрелявшую в него женщину. Ее "АК" с грохотом упал на пол, а она рухнула вперед, судорожно сжимая руками кровоточащие внутренности, которые вываливались из нее, как жуткая тряпка.

Дэниел обогнул дверной проем, держа ствол наготове.

Это была маленькая комната, скудно освещенная несколькими масляными лампами, стоявшими на заваленном мусором полу. За хрипящей женщиной, которую подстрелил Гэрретсон, было еще по меньшей мере с десяток женщин. Несколько маленьких личиков с широко раскрытыми глазами выглядывали из-за их ног, одергивая паранджу. Один из детей попытался выйти вперед, но ближайшая к нему женщина удержала его.

- Ты в порядке? - спросил Дэниел Гэрретсона, не

сводя с них оружия.

- Сука отстрелила мне ухо.

Дэниел пристально посмотрел в глаза ближайшей женщине.

- Где Аль Асвад?

Она покачала головой, пробормотав что-то, чего Дэниел, вероятно, не понял бы, даже если бы говорил на этом языке.

Гэрретсон поравнялся с Дэниелом и ткнул винтовкой в направлении женщины.

- АЛЬ АСВАД. ГДЕ ОН?!

Женщина просто снова покачала головой, затем подняла руку, чтобы отмахнуться.

- Он не мог уйти, - сказал Дэниел Гэрретсону, - мы видели его по спутниковой связи менее получаса назад.

Прежде чем Гэрретсон успел ответить, от толпы отделился мальчик, не старше шести лет, и женщина, которая его охраняла, подтолкнула его вперед. На нем не было футболки, а рваные швы, проходившие от грудины до живота, выглядели свежими. На середине живота у него было прямоугольное вздутие размером с кулак. Когда экран телефона ожил, его очертания осветились, и кожа мальчика стала прозрачной.

Не обменявшись ни словом, солдаты открыли

огонь. Они не останавливались, пока не иссякли их магазины, и даже тогда им потребовалось некоторое время, чтобы осознать это.

Тела лежали на телах. Кто-то булькал, многие дергались. Маленькие и большие, все они умерли одинаково. Одна из ламп разбилась, и горящее масло стекало по подолу паранджи ближайшей женщины. Через несколько секунд все загорелось. Она слабо застонала, когда огонь пополз дальше по ее телу.

Дэниел лишь смутно осознавал, что Гэрретсон что-то говорит; он оцепенел. Ошеломленный тем фактом, что то, что они только что сделали, было так чертовски просто. Ему и раньше приходилось убивать мирных жителей, но детей - никогда. Оказалось, что, независимо от того, сколько им было лет, он не испытывал никаких угрызений совести.

- ГРИФФИН, - чья-то рука грубо схватила его за плечо. - МЫ НАШЛИ ЕГО. ВАЛИМ.

Дэниел прищурился сквозь рассеивающийся дым и увидел, что их цель привалилась к задней стене, часть его мозга была обнажена, а левый глаз выпучен и распух до размеров гнилого персика. Еще одна пуля содрала кожу с левой стороны его лица, превратив рассеченную кожу

в зловещую ухмылку и обнажив несколько выбитых зубов.

- Мы его достали, чувак.

Дэниел повернулся к Гэрретсону, холодное, текучее спокойствие пульсировало во всей его кровеносной системе.

- Отличная работа, рядовой. Уходим.

Он бросил последний взгляд на груду трупов и огонь, который уже добрался до волос ближайшего ребенка, и последовал за Гэрретсоном.

* * *

Дэниел пробыл один чуть больше часа, но не то чтобы он мог об этом знать - у него пропали часы, и он старался не пользоваться мобильными телефонами с тех пор, как во время рейда был убит генерал Аль Асвад. Они напомнили ему о зашитом мальчике. И как легко было нажать на спусковой крючок.

Двое мужчин ушли вскоре после его кормления, утащив с собой тело мертвой женщины, но не раньше, чем Тощий привязал ржавую десятикилограммовую гирю к лодыжкам Дэниела коротким отрезком подозрительно запятнанной веревки. Казалось, что верхняя часть его спины раздулась вдвое по сравнению с обычным

размером. Крюки с каждой минутой вонзались все глубже, стягивая кожу с тела, пока она не стала похожа на две гигантские кисты, готовые лопнуть.

Освещение было оставлено включенным, и Дэниел понимал, что ему, скорее всего, придется действовать быстро, если он хочет использовать его в своих интересах. Было слышно, как напряглись мышцы, когда он осторожно качал ноги, но он ни за что не собирался сдаваться. Пока не испустил последний вздох.

Тяжелые цепи загремели друг о друга, когда он начал набирать обороты, используя гирю как маятник и как можно меньше двигая верхней частью тела. С последним рывком и криком, который, как он был уверен, привлечет внимание его похитителей, груз перевалился через верхушку большой шестеренки напротив Дэниела и застрял между зубьями, когда вес его тела попытался оттащить его назад. Подвешенный по диагонали, он ничего не мог поделать, кроме как надеяться, что его спина не разорвется на части, когда он согнул колени и подтянул верхнюю часть тела ближе к древнему механизму. После того, что казалось вечной пыткой, его рука нащупала ржавую металлическую стойку над

устройством. Затем он смог приподняться ровно настолько, чтобы поставить ноги на верхнюю часть шестеренки. Если бы кто-нибудь сейчас наступил на него, он ничего не смог бы сделать, чтобы предотвратить быстрый и болезненный спуск, если бы кто-то сбил его с ног. Он работал быстро, изо всех сил стараясь не обращать внимания ни на усталость в руках, ни на пот, выступивший на ладонях, по мере того как он поднимался все выше, гиря время от времени застревала в трубопроводе и грозила вывести его из равновесия.

Наконец, когда напряжение в спине и плечах постепенно спало, он поравнялся с верхним концом цепи. Дэниел без колебаний сорвал первый большой крюк с металлического выступа, перекинул цепь через шею, чтобы она не упала, и потянул за конец, который все еще был у него внутри. Вторая была чуть дальше. Слишком далеко, чтобы дотянуться до нее без опаски.

Он замер, когда тяжелая дверь под ним со скрежетом открылась.

Карлик проскользнул в щель и захлопнул за собой дверь. В одной руке он сжимал окровавленный топор, а в другой - шприц, наполненный коричневой жидкостью.

- Нет-нет-нет! - заверещал он, бросаясь дальше в комнату на поиски сбежавшего ангела.

Дэниел тихонько снял с шеи незакрепленный крюк. Когда Карлик шагнул дальше в комнату, выбора не осталось - прыжок веры. Он оттолкнулся от стены и сорвал оставшийся крюк с металлического выступа, выставив оба куска изогнутой стали перед собой и устремившись к своей цели. Карлик поднял голову на лязг металла, похожий на звон старинных колокольчиков, и как раз вовремя, чтобы заметить изогнутый металл, когда тот приблизился к его лицу.

Первый крюк пробил ладонь, когда он поднял ее, чтобы защититься, и кровь брызнула на внутреннюю сторону двери, когда он попытался вырваться. Второй вошел ему под правое веко. Его глазное яблоко выпучилось из глазницы, когда металл прошел дальше через носовую полость, пробив небо и высунувшись, как покрытый запекшейся кровью металлический язык. Карлик издал булькающий, хрипящий звук и поднял свой топор, все еще очень живой. Он замахнулся вслепую. Зазубренное лезвие отскочило от цепей на плече Дэниела и вместо того, чтобы убить его, лишь отсекло нижнюю половину его уха.

Дэниел даже не почувствовал боли. Он снова

вернулся в темное место. Десять лет терапии закончились меньше чем за минуту. Он вырвал крюк из руки Карлика, проделав глубокую борозду между указательным и средним пальцами и оставив обе стороны бесполезно болтаться на его скользком от крови запястье. Затем он со всей силы ударил им по неповрежденному глазу и разорвал его, словно это была всего лишь спелая виноградина. По грязной щеке уродца потекла прозрачная желеобразная жидкость. Не колеблясь, Дэниел вырвал оба крюка из лица Карлика и швырнул медицинское зеркальце в дверь, разбив вдребезги. Он встал, чтобы полюбоваться своей работой. Полоски содранной кожи едва прикрывали месиво из крови и хрящей.

Не было времени наслаждаться победой.

Гэрретсону нужна его помощь.

* * *

Комната выходила в затхлый, тусклый коридор, заставленный деревянными ящиками и потрепанными манекенами. Дэниел двигался осторожно, стараясь, чтобы цепи не выдали его местонахождения. Обеими руками он сжимал по одному из окровавленных крюков. Элемент неожиданности будет жизненно важен, когда

дело дойдет до противостояния с Аль Асвадом; этот ублюдок набрал по меньшей мере сотню фунтов мускулов с тех пор, как он видел его в последний раз, и можно было с уверенностью предположить, что он будет вооружен.

Дэниел прошел сквозь полосу солнечного света, направляясь к единственной двери впереди, и тепло на его коже было единственным, что убеждало его в реальности происходящего. Он отодвинул в сторону грязную пластиковую завесу и остановился в дверях небольшого склада. Покореженная жестяная крыша давала достаточно света, чтобы разглядеть строение напротив. Под навесом стояло несколько фигур, но было слишком темно, чтобы сказать, заметили ли они его. Казалось, они не двигались и не разговаривали друг с другом, когда он осторожно шагнул к ним с поднятыми крюками.

- Рядовой! - Дэниел бросился вперед, как только заметил знакомое лицо среди фигур.

Гэрретсон стоял рядом с двумя другими солдатами, которых он не узнал, его спина была выгнута под неестественным углом, на лице застыло выражение постоянной боли.

- Д-Дэниел? Это ты? - Гэрретсон запнулся, вглядываясь в скрытое тенью лицо истекающего

кровью человека перед ним. - Почему ты весь в крови?

- Постарайся расслабиться, Гэрретсон. Мы оба выберемся отсюда, но не раньше, чем убьем этого гребаного террориста, - Дэниел не понимал, почему солдат смотрит так - лицо сморщено как высохший труп. - Что это за хуйня? - он сдернул с него грязную лоскутную накидку.

- Отк-крывается сзади, - простонал Гэрретсон, изо всех сил стараясь не съежиться внутри изогнутой металлической рамы.

Внутри устройства были острые, как бритва, шипы. Если у него откажут ноги или спина, он получит десятки проколов и истечет кровью в течение нескольких минут.

Дэниел подошел к задней стенке странной клетки и открыл все защелки (всего их было пять), затем раздвинул ее руками и вытащил Гэрретсона за плечи.

- Что, блядь, здесь происходит? - сказал он, сдергивая грязные лоскутные накидки с двух других (мертвых) мужчин, чтобы обнаружить похожие клетки, сгибающие позвоночник.

Верхняя часть хитроумных приспособлений была украшена золотой краской и искусственными драгоценными камнями, как будто они

должны были изображать короны.

Спина Гэрретсона хрустнула, когда он потянулся к потолку, покрутил шеей и расслабил мышцы. Его лицо побледнело, но, казалось, он быстро приходил в себя.

- Это какой-то долбанный вертеп, - сказал он, - хотя до Рождества еще несколько месяцев. Сумасшедшая сучка сказала, что это деревенская традиция, и что для меня большая честь быть избранным.

Дэниел не понимал, о чем, черт возьми, говорит Гэрретсон. Он явно был в бреду от того, что его схватили и поместили в такое дикое устройство. Оглядевшись, он увидел что-то вроде маленькой деревянной койки, на соломе которой лежал синий неподвижный предмет. И что еще более любопытно - теперь он заметил, что над ними висели несколько обнаженных мужчин и женщин, с их тел была содрана кожа и прикреплена проволокой, что придавало им сходство с гигантской летучей мышью или орлом.

- Двигаем, - сказал Дэниел. - Асвад не мог уйти далеко.

- О чем ты, блядь? - Гэрретсон положил руку Дэниелу на плечо. - Сколько крови ты потерял? Ты в порядке?

- Лучше не бывает. Слушай, нам нужно найти оружие или, по крайней мере, рацию, чтобы мы могли вызвать подкрепление и эвакуацию. Я уже грохнул одного из его врачей, но если ему удастся ускользнуть, велика вероятность, что он скроется где-нибудь в горах, и мы его больше никогда не увидим. Пошли.

Гэрретсон потерял дар речи, когда Дэниел, как коммандос, бросился направо и обогнул рождественскую сцену сзади. У него не было выбора, кроме как последовать за ним.

Они прошли через дверной проем в дальнем конце склада и вышли под лучи заходящего солнца. Гэрретсон что-то крикнул, но его не услышали, когда его отчим побежал через небольшое поле с увядшими посевами к изможденной длинноволосой фигуре, выходящей из дома, вымощенного булыжником.

- ЭДМУУН... - взвизгнула баба, когда Дэниел ударил ее крюком по икре, подбив ногу и заставив ее упасть навзничь.

Ее позвоночник треснул в нескольких местах, когда она тяжело приземлилась на потрепанную каменную лестницу.

- Дэниел! - заорал Гэрретсон, отчаянно надеясь, что его услышат.

- СЮДА, ПРИКРОЙ! - последовал ответ. Затем, поднеся кончик крюка к загорелой шее женщины, спросил: - ГДЕ ОН? ГДЕ АЛЬ АСВАД?

Женщина издала сдавленный смешок, ее губы приоткрылись, обнажив немытый рот, из которого показалась комковатая смесь крови и коричневатой мокроты.

- Ты спятил, мой ангел.

Дэниел вонзил крюк в ступеньку рядом с ее головой. Острые осколки камня впились им обоим в лица.

- Я не собираюсь спрашивать снова.

- Мама! - взвизгнул Аль Асвад, выходя из здания и пригибаясь, чтобы пролезть под покореженным дверным косяком.

Только что-то было не так. Что-то такое, что Дэниел не мог выразить словами.

- Еще шаг, и я вырву ее гребаную глотку, - сказал он, вонзая концы обоих крюков в морщинистую кожу по обе стороны от ее шеи. - ГЭРРЕТСОН!

Тот замер на полпути. Дэниел собирался убить женщину с озера прямо у него на глазах, и тут появилась фигура размером с гребаного йети, готовая разорвать их на части, как только он это сделает. К удивлению Дэниела, Гэрретсон убежал.

- Убей его, сынок, - пролепетала женщина, маниакальный блеск не покидал ее глаз. - Не дай избранному уйти.

Аль Асвад не сразу сдвинулся с места. Казалось, он разрывался между желанием спасти женщину и захватить обоих солдат, но Дэниел не собирался ждать, пока он сделает свой ход. Без предупреждения, одним плавным движением, он вонзил оба острия в шею ведьмы, пока они не пересеклись. Затем он рванул ее вверх со всей силы, почти начисто оторвав ее визжащую голову от плеч. Ее руки взметнулись к горлу, но быстро опустились по бокам, когда ее жизненная сущность хлынула из разорванной трахеи, как прорванный водопровод.

- НЕТ!!!

Аль Асвад, спотыкаясь, шагнул вперед и провел мясистой лапой по ее горлу в тщетной попытке остановить поток крови и снова замять это месиво, в то время как Дэниел медленно отступал, держа по крюку в каждой руке. Аль Асвад стряхнул с рук остывающую кровь женщины и повернулся к нему лицом, его слоновий лоб отбрасывал глубокие тени на впалые глаза. Верхняя губа приподнята, ноздри раздуваются, и он выглядел так, словно сошел со сцены слэшера

80-х, а не из фабрики по производству бомб.

- Ты заплатишь за то, что сделал. Я сделаю тебя самым лучшим ангелом, которого когда-либо видело это место.

Дэниел пригнулся, когда рука, похожая на ствол дерева, ударила его в лицо, рассекая верхнюю часть черепа и заставляя споткнуться на неровной земле. Он нанес ответный удар в бедро мужчины и отскочил назад, чтобы избежать второго удара, направленного в висок. Вытирая пот с глаз тыльной стороной ладони, он изо всех сил пытался сфокусировать взгляд на гигантском террористе, приближающемся к нему. Но это было неправильно, не так ли? Аль Асвад был невысокого роста - едва ли метр шестьдесят - и ни слова не говорил по-английски.

Дэниел был отброшен на спину, когда сокрушительный апперкот пришелся ему в верхнюю часть груди и оторвал его ноги от песка.

Грязи.

Это грязь, а не песок, - спокойно произнес голос у него в затылке. Он закричал, когда крючья вонзились ему в спину еще глубже, холодная боль отдалась в его теле, когда металлические зубцы впились в грудную клетку.

Аль Асвад склонился над ним, полностью за-

слоняя солнце своей круглой головой. Дэниел собрал все оставшиеся силы, чтобы нанести удар единственным крюком, который ему удалось удержать, и глубоко вонзил его в предплечье громилы, когда тот потянулся к нему.

Тот поморщился, как от укуса пчелы. Затем он вытащил сталь из мышц и обмотал цепь вокруг окровавленной руки. Уголки его рта изогнулись в дьявольской усмешке, когда он рванул изо всех сил.

От силы удара Дэниел перевернулся лицом в грязь. Крюк на другом конце цепи вырвало из его спины. Но, тем не менее, Дэниел отказывался умирать - адреналин поддерживал его, когда он, стиснув зубы, вслепую нащупывал в грязи оставшийся крюк.

Подошва ботинка Аль Асвада вдавила его руку. Дэниел снова вскрикнул, почувствовав, как его пальцы скрючились, хрустнули, а затем он вообще ничего не почувствовал. Аль Асвад продолжал давить ботинком, пока звук ломающейся кости полностью не прекратился. Затем он наклонился, чтобы поднять крюк, за который Дэниел отчаянно цеплялся, и, обмотав цепь вокруг другого запястья, потянул ее изо всех сил.

На этот раз раздался отвратительный хруст, и

Дэниел почувствовал себя так, словно его раздирали на части тисками. Если бы он мог видеть себя со стороны, то понял бы почему - крюк зацепился за одно из его ребер и с такой силой оттянул его назад, что теперь он торчал из ноющей плоти спины под углом в девяносто градусов. Аль Асвад осмотрел полоску органического материала, оторвавшуюся от тела Дэниела, прежде чем оторвать ее и положить на голову умирающего.

Дэниел почувствовал, что теряет сознание, боль и шок, наконец, обрушились на него с двух сторон и вернули его в реальный мир. Этот человек *не был* Аль Асвадом, и они не были в Сирии. Но это уже не имело значения - он все равно должен был умереть.

Но Тощий не атаковал. Вместо этого он спокойно стоял, опустив руки по швам, глядя прямо перед собой, и на его застывшем лице все еще застыла отвратительная ухмылка. После нескольких неприятных секунд он, казалось, справился с тем, что с ним произошло, и медленно отвернулся от Дэниела, обнажив сломанную рукоятку вил, глубоко вонзившуюся ему в поясницу. Тощий хлестнул цепями Грегори, который, к счастью, был невероятно проворен, и издавал дикий рев, когда каждый его выпад не достигал цели.

Дэниел, собрав последние силы из ниоткуда, которыми он не имел права обладать, подтянулся на локтях вперед и схватил болтающийся крюк, пока Тощий все еще был отвлечен. Он вонзил его в заднюю часть пятки Тощего и смог частично оторвать ее, прежде чем он зацепился за толстое сухожилие. Тощий молча рухнул на колени рядом с ним, его челюсть громко клацнула при ударе. Почуяв шанс, Грегори выхватил лопату из рыхлой земли и бросился на мужчину лоб в лоб, но тот уже поднял поврежденное предплечье, чтобы защититься. Обветшалый инструмент отскочил от локтевой кости, глубоко вонзившись в плоть, широко разорвав предплечье и потянув его вперед, пока Грегори попытался вырвать его.

Возможно, почувствовав еще одну атаку сзади, Тощий взмахнул свободной рукой и нанес удар наотмашь в челюсть Дэниелу, прежде чем тот успел нащупать рукоятку вил, уже вонзившихся ему в спину.

Дэниел смутно осознавал, что его пасынок упал на землю по другую сторону от Тощего, но теперь его резервы были полностью истощены, и он был не в состоянии ничего делать, кроме как сосредоточиться на своем дыхании. Они втроем корчились в грязи, как троица мексиканских

наркоторговцев с перерезанными глотками. В конце концов Грегори удалось высвободиться из рук нападавшего и, обойдя его, усесться верхом на его широких плечах. Теперь, когда в его распоряжении были мясные крюки, он вонзил по одному с обеих сторон в кричащий рот Тощего и дернул за цепи, прежде чем тот успел что-либо сделать, чтобы остановить его. Шея урода хрустнула, как стекло, когда его потянули назад. Он захрипел, а большие крючья вошли еще глубже в заднюю стенку его горла, душа его и одновременно разрывая мягкие ткани.

- ПОШЕЛ ТЫ! - заорал Грегори, рванув сильнее.

Шея Тощего дернулась назад так резко, что Грегори чуть не потерял равновесие. Затылок урода теперь касался промежутка между его плечами. Передняя часть его горла приобрела глубокий фиолетовый оттенок, затем посинела, и, наконец, когда Грегори уперся ногами в его ягодицы для финального толчка, кожа лопнула, и верхняя часть позвоночника пронзила разорванную плоть вместе с непрерывным потоком крови.

Только тогда Грегори бросил цепи и подполз к Дэниелу.

- Папа, - заплакал он. - Папа. Держись.

Дэниел умирал, умирал уже несколько минут,

но теперь, когда его пасынок был в безопасности, он смог перестать сопротивляться и позволить тьме окутать его. Если бы он мог говорить, он бы сказал ему, что любит его.

Вместо этого он ограничился слабой улыбкой и умер с сознанием того, что мальчик наконец-то принял его.

Перевод: Zanahorras

Я подчиняюсь структуре своей страны. Я - продукт своего окружения. Я ссылаюсь на невежество. Я занимаю пространство. Следовательно, я есть. Существование опьяняется моей потребностью питаться.

Эта обширная культура проникает в реки моего разума и утоляет мою жажду. Я - неуловимое существо, скованное рамками собственного разума.

Отражение искажает мою реальность, в то время как интерполяция насилует мою душу, оставляя меня равнодушной. Позирую перед объективом моей затуманенной реальности. Созданной высшей силой. Лишающей меня воли. Кровоточащая иллюзия завладела моей душой.

Вы когда-нибудь чувствовали запах смерти? Тело; труп, пролежавший пять дней, прежде чем его обнаружили. Говорят, что смерть пахнет

сладко, но это не так. Он острый, как тухлые яйца и дерьмо, смешанные с другими жидкостями организма, - неповторимый зловонный запах, который вы не скоро забудете. Этот запах может уничтожить вас... особенно, если тело лежало на электрическом одеяле и варилось в собственном соку. Кто-нибудь хочет вяленой говядины?

Пожалуй, мне следует представиться. Конечно, это не настоящее имя. Я - Мария, мне двадцать восемь лет, шотландка, лесбиянка, и, о, я склонна к каннибализму. Мне нравится вкус сырого мяса. Это мой личный вид героина. Я начала есть сырое мясо, когда мне было около шести лет. Моя мама умерла, оставив меня дома наедине с ее быстро разлагающимся трупом, лежащим на вышеупомянутом электрическом одеяле. Три дня спустя я почувствовала зверский голод, поэтому взяла один из ее пальцев, откусила его и, таким образом, начала свой любимый подход к рациональному питанию.

Моя мама была мертва в течение пяти дней, прежде чем меня нашла полиция. Сосед вызвал их из-за странной, тошнотворной вони в шестиквартирном доме. Я почувствовала облегчение, потому что съела четверть маминой руки, и она начала подгнивать. Прошло еще десять лет, когда

мне исполнилось шестнадцать, и я снова начала есть сырое человеческое мясо. И, блядь! Оно было гораздо вкуснее маминого.

Я немного разбираюсь в винах, поэтому точно знаю, к какому куску мяса подать насыщенный сорт мерло или насыщенный пряный кларет. М-м-м-м, аппетитная, сочная, желанная мякоть. Люди могут сказать, что я - животное, поскольку большая часть королевства не питается человеческим мясом и костями, но я гораздо деликатнее. Я не тороплюсь, смакую еду. Я не животное. Я выгляжу как любой другой мясоед, с которым вы можете столкнуться.

Возможно, вы слышали о сайтах, на которых можно подцепить кого-нибудь, кто хочет, чтобы его съели. Для меня это слишком грязно, слишком расчетливо. Я люблю мясо чистым и прожаренным… скажем так, *удивленным*. Чтобы удовлетворить свои вкусы, я заядлая любительница онлайн-знакомств. Я пролистываю большинство тощих девушек и ищу женщин с мясом на костях. У меня уникальный вкус, и мои вкусы довольно своеобразны. Секс продается, и я, черт возьми, продаю его до хрена. Я бы не сказала, что на меня стоит смотреть как на что-то особенное, что я красавица, но, если хорошенько

подкрасить глаза, я выгляжу вполне прилично. Я люблю своих женщин, и с каждой, с кем я вступаю в интимную связь, я делаю это с полным обожанием. О моих женщинах хорошо заботятся, я довольно талантлива в постели, я не встречала ни одной, которая не забрызгала бы мою наготу кровью и женскими выделениями.

Как непоколебимый доминант, я могу связать вас по рукам и ногам. Японский веревочный бондаж - шибари - один из моих скиллов. Отточен за годы практики. Ничто так не подтверждает абсолютное доверие рабыни к своему доминанту, как то, что она охотно позволяет (и умоляет) полностью отдать свое тело в ваши руки.

Плети, трости, флоггеры можно использовать таким образом, что удовольствие превозмогает боль, границы очень легко стираются при умелом обращении, и с годами я отточила свое мастерство. Мои женщины должны полностью подчиняться — телом и душой, становиться моими, порабощенными и благодарными за привилегию быть под моим началом... Я буду трахать тебя до середины следующей недели, но ты прикасаешься ко мне только тогда, когда я дам тебе знак, что ты можешь — это нерушимое правило.

Элизабет была миниатюрной молодой женщи-

ной ростом 157 см, размер 8. Она не была самой красивой девушкой в зале, но ее индивидуальность придавала ей очарования.

И, Боже, как она танцевала. Она была королевой танцпола, вся в блестках и флирте. Все взгляды были прикованы к ней, загипнотизированные тем, как она двигала своим телом; с такой уверенностью и искрометностью, и она это знала. Одна шлюшка заставила парней и девушек кончить в штаны, все жаждали ее попробовать. Согласно ее анкете на сайте знакомств, она была "одинока, но в поиске". Я могу засвидетельствовать, что эта женщина была неземной душой, единственной в своем роде. Она была лесбиянкой, но это не мешало ей флиртовать и с парнями. Ее флирт был совершенно неразборчивым. Она спала с женщинами, но не возражала против поцелуев с мальчиками, даря им сладкий вкус того, чего у них никогда не было, - она была дьявольски задиристой девчонкой.

* * *

В данный момент Элизабет была на сайте знакомств под названием "SWIPE"[9] [broken link: #n_9]. Ей было трудно знакомиться с женщинами, не помогало и то, что она ненавидела гей-сцену

и избегала ее как сумасшедшая. Она была такой миниатюрной и женственной, что просто не вписывалась в общество.

Ей нравилось, чтобы ее женщины выглядели как женщины. Кроме того, у нее не было друзей-геев, и она не собиралась тащить кого-то из своих друзей-натуралов в паб, где подавали только девушек на девичник. В постели она была рабыней. Ей нравилось, что кто-то другой берет на себя инициативу, позволяя ей отвлечься и сохранить душевное равновесие для своей юридической карьеры. Она была помощником адвоката, училась на юриста и планировала специализироваться в семейном праве. Возможно, потому, что ее мать была матерью-одиночкой, которая дважды обращалась за помощью к семейному адвокату, чтобы отец, мерзавец по всем отзывам, получил судебный запрет приближаться. После этого она устроилась работать в юридическую фирму, специализирующуюся в этой области. Это была очень напряженная работа, на которой ей приходилось играть доминирующую роль, поэтому в личной жизни она всегда была покорной. Элизабет не была тихоней, она любила, чтобы в спальне доминировали над ней. Она обнаружила, что ей легче быть внизу, чем наверху.

Она и раньше вступала в БДСМ-отношения и пришла к выводу, что быть настоящей рабыней невероятно выгодно. Отказ от всякого контроля сам по себе обладает силой.

Было утро среды, Элизабет, как обычно, была в офисе, разбиралась с делами своего босса-бульдога, когда раздался сигнал тревоги на ее мобильном телефоне. Она быстро сунула руку в карман юбки-карандаш, чтобы приглушить шум - она забыла включить режим отключения звука. Беглый взгляд на экран показал, что это было сообщение от "SWIPE"; кто-то хотел с ней встретиться. Она не могла проверить, кто именно, из-за работы, но весь день испытывала трепет при мысли о том, кем могла быть эта таинственная девушка. С момента ее последнего сообщения прошло несколько месяцев. Она старалась быть оптимистичной - это могла быть порядочная и сексуальная, девушка-фемка... она не была поклонницей "мальчишеского" образа. Она была лесбиянкой, черт возьми, она не хотела трахаться с "мальчишкой". Элизабет была чрезвычайно женственной; в детстве она мечтала стать принцессой-пленницей, но принц никогда не приходил на помощь. Нет, она хотела властную, красивую, грудастую королеву, которая

покорила бы ее. Она носила юбки и платья, и обожала макияж. Никто бы не догадался, что она лесбиянка, потому что она не была похожа на лесбиянок, которых общество воспринимает как стереотип лесбиянок. Черт возьми, иногда другие лесбиянки даже не обращали на нее внимания, ошибочно полагая, что она натуралка или просто проходит "экспериментальную фазу". Отсюда и ее трудности с поиском женщины. Она хотела, чтобы ее партнерша была такой же женственной, как она, - в идеале, с изюминкой для небольшого доминирования.

Вернувшись тем вечером домой, она ворвалась в квартиру, которую делила со своей лучшей подругой, Мэгги. И обнаружила ту голой на диване, а под ней - восхитительного мужчину, который развлекал ее. Элизабет слышала его глубокие, гортанные стоны удовольствия еще до того, как Мэгги кончила. Она задыхалась, удерживая парня и оседлав его, как гребаную лошадь для дерби, со страстной энергией двигая бедрами! Все, чего ей не хватало, - это трости! *Молодец,* - подумала Элизабет, как раз перед тем, как этот чувак увидел ее и завизжал, как маленький поросенок!

Мэгги обернулась, чтобы посмотреть, чего он визжит, и, увидев свою соседку по квартире, ода-

рила ее широкой победоносной улыбкой, снова посмотрела на мужчину, все еще крепко обнимая его за шею, и пробормотала:

- Красавчик, правда?

Она бросила на него страстный взгляд, со вздохом отпустила его шею и приподняла бедра, чтобы высвободить его член из своего тела. Он вскочил на ноги и в бешенстве бросился прочь, неуклюже собирая свою одежду, снова и снова прося прощения. Мэгги и Элизабет просто рассмеялись, как парочка ведьм, как они часто делали, посмеиваясь над бедным неуклюжим человеком. Позже тем же вечером, за ужином, состоявшим из курицы с карри и бокала розового вина, Элизабет и Мэгги сидели на полу и хихикали, как школьницы, по очереди повторяя "прости... прости... прости", точно так же, как тот чувак чуть раньше. Позже Элизабет узнала, что его зовут Мэтью, и что он был одним из коллег Мэгги по работе.

- Итак, что с тобой происходит, Лиззи? Влетела как ураган.

- Ну, э-э-э... Возможно, "SWIPE" только что подарил мне женщину, с которой я смогу по-настоящему потрахаться, - рассмеялась Элизабет.

- О, пожалуйста, расскажи.

- Ей двадцать восемь, она довольно красива в

нетрадиционном смысле этого слова. Я видела только одну фотографию, а у меня уже мурашки в животе, и-и-и-и! Она хочет встретиться со мной в субботу.

- Аааа! У Элизабет есть девушка! Элизабет хочет поцеловать ее! Элизабет хочет, чтобы ее трахнули... - пропела Мэгги, проливая вино на ковер.

Элизабет покраснела. Мэгги понятия не имела о ее покорности. Знала только, что давно не было, и да... Элизабет действительно хотела, чтобы ее трахнули, и трахнули жестко.

- Мы встречаемся в субботу в час дня в Глазго. Не могу дождаться - тебе нужно помочь мне найти сногсшибательный наряд, Мэгги.

СУББОТА

Элизабет ужасно нервничала, сидя в кафе и ожидая свидания. Обычно свидание проходило в пабе, где она могла немного напиться и расслабиться, но вместо этого они остановились на "Старбаксе". Элизабет нервно потягивала чай, наблюдая за спешащими мимо прохожими. Она то и дело бросала взгляд на часы на своем телефоне; она пришла в "Старбакс" рано, слишком рано, потому что теперь ее пассия опаздывала. Она почти одержимо нажимала на сенсорный экран,

чтобы не пропустить сообщение. От волнения она тихонько прикусила нижнюю губу. *Почему я согласилась на это, будучи трезвой,* - размышляла она. Элизабет уже почти смирилась с кидаловом, когда появилась ее пассия, опоздавшая на сорок пять минут. Они встретились взглядами, и Мария, девушка Элизабет, улыбнулась ей. Это было потрясающе. Она подошла к столику, заказав большую порцию мокко.

- Эй, ты, должно быть, Элизабет! - воскликнула Мария.

- Да, а ты, должно быть, Мария?

Элизабет и Мария улыбнулись друг другу. Спустя четыре чашки разных сортов чая и кофе и пять с половиной часов, проведенных в обществе друг друга, Мария извинилась и ушла. Свидание прошло чудесно, и обе женщины знали, что они нравятся друг другу, и в будущем у них будет еще много свиданий. Мария небрежно наклонилась над столом и подарила Элизабет долгий, томительный поцелуй, и блядь - это был *отличный поцелуй.* Сильный, страстный. Язык Марии медленно нашел язык Элизабет, и они закружились в медленном, соблазнительном вальсе. Мария целовала страстно и целеустремленно, и тело Элизабет расслабилось самым восхитительным

образом. Она едва могла сохранять хоть какое-то подобие самообладания. Этот поцелуй был прямой линией к ее "киске". Прямо там и тогда она поняла две вещи: эта девушка собиралась разрушить ее, и она отчаянно хотела стать ее рабыней.

- Я позвоню тебе, Элизабет, - сказала Мария, поворачиваясь и выходя из кафе.

Ее голос был мягким, но властным. В том, как она произнесла ее имя, была такая сила, что у Элизабет участился пульс при мысли о том, *что* должно было произойти между ними.

ТРИ НЕДЕЛИ СПУСТЯ

Один палец, два; Боже мой, она текла. В этой ситуации не было необходимости в смазке. Когда я ввела четвертый, он задел пирсинг на ее клиторе. Честно говоря, я никогда не находил это сексуальным. Это выглядело, ощущалось и было странным на вкус. Я имею в виду, что вы никогда не опускаетесь между ног девушки только для того, чтобы почувствовать вкус металла у себя во рту. Она должна быть мягкой, теплой, влажной - холодной, твердой стали здесь не место. Вина порно и подавление женской сексуальности в угоду мужчинам. Даже лесбиянки не свободны

от своей тирании. Он был вставлен в ее клитор и, откровенно говоря, довольно отталкивал. С другой стороны, пирсинг Элизабет, как ни странно, был визуально более привлекательным. Он был красивым и располагался на красивой части ее влагалища. Мне нравилось играть с ним пальцами, языком, зубами - нежно, конечно. В нем были оттенки голубого топаза. С тех пор я немного подкрасилась. Мои волосы рубиново-красные, как кровь. Мне нравится прикасаться к ним во время мастурбации. Элизабет несколько изменила меня, оставив более глубокое впечатление, чем любая из ее предшественниц. Элизабет была божественна. Она была стройнее, чем я обычно себе представляла, но она знала, как быть настоящей рабыней, естественной. С самого первого раза, когда мы трахались, она отдалась мне полностью, и я, черт возьми, полюбил ее за это. В тот первый раз она подчинилась каждой команде.

- Руки за спину, Элизабет. Сейчас, - приказала я, надевая на нее прочные стальные наручники.

- На колени, спиной ко мне.

Она подчинилась. Мы обе были обнажены; капельки пота стекали у меня по затылку из-за возбуждения и жара, исходившего от всех этих гирлянд и небольших светильников в моей

черно-фиолетовой игровой комнате. Она была оснащена множеством различных приспособлений: наручниками, флоггерами, тростями, кнутом для быка, распорками, зажимами для сосков и другими разнообразными орудиями пыток и удовольствия. Я провела руками вниз по ее спине, достигнув плеч, и продолжила мягко скользить вниз по ее груди, чтобы встретиться с ее сосками, играя и дразня ее торчащие, дрожащие соски, которые были моей любимой чертой ее тела. Я продолжила, опуская руки к ее животу, и остановилась на пирсинге на капюшоне. Я трахала ее пальцем и теребила клитор сзади, пока она стояла на коленях, ее дыхание становилось прерывистым от моих прикосновений. Ее кожа покрылась мурашками. Мне нравилось, какую власть имели над ней мои прикосновения, власть, которой даже кожа не могла сопротивляться или лгать. Теперь она стонала, сильно. Я хотела заставить ее кричать. И я это сделала. Я подняла ее на ноги, освободила от наручников и положила на черную кожаную кровать без простыней. Ее легко было почистить, а я в некотором роде неаккуратный едок, так что она выполняет свою функцию - я очень практичный человек. У кровати было изготовленное на заказ

изголовье из кованого железа, к которому можно было прикрепить наручники и более крупные предметы. Капельки пота теперь стекали с ее покрытой мурашками кожи, словно бриллианты экстаза — она сияла, как богиня, под моим контролем. Я использовала раздвижную планку, чтобы максимально раздвинуть ее ноги, и все, что я делала с ней, было еще более интенсивным. Достав анальную пробку, я покрутила ею в ее насквозь мокром влагалище, затем осторожно и медленно ввела ее в попку. Она ахнула, а затем издала стон наслаждения. Я опустилась на нее и слизала каждую каплю ее влаги. Мой рот горел огнем, так близко к ее плоти. Так близко, что я хотела поглотить ее, сырую и сочащуюся. Для меня это был всего лишь один огромный танец прелюдии. Сначала я должна была заставить ее поверить мне и научиться подчинять свою жизнь мне.

Затем, и только после этого, я уничтожу ее влагалище своими острыми, как бритва, зубами.

ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ

У нас установился определенный вариант отношений "Дом-Подчиненная". Она ходила на работу как обычно, несмотря на то, что после

наших марафонских занятий у нее были небольшие синяки и побои. До сих пор мне удавалось не сожрать ее заживо. Но этот день уже почти наступил, и мне было немного тяжело думать о нем... Я влюбилась в нее.

Тем не менее, это нужно было сделать. Наши отношения никогда не были бы полноценными, если бы я не попробовала ее изысканную, солоноватую плоть. Разрезать ее на кусочки зубами, почувствовать божественные брызги свежей крови на губах, омывающие мой язык, словно подливка, когда ее горячее мясо скользнуло мне в горло. Она привыкла к нашему необузданному поведению, часто выпрашивая добавки, к моему абсолютному удовольствию. Так что эти моменты боли немедленно заставляли ее мозг переключаться на удовольствие. Завтра должна была наступить ночь; я голодала почти две недели, я умирала с голоду.

Я знала, что хочу не торопиться и медленно покусывать ее. Когда мы трахались, она была одновременно сладкой и солоноватой на вкус, и, черт возьми, ее половые органы были как самый лучший и свежий стейк, как будто ты вырезал его прямо из мяса животного. Она была мерло. Ее аромат напоминал каплю росы свежим ап-

рельским утром. Элизабет была восхитительна, великолепна, манила к себе... я никогда не пробовала никого подобного.

Мы вместе сделали пирсинг на сосках. Сидя на металлической кровати, когда чувак как раз собирался проколоть мой правый сосок, я прошептала ей одними губами:

- Я так сильно хочу тебя трахнуть.

И в ту ночь я это сделала. Пока мы обе не кончили, обливаясь потом, задыхаясь и обессиленные. Это воспоминание о ней, о нашем времени, проведенном вместе, еще долго питало меня после того, как она ушла.

СЛЕДУЮЩЕЙ НОЧЬЮ

Она пришла ко мне домой, как обычно. Я запретила ей есть в течение суток. Она сделала, как я сказала. Мы поднялись в игровую комнату, где я осторожно раздела ее догола, начиная с ее маленького летнего платья, розового и желтого, с вышитыми на нем крошечными сердечками. Она тут же подняла руки, чтобы платье было легко снято. Ее аромат обрушился на меня, как каскад экзотического водопада, усиливая мою жажду к ней. На ней были маленькие голубые трусики и никакого лифчика. Она была прекрасна.

- Элизабет, встань на колени, - прошептала я.

Я связала ей руки веревкой, подвела к кожаной кровати и нежно уложила. Затем я разделась, сняв свое длинное синее платье макси, под которым больше ничего не было. Мне нравилось играть со своей едой. Я взяла один из моих любимых хлыстов для верховой езды, который больно жалил кожу, оставляя на теле Элизабет маленькие ровные красные рубцы. Провела хлыстом по полным губам Элизабет. Я обвела контуры ее тела, слегка шлепая по ним. Ее кожу покалывало при каждом легком шлепке, по всему телу, в тех местах, где пробегали мурашки, появились маленькие красные рубцы, а темные волосы на руках встали дыбом. Это было чувственно и дико, они противоречили друг другу; кожа Элизабет дышала огнем, а между ног у нее текла вода. Хлыст на клиторе, я несколько раз шлепнула по нему, отчего она одновременно вскрикнула и застонала. Да, я так и думала. Я была так возбуждена, что мне пришлось сдерживаться, чтобы не впасть в чисто животную жажду крови. Мне потребовалась вся сила воли, на которую я была способна. Я действительно никогда не хотела поглотить кого-либо так сильно, как эту женщину.

Связанные веревкой руки Элизабет были при-

вязаны к спинке кровати; я стояла на коленях, голая, между ее ног. Она была стройнее, чем я обычно предпочитала, но потрясающе красива. Короткие темные волосы зачесаны на одну сторону. Другая сторона была слегка выбрита, как и ее горячее влагалище. В глубине ее голубых глаз сверкал потрясающий вид на океан, гипнотизирующий, обещающий искупаться позже. У нее были потрясающие сиськи - торчащие соски, о которые так и хотелось потереться клитором. Мне нравилось трахаться с ее сосками. У нее был маленький живот, и ребра выпирали наружу, когда она напрягалась, натягивая веревки.

Я хотела насладиться каждой клеточкой ее тела. Жажда крови испытывала мое здравомыслие. Она была моей и только моей! Чтобы я трахала ее до самозабвения. Я была почти одержима тем, что она была в моем распоряжении, я хотела вдыхать ее аромат кокоса, смешанный со сладким сексуальным потом. Я хотела поглотить ее внутренности, вдохнуть ее лоно, прикусить ее великолепную "киску" и жадно атаковать ее своим языком. Моими зубами, моими губами. Пот и сок "киски", словно симфония, смешиваются с ее кровью... о, сладкая кровь...

Охваченная желанием, я с трудом сглотнула,

пытаясь успокоить дыхание. Я была великим и могущественным, мать его, Волшебником Оз, и дорога из желтого кирпича вела прямо в мою глотку.

В смазке не было необходимости. Она буквально истекала, ее влагалище блестело, я практически слышала, как оно умоляет меня съесть его. Я обрабатывала ее левой рукой, моей доминирующей рукой, которая понадобится мне позже. Это не заняло много времени, пока я не смогла удобно сжать ее в кулак. Когда все пять пальцев были полностью погружены в ее влажную, истекающую влагой "киску", мне оставалось только просунуть остальную руку внутрь. Ее тело сжалось вокруг моих пальцев, притягивая меня к себе, ее влажность с легкостью приветствовала мое вхождение. Это доставило мне удовольствие. Я просто позволила своей руке описывать круги, осторожно втягивая и выдавливая, как раз перед тем, как начать трахать. Это был лучший фистинг в ее жизни!

Я долбила ее влагалище быстро и жестко. Ее тело напряглось, когда мы целовались. Я целовала ее шею; Боже, я любила эту женщину. Я была опьянена смешением ароматов моей Элизабет. Перевернув ее на спину, я схватила еще немного

веревки, чтобы привязать ее ноги пошире к обоим концам кровати. Я стояла на коленях, чтобы она могла видеть, как я играю с собой правой рукой. Я схватилась за свои маленькие сиськи, пощипывая и покручивая свой сосок, затем запустила пальцы в "киску", играя с клитором. Я была такой же мокрой, как и она.

Вытащив свой кулак из ее тела, я схватила ее за волосы и сказала:

- Люблю тебя, сука, не дергайся - будет больно.

Мысль о боли заставила ее застонать еще громче. Я велела ей заткнуться на хрен. Я имею в виду, я была сосредоточена, к тому же ей чертовски нравилось, когда я командую. Я снова принялась трахать ее. Казалось, что ее сексуальный аппетит никогда не иссякнет. Клянусь, мой кулак мог чувствовать ее внутренности, ее шейку матки, податливую под моим кулаком. Мы обе тяжело дышали. Я провела рукой по кругу, вводя ее в ее влажную "киску" и выводя ее обратно. Я дотронулась до чего-то внутри нее и осторожно потянула, и все это выпало - пролапс. Ее внутренние органы теперь были чертовски похожи на внешние. Я облизала губы, чувствуя, как все выпавшее пульсирует словно сердце.

Все это пульсировало, было кроваво-красным и

мягким на ощупь. На ее лице сияла широчайшая, вымученная улыбка. Мой кулак легко скользил туда-сюда. Мы обе были в экстазе. Она была уже совсем близко. Я высвободила руку со звуком низкого, глубокого стона. Хлынула кровь, покрывая меня. Взяв свою мокрую руку, я использовала ее влагу и кровавую жидкость, чтобы ласкать ее клитор, ее великолепную попку, ее груди, ее рот - все это вместе. Покрывая ее гладкую "киску" соком, поливая свое мясо. Теперь я знала, что мне осталось совсем немного поработать, и она могла кончить в любую секунду. Я снова принялся вылизывать ее "киску", дыша в нее, как в кислородную маску — от ее мускусного запаха у меня закружилась голова. Я держала ее раскрытой двумя руками, прижимая внутренности, торчащие из ее влагалища, к ее бедру, полностью погружая в нее свой язык и трахая ее языком.

Я была желанной, я была ее ангелом, ее дьяволом. Я была для нее всем. Ее дыхание становилось все тяжелее и резче; короткие толчки заставляли ее тело дрожать и вибрировать, как работающий двигатель. Она собиралась кончить. В этот момент все стало немного безумным.

Мне нужно было поесть. Я была чертовски голодна. Жажда взяла верх; мои зубы впились в нее,

разрывая ее великолепное влагалище... сначала ее внешние губы, разрывая их на жуткие кусочки - кровь, остатки выделений и пот забрызгали мое лицо. Затем я захотела избавиться от этого гребаного пирсинга. Но это означало съесть ее клитор, а я хотела его на десерт.

- Я сейчас кончу! - заорала она, а я продолжала трахать и пожирать ее, и куски окровавленного мяса шлепались мне на щеки.

Вкуснятина. Кончай. Хочу еще.

Она снова закричала:

- Кончаю! Кончаю!

Знаю, кончай. Давай. Кровь, пот, телесные соки, ощущение ее гладкости. Я перестала трахать ее языком и начала скользить вверх по ее телу, покрывая себя всевозможной запекшейся кровью и плазмой. Кольцо в ее соске застряло у меня в зубах - я сорвала его и выплюнула, пожирая ее сосок. Потные и спелые, желеобразные крошки человеческого тела.

Она кончила, но на этом все не закончилось, у нее были еще оргазмы, а у меня было еще что съесть. Она была чертовски вкусной. Ее соки стекали по моему мясу, как свежий соус. Я сосала и пожирала окровавленное тело передо мной, ноги все еще были широко раздвинуты. Я впилась в ее

влагалище своими заостренными зубами, поглощая ее плоть до тех пор, пока больше не наелась.

Ее тело двигалось в чистом, безудержном порыве, отдавая себя мне. Лицо Элизабет исказилось, она ударилась головой о спинку кровати.

- Я хочу посмотреть! - закричала она, принимая почти сидячее положение и натягивая веревки.

На ее лице было выражение удовольствия и боли. Мое лицо, должно быть, кричало: *ДА, БЛЯДЬ!* Я смотрела на нее, на кровь, выделения, соки и все, что она могла предложить, по всему моему телу.

Ее тело начало содрогаться в неистовых судорогах. Пока я была занята едой и облизыванием, она кончила снова, на этот раз еще сильнее. Брызги брызнули мне на лицо. *Ах, черт!* Кровь попала мне на волосы. *В ближайшем будущем я предвижу долгий горячий душ,* - подумала я про себя, беря маленькое лезвие и вспарывая ей внутренности. Ее прекрасный маленький живот исчез, а на его месте появились кишки, которые демонстрировали смелость и стойкость. *Возможно, перекусим позже. Возможно.*

Она лежала, умирая; умирая в экстазе, с улыбкой на лице. Я улыбалась ей в ответ, но в словах не было необходимости. Когда ее дыхание стало прерывистым, я скользнула вниз по ее телу к

клитору.

Моя красавица. Моя прелесть. Я безжалостно вонзила в него зубы, вырывая его. И одним глотком он с последним воем оказался у меня в желудке. Наконец-то я насытилась.

До следующей.

Перевод: Zanahorras

Я всегда был злым парнем. Потратив большую часть своей жизни на то, чтобы подавлять ярость, я прекрасно понимаю, что некоторые вещи, которые меня бесят, ни хрена не волнуют других. Если честно, это знание не помогает, когда накатывает "красная пелена"; во всяком случае, оно злит меня еще больше. Иногда, оглядываясь назад, я радуюсь, что не сорвался, но в большинстве случаев то, что меня беспокоит, все еще терзает мой разум дни и недели спустя, гноясь и разъедая мой мозг, как разъяренные, пирующие паразиты. Я был бы настоящим маньяком, если бы не моя семья. Всегда был кто-то, кого я не хотел бы подвести. Это было единственное, что удерживало меня от того, чтобы сорваться и убить какого-нибудь долбоеба.

Время умеет ебать по полной. Моя бабушка ушла первой, за ней последовали мои родители. У меня была пара бывших подруг, о которых я

заботился, когда был с ними, но все так или иначе закончилось, и я давно один. У меня не было домашних животных, не на кого было положиться, и не было ничего, что можно было бы любить или чего я ждал с нетерпением. Время не было моим другом, и я часто задавался вопросом, какой в нем смысл. Всему приходит конец.

Я бы не сказал, что моя жизнь была более бессмысленной, чем у кого-либо другого. Просто казалось, что большинству людей было наплевать на то, насколько дерьмовой или скучной была их жизнь. Я предположил, что некоторые люди, вероятно, слишком глупы, чтобы понять это, а другие слишком ленивы, чтобы что-то с этим сделать, и тогда были общие неудачи. Я добивался успеха на любой работе, за которую брался, зарабатывал хорошие деньги, неплохо ладил с женщинами и, я бы сказал, выглядел довольно прилично. Мне не на что было жаловаться; тем не менее, я был по-настоящему несчастлив. Все, чего я добивался, приводило других людей в восторг, а меня приводило в оцепенение. Я изо всех сил пытаюсь вспомнить, когда в последний раз чувствовал себя по-настоящему счастливым. Теперь все, что у меня осталось, - это ярость, которая вспыхивает у меня в голове по меньшей мере

шесть раз в день, и я уже не уверен, что мешает мне отпустить ее. Сдерживаться я всегда старался ради кого-то другого. Теперь я заставляю себя замолчать ни за что и ни про что. Конечно, я могу потерять работу, если сорвусь, но, черт возьми, я найду другую в течение нескольких недель. Я никогда не боролся за работу, и у меня все равно есть сбережения.

Решение пришло ко мне однажды ночью во сне. Мне приснилось, что я сижу в парке, а моя собака бегает вокруг; я чувствовал себя счастливым. Я проснулся с тем же несчастным чувством, которое всегда сопровождало меня, но я все еще мог испытывать радость при мысли о том, что смогу поиграть с собакой, которой у меня нет, - я всегда предпочитал животных людям. В тот день я ушел с работы пораньше, чтобы посетить местный питомник. У них всегда были собаки, нуждающиеся в приюте, бедолаги, брошенные в клетках, как преступники. Именно те ублюдки, которые их сюда засунули, должны были быть заперты, и это тоже приводило меня в ярость. После заполнения стандартной анкеты на переобучение меня провели в собачий питомник. Там задиристый черно-белый бордер-колли прыгал по передней части своей клетки, виляя хвостом

как сумасшедший, высунув язык и пуская слюни в промежутках между возбужденным тявканьем. Я знал, что он мой. На его клетке была табличка с именем: *Бадди*. Он показался мне идеальным. В тот день я заплатил за него и забрал его домой.

В течение следующих нескольких недель я стал раздражаться реже. Сомневаюсь, что люди вокруг меня стали менее надоедливыми или глупыми, но часы, которые я проводил вдали от Бадди, я проводил, думая о нем и обо всех тех милых и забавных вещах, которые он делал. Каждый обеденный перерыв я приходил домой, гулял и кормил его. Я жил недалеко от офиса, а это означало, что я редко проводил без Бадди больше четырех часов. Думаю, это тоже помогало. Он обычно съедал свою еду, отправлялся на прогулку, а затем дарил мне массу объятий и поцелуев, прежде чем я отправлялся обратно в переполненную идиотами выгребную яму.

Шли недели, и казалось, что все движется в правильном направлении. Моя жизнь была сосредоточена на Бадди, и я проводил с ним все свое свободное время. Я даже перестал думать о том, чтобы отправиться на охоту. Я никогда не был из тех, кто ищет себе подружку, но мне нравилось мочить свой член хотя бы раз в месяц. Если ты не

опустошал старые мешки с яйцами, это только усиливало ярость. Я никогда не был большим поклонником дрочки. Я предпочитал, чтобы кто-нибудь вылизывал мою грязь, в идеале по всему лицу, но идея ходить по пабам и клубам и оставлять моего лучшего друга одного, просто не казалась мне крутой. Теперь я покупал немного пива и лакомства для собак, а потом проводил выходные за просмотром фильмов или чтением, прижавшись к Бадди.

Однажды в пятницу вечером мы сидели дома, когда он начал пританцовывать вокруг меня, что означало, что ему пора на прогулку. Я схватил поводок (которым почти не пользовался, так как он всегда был рядом со мной), надел куртку, и мы направились к выходу. Я всегда провожал его до парка, обходил по всему периметру, а затем возвращался по узкой дорожке к себе домой. Этого всегда было достаточно. Мы не торопились, чтобы он мог все обнюхать. К тому времени, как мы возвращались домой, он уже устраивался на ночлег. Если ему потом нужно было прогуляться, он быстро сбегал в сад за домом.

В этот особенный вечер в парке было тихо, и наша прогулка прошла без происшествий. Когда мы дошли до конца прогулки и начали спускаться по

дорожке, я услышал голоса, доносившиеся снизу. Подойдя ближе, я увидел, что это была местная молодежь. Они никогда не доставляли мне хлопот, поэтому я не обращал на них внимания.

- Эй, приятель, как зовут твою собаку? - окликнул один из них.

Все они были в толстовках, и было темно, так что я понятия не имел, кто это сказал.

- Бадди, - обратился я к общей группе, когда начал проходить сквозь них.

- Тупое, блядь, имя, чувак[10] [broken link: #n_10], - сказал один из мелких придурков.

Затем я услышал визг. Один из невероятно тупых ублюдков пнул мою собаку.

Поводок выпал у меня из рук, когда я замахнулся правым хуком и вмазал ближайшему ко мне. Челюсть ублюдка хрустнула, и он упал, как мешок с картошкой. Я замахнулся левой и свалил еще одного хуесоса. Я уже видел, как четверо-пятеро из них побежали, прежде чем повернулся, чтобы обрушить свою ярость на тех, кто еще стоял. Развернувшись, я увидел, что Бадди остался рядом со мной и теперь скалил зубы, издавая низкое горловое рычание. Это было как в зеркале: мужчина и его зверь. Двое парней покрупнее двинулись ко мне.

- Это был мой младший братан, приятель.

Пока он говорил, я врезал этому ублюдку прямо по зубам. Я почувствовал, как треснули костяшки моих пальцев, и почувствовал, как у него во рту раздробились зубы. Бадди бросился на второго и начал кусать его за ногу. Тот наклонился и ударил Бадди по ребрам, и тот потерял равновесие. Моя голова чуть не взорвалась, когда я это увидел.

- Сука! - взревел я и двинулся на него.

Бадди отпустил его, встал рядом. Парень поднял кулаки, так что я просто, блядь, влепил ему пощечину со всей силы. Шок застал его врасплох. Его защита ослабла и расширилась - ошибка новичка - я пробил ее ударом головой. Удар его носа о мой лоб был почти оргазмическим, но того факта, что он упал плашмя на спину, было недостаточно. Я начал наносить ему штрафные удары в бок и сломал несколько ребер, прежде чем схватить его за ногу и потащить по окровавленному бетону к фонарному столбу. Я уперся в него ногой, оттянул ее назад и ударил о стойку с такой силой, что нога сломалась. Кость прорвалась сквозь брюки спортивного костюма "Найк", чуть ниже колена - грубый перелом торчал наружу, а из конечности на асфальт вытекло еще больше крови. Вопль, который он издал, как маленькая сучка, был

оглушительным - это наполнило меня радостью. Я плюнул в лицо мелкому ублюдку, оглянулся на остальных троих, увидел, что один из них встает, подбежал и вмазал ему прямо в лицо. Вырубил.

- Когда в следующий раз откроете свои ебаные рты, подумайте, не будет ли, блядь, последствий, - я оглядел их, и никто не пытался встать.

Остальные члены их компашки давно свалили.

Когда я возвращался домой в сопровождении Бадди, все мое тело гудело. Все это время я сдерживался и, наконец, позволил этому случиться. Мне казалось, что я стал тем, кем должен был быть. Почему бы не наказать тех, кто этого заслуживал? Мир становился слишком мягким. Шутка, где защищающиеся - в беде, а бандиты - в шоколаде. В тот вечер мы вернулись домой и посмотрели еще один фильм. Я погладил Бадди по боку, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. С ним все было в порядке, но, черт возьми, я никогда не позволю какому-то мелкому хуесосу в толстовке, какому-то куску дерьма, тронуть мою собаку. Черт, я бы убил каждого придурка в их дурацкой компашке, прежде чем допустил бы это.

* * *

На следующее утро я встал, принял душ, оделся и накормил Бадди, прежде чем собрался выводить его на прогулку. Я открыл входную дверь, подошел к калитке, держа Бадди на поводке и держа его рядом, открыл калитку и увидел это...

Твой ибаный Бади - миртвец! Краска из баллончика, нанесенная прямо поперек моей дорожки перед домом.

Я рассмеялся. Эти неграмотные пиздюки даже не знали, как пишутся слова по буквам. По крайней мере, они все еще считали меня опасным. Полагаю, это было уже что-то, я выпрямил спину. Я чувствовал, как сжимается моя грудь и кровь приливает к венам, заставляя мою кожу гореть. Я подумывал о том, чтобы отвести Бадди обратно в дом, но почему бы нам, черт возьми, не прогуляться по местному парку? Просто потому, что кучка маленьких придурков считает его своим.

Я направился прямо по дорожке, Бадди шел рядом со мной. Там никого не было. Было еще слишком рано. Мелкие наркоманы, должно быть, лежали в своих постелях, в домах своих подонков-родителей, и отсыпались после того, что они приняли. Это было забавно. Все мелкие

недоноски, казалось, ненавидели наркоманов, в то время как сами они бездумно курили травку, нюхали все, что попадалось под руку, заправлялись бензином, пили дешевый сидр, и у них хватало наглости смотреть свысока на тех, у кого была героиновая зависимость. Как будто они были лучше, потому что выбрали другой наркотик. Мне похуй на политику мелких ублюдков. Они выбрали не того парня. Всем нужно хобби - теперь есть и у меня. Найду всех. Со временем научу их чему-то лучшему. А может, и нет. Может, они никогда не научатся. Возможно, я был таким же плохим, как они. Однако я не мог этого понять. Я никогда никому намеренно не причинял вреда, никогда не крал и не кидал людей. Наказание давно назрело.

Я наслаждался прогулкой в парке с Бадди. Мысль о том, что я могу обрушить шквал насилия на эту компашку, которая, вероятно, провела предыдущий вечер, обмениваясь историями о том, что они со мной сделают, принесла мне умиротворение, подобное дзенскому.

Когда мы вернулись ко входу в парк и направились к аллее, я услышал голоса. Я пошел дальше и не удивился, увидев двух старших членов компашки, ожидавших меня. Я улыбнулся. Мне было

под сорок, и я чувствовал, что каждый прожитый год приносит свои плоды. Этим предполагаемым молодым членам "команды" было чуть за тридцать. Думаю, мы бы назвали их "бандосами", если бы это была Америка. Они оба стояли по разные стороны забора, держа в лапах по бутылке "Бакфаста". Еще даже не пробило 10 утра, так что они, должно быть, хранили их где-то со вчерашнего дня. Либо это так, либо они были в дружеских отношениях с одним из владельцев магазина и брали спиртное тайно, прежде чем магазины начнут продавать алкоголь. Вероятно, угрожали какому-нибудь бедняге.

- Привет, парни, - сказал я, останавливаясь в нескольких футах от них.

Я знал, что они были здесь ради меня, и не собирался идти напролом и, скорее всего, получить бутылкой по голове. Они оба посмотрели на меня, до этого момента не обращая на меня внимания.

- Полагаю, вы ждете меня. Вчера вечером кое-кто из ваших ребят попал в небольшую передрягу. Я пытался поговорить с ними, но вы знаете детей, - ухмыльнулся я.

Я бы заманил этих придурков напасть на меня, если бы они уже не планировали этого.

- Ага, слышал, ты набросился на пацанов, сы-

нок.

"Сынок" в английском языке - это какой-то сленговый способ сказать "сын". Шотландским папашам нравилось вставлять слова "сынок" в предложения, и они часто издевались над их произношением. Я только улыбнулся.

- Я с тобой разговариваю, сука! - продолжил он.

Оба были одеты в старые спортивные костюмы, которые большинство благотворительных магазинов не приняли бы за пожертвования. На каждом из них были бейсболки "Найк". Обе белые, или, по крайней мере, они были такими, когда их купили (или украли).

Я продолжал улыбаться. Какой, блядь, был смысл спорить с этими троглодитами?

- Он, блядь, с тобой разговаривает! - агрессивно сказал другой, прежде чем оттолкнуться от забора и двинуться ко мне.

Бадди зарычал.

- Стоять! - сказал я Бадди.

Он был очень хорошо воспитан и всегда выполнял мои команды, хотя мне не приходилось давать ему много указаний.

Когда этот придурок, выпятив грудь, с преувеличенной развязностью шагнул ко мне, я быстрым левым прямым сбил его с ног и отбросил

назад. При приземлении он даже перевернулся задницей через голову.

У другого взрослого члена компашки отвисла челюсть. Я подумал, не должен ли этот тупой осел на земле быть кем-то вроде охранника. Если так, то у него это чертовски плохо получалось. К чести другого парня, он повернулся ко мне лицом, расстегнул молнию и встал в стойку. Я уважал его за стойкость - он все еще был душным маленьким засранцем, и я с нетерпением ждал возможности проделать в нем несколько дырок. Я подумал, что стоит еще немного поработать над этим.

- Приятель, послушай, не пойми меня неправильно, но ты не тот парень, чью девку ебали все остальные? Ты, да? Я, блядь, так и знал, что это ты.

Я только что это придумал. Я понятия не имел, кто эта шлюха. Я, наверное, раз сто проходил мимо него и не обращал внимания, потому что никогда не обращал внимания ни на кого из местных.

Когда я был совсем маленьким, я получил несколько ударов по голове, ни за что. Оказался не в том месте не в то время и был избит. Став старше, я посетил несколько клубов, чтобы поддерживать себя в форме и научиться драться. Я

научился нескольким ценным приемам, набрался сил и мускулов. По мере того, как я все чаще участвовал в драках, я понял, что *почти каждая пизда с большим ртом не умеет драться*. Я уничтожал парней вдвое крупнее меня.

В истинно уебанской манере этот придурок, стоявший передо мной, начал громко кричать о том, что он и его братва собираются со мной сделать. Я не обратил на это особого внимания. Я просто погладил Бадди по голове и снова приказал ему стоять рядом. Когда я подошел к предполагаемому "бандосу", он продолжал кричать. Потребовалось три удара, чтобы уложить этого болтливого придурка, и, честно говоря, я думаю, что он уже был в нокауте, когда его настиг третий - один удар не причинил вреда.

Я решил, что пришло время преподать этим парням *настоящий* урок. Переулок был недалеко от моего дома, поэтому я взял их обоих с собой домой.

К тому времени, когда они очнулись, оба были привязаны к стульям в моей гостиной. Я заткнул им рты кляпами, но мой дом представлял собой отдельно стоящую виллу в конце тихой улицы, так что вряд ли кто-нибудь пришел бы им на помощь, даже если бы они орали.

Я от души хлопнул обоих парней по челюстям, просто чтобы убедиться, что они очнулись.

- А теперь, вы, грязные, вонючие, бесполезные куски ебаной кожи, я соберу еще несколько ваших, и тогда мы сможем повеселиться. Вам понравится! - я подмигнул им и ушел.

Я вывел Бадди в сад за домом и оставил его там с водой. У него была собачья будка, в которой он никогда не спал, но я знал, что он вздремнет, пока я не вернусь. Мне нужно было побыть одному, чтобы не привлекать к себе внимания.

Остаток дня я провел, бродя по лесам и старым, полуразрушенным улочкам, ведущим к заброшенным зданиям. Я знал, что это излюбленные места тусовок никому не нужной и неблагодарной молодежи нашего города. Иногда я натыкался на небольшие группы, и мне приходилось уходить. Не то чтобы я не мог их разгромить, но я хотел вернуться с парочкой домой. В течение дня мне удалось поймать еще четверых, одиночек. Никто не оказал мне сопротивления, и все в итоге оказались привязаны к чему-то у меня дома. Я понятия не имел, сколько человек было в их компашке, но я знал, что шестерых было достаточно, чтобы *отправить сообщение*.

Когда стемнело, я убедился, что все крепко

связаны. Я отвязал веревки, которыми они крепились к стульям, батареям отопления и ножкам стола, а затем перенес их в свой внедорожник. Трое в багажник, двое сзади, один спереди. Это было как нельзя кстати - поскольку у меня были слегка тонированные стекла, никто, заглянув внутрь, не заподозрил бы ничего подозрительного. Я не планировал оставаться с ними надолго. Я вынес на задний двор немного еды для Бадди, запер дом и запрыгнул в свой внедорожник.

Старый парк аттракционов, в который я планировал их свозить, находился примерно в двадцати минутах езды. Он был закрыт несколько десятилетий назад. Я несколько раз посещал его, исследуя городские достопримечательности, и знал, что он заброшен. Слишком далеко от города для алкашей и бомжей. Они предпочитали находиться поближе к более населенным районам, чтобы попрошайничать или рыться в мусоре магазинов. Из-за кляпов слышались бормотание и стоны. Поскольку они были связаны и пристегнуты ремнями безопасности, никто не мог сбежать. Я усмехнулся и несколько раз посмотрел на них во время движения. Было восхитительно видеть ужас в их глазах. Обычно они были такими уверенными в себе, жесткими, крутыми в

своей компании. Их все боялись. Слишком много мелких засранцев, которым нечего терять. Как ты мог победить их? Ну, я, блядь, знал как.

Припарковавшись на старой заброшенной автостоянке, я выключил фары. Я знал, что на многие мили вокруг нет камер видеонаблюдения. Редко что-то случалось в заброшенном парке. Полиции здесь нечего было делать, хорошо для меня. Я вытащил каждого из своих гостей из машины и повалил на землю. Я уложил их шестерых рядышком и наблюдал, как они извиваются, словно стайка слизняков. Мне хотелось, чтобы остальная компашка могла это увидеть. Я нанес им несколько штрафных ударов по ребрам, просто чтобы развлечься и причинить немного дополнительной боли. Я схватил первого попавшегося парня, одного из парней постарше. Подтащил его к передней стене тематического парка. Это место разваливалось на части. Совсем не похоже на ностальгические жуткие места, которые вы видите в старых мультфильмах про Скуби-Ду. Это было место времен динозавров. Десятилетия забвения позволили ржавчине разъесть металл - каркасные конструкции разваливались. В течение многих лет ходили слухи, что его снесут, но из-за сокращения бюджета

было отложено. Удобно для меня.

Я ослабил веревку, которой левая рука парня была привязана к боку, и поднял ее над ним. Достал из кармана четырехдюймовый гвоздь, а из-за пояса - молоток. Он увидел, что я делаю, и отдернул руку.

- Либо твоя рука, мой старый друг, либо твой череп. Веди себя хорошо, и я оставлю тебя в живых. Нет - и я займусь следующим из вас. А теперь будь хорошим мальчиком и прижми руку к стене.

Я видел, как он трясся всем телом, а потом в воздухе сильно запахло мочой; я посмотрел вниз и заметил, что он обмочился. Было темно, но я заметил, что брюки от его спортивного костюма стали темнее. Он так и не поднял руку, поэтому я сильно стукнул его по голове плоской стороной молотка. Не настолько сильно, чтобы нанести серьезный ущерб, но достаточно, чтобы причинить боль и дать ему понять, что я не придуриваюсь. Его рука поднялась, медленно, но он все же поднял ее. Я приставил гвоздь к его ладони и ударил по нему молотком. Гвоздь прошел сквозь кости и сухожилия без каких-либо проблем. Шляпка гвоздя не дотягивала до его ладони, но мне было наплевать. Я не какой-нибудь помешанный на искусстве безумец. После множества приглушенных криков

и выражения ужаса на лицах, которые, будь мы актерами, заслужили бы "Оскара", мне пришлось приложить гораздо больше усилий, чтобы убедить его протянуть другую руку и указать на вход в парк. Он знал, что за этим последует, поэтому мне пришлось его немного смягчить. Вместо того, чтобы причинить ему немного боли и попросить еще раз, что могло бы оказаться долгим процессом, я разбил молотком обе его голени вдребезги. Я знал, что остальные пятеро слышат его сучьи вопли и сейчас обделаются. Затем я снял с него ботинки и превратил пальцы ног в кашу. Он потерял сознание, так что мне пришлось пойти к машине и набрать воды, чтобы плеснуть ему на лицо и отвесить пару хороших пощечин. В конце концов, он пришел в себя и, продолжая плакать, приложил руку к стене. Я прибил ее на место и улыбнулся своей хорошей работе. Теперь он был живым указателем, указывающим путь.

После этого я отправился за вторым гостем. Процесс продолжался несколько часов. Я указывал им, куда приложить руку, а они протестовали. Я ломал часть их тела - они либо подчинялись, либо у них не было выбора, когда они переставали пользоваться нужной мне конечностью. По мере того, как я разбирался с каждым из них, крики и

стоны становились все более раздражающими. Однако это было ничто по сравнению с тем, когда я начал вырезать клоунские улыбки и печальные глаза на их лицах. О, как они кричали. Один из младших на самом деле умер во время вырезания. Должно быть, его сердце не выдержало, когда я вырезал печальные клоунские глаза. Возможно, он занюхал слишком много кокаина или "спида". Мне было грустно, что он ушел раньше времени, но он не так уж много пропустил. Когда я закончил с каждым из компашки и осмотрел свое творение, я был очень доволен. За исключением самого старшего парня, стоявшего прямо за стеной, я мог видеть их всех. Кровь текла из их изрезанных лиц и прибитых гвоздями рук или ног. Я начал небольшую речь:

- Вы, клоуны, слишком долго были бичом нашего общества. Этому придурку у двери, должно быть, не меньше тридцати двух лет, и я готов поспорить, что он бегает по улицам и терроризирует людей с десяти лет. Два десятилетия мучений от одного человека только из-за того, что его мать-шлюха позволила сперме вытекать из своей задницы и стекать в ее дряхлую пизду. Вероятно, старая шлюха была выебана за десятку. Остальным из нас приходится всю жизнь терпеть

пытки, потому что вам, ребята, нехуй делать. Вы думаете, что можете использовать нас для своего развлечения, что никто не даст вам отпор. Вы шестеро - первые. Будут еще.

Честно говоря, я не мог представить, что буду преследовать еще кого-то из них. Это привлекло бы внимание, и полиция начала бы что-то вынюхивать. Я был осторожен и не ожидал, что кто-то увидит во мне подозреваемого. Повсюду вокруг меня плакали грустные маленькие человечки. Плакали из-за своих матерей-шлюх или отцов-алкоголиков, которых они никогда не любили, или, может быть, просто плакали от боли. Мне было все равно. Да, это был урок, который нужно было преподать. Как только я размозжил всем им черепа молотком, я написал краской из баллончика на стене надпись: ***Конец компашки***.

Я понятия не имел, воспримут ли они это как угрозу или это разобщит остальных членов группы. Просто мне показалось, что так и надо поступить.

По дороге домой я никогда не чувствовал себя таким спокойным. Я ощутил умиротворение, которого не испытывал никогда в жизни. Я уничтожил нескольких мерзких ублюдков на планете и чувствовал себя хорошо от этого. Я

знал, что отчасти успокоение пришло от насилия, которое я высвободил, от моего собственного демона.

Я припарковался и сразу же вышел на задний двор, где обнаружил, что Бадди крепко спит. Я разбудил его и отнес в дом. Я насыпал очень большую миску собачьего корма и наполнил его миску водой. Я включил *"У холмов есть глаза-2"*. Я так долго этого ждал. В тот вечер мы с Бадди заснули, прижавшись друг к другу на диване. Это было по-настоящему мирно.

* * *

В течение следующих нескольких недель о пропавших ублюдках ничего не было слышно. Я задавался вопросом, сообщил ли кто-нибудь об их исчезновении. Я не видел, чтобы оставшаяся компашка болталась поблизости. Возможно, они боятся теперь, когда двух лучших парней не было рядом. Я ни в малейшей степени не беспокоился о том, что они обратятся в полицию. *"Стукачи получают швы"* - так здесь говорят, и здесь это серьезно. Твой лучший друг расквасил бы тебе челюсть, если бы узнал, что ты стукач.

Когда тела были в конце концов найдены, полиция заподозрила, что другая команда молодых

людей зашла слишком далеко. Арестов произведено не было, хотя об этом писали во всех газетах. В конце концов, никого не волновало, что *такие* люди умирают. Обычные люди не боялись убийцы. Кто бы это ни сделал, он оказал миру услугу в глазах большинства людей, включая шефа полиции.

Мы с Бадди продолжили нашу счастливую совместную жизнь. В последнее время ярость охватывала меня гораздо реже, но я всегда знал, что если она вернется, я смогу просто найти какого-нибудь достойного мудака и немного приоткрыть клапан.

Компашка снова тусуется. Теперь они ведут себя гораздо тише. Они выглядят так же, как и раньше, но их глаза потускнели, а там, где раньше была дикая злоба, теперь страх, стыд и сомнение. Головы всегда опущены, глаза отведены в сторону. Когда мы с Бадди проходим мимо них по дорожке, нас приветствуют.

- Здорово, дружище.

- Здорово, сынок.

- Привет, приятель.

Один из этих придурков всегда говорит:

- Привет, Бадди.

Я думаю, они знают. Я уверен в этом. Никто из

них не смотрит нам в глаза, и наши пути никогда не пересекаются. Вместо этого они отходят в сторону, чтобы продолжать пить и курить, пока мы идем своей дорогой. Они, черт возьми, знают... но даже если нет, какая разница. В последнее время я - спокойный парень.

Перевод: Zanahorras

Джош позволил маленькой отрубленной руке выскользнуть из его пальцев; позволил гравитации забрать ее как свою собственность. Она упала на пол, где приземлилась на небольшую кучу изуродованных тел. С растущим ужасом он осматривал опустошение, нанесенное мягкому фиолетовому ковру его спальни.

Слезы текли, горькие и жгучие, когда он начал узнавать маленькие части своих близких. Нога здесь, голова там, туловище - без конечностей - лежало на груди, выброшенное, как будто это был не более чем мусор.

Я не буду плакать.

Я не буду плакать.

Я не буду.

Это была чушь. Он заплачет. Он знал это. Это было так же верно, как солнце, светящее в небе летним утром.

Он всегда плакал. Это была власть, которую

Джерри имел над ним все свои годы, и она никуда не денется в ближайшее время. Слезы уже текли. Это было данностью. Именно детские вопли подпитывали Джерри, словно воздух, которым он дышал. Его выводило из себя наблюдение за тем, как Джош рушится и распадается на миллион маленьких кусочков прямо у него на глазах.

Я ненавижу его. Я ненавижу этого монстра, и я хочу, чтобы он умер!

Было неправильно думать так о его старшем брате. Он знал, что никогда не должен думать так, даже если они были о человеке, который действительно, действительно этого заслуживал.

И Джерри... он заслужил это.

Джерри. Золотой мальчик. Блудный сын мамы и папы, наделенный внешностью кинозвезды, острым, проницательным умом и обаянием, далеко не по годам.

Джерри.

То, чего не знали мама и папа, могло бы заполнить книгу. Они видели своего первенца через сияющую, ледяную призму, наполненную светом, надеждой и гордостью, настолько мощной, что Джошу хотелось задохнуться. Чего они не понимали, ни в каком виде, форме или воображении, так это *врожденной жестокости* Джерри. В

нем была глубокая и мрачная жилка. Настолько мрачная, что часто, в такие моменты, как сейчас, когда Джош сидел на полу и рылся в останках своих мертвых друзей, он искренне верил, что его старший брат - воплощение зла. Да, это было подходящее слово... *зло*.

Джерри был злым, извращенным парнем. Но он хорошо это скрывал. Их родители не знали. Его тети и дяди не знали. Его друзья тоже не знали. В их глазах Джерри был Иисусом с лучшей стрижкой. Святым. Принцем. Мальчиком с плаката для всего хорошего и правильного в мире. И Брэнди, его совершенно великолепная девушка, с которой он встречался три месяца и больше, - она видела проблески этого, но даже она не знала, кем он был на самом деле.

Кем он был, так это *монстром*.

Какой брат, имея на целых шесть лет больше мог бы сделать то, чему Джош стал свидетелем на полу своей спальни?

Мне всего двенадцать. Он практически взрослый мужчина, и он делает это!

Джош поднял одну из отрубленных голов, пошатываясь от отвращения. Он изучал ее в своих руках, желая, чтобы слезы прекратили свой поток. Желая, чтобы горе было остановлено. Желая,

чтобы эти позорные, детские всхлипы остались спрятанными глубоко в его груди, где они не могли доказать, что его брат прав насчет него...

Что он был слабаком. Девчонкой. Неженкой. Маленькой гребаной пиздой.

Он посмотрел в мертвые глаза, уставившиеся на него с головы, и почувствовал, как нарастает тоска.

- Что он сделал с тобой, Хан? - спросил он крошечную пластиковую голову.

Маленькое подобие головы Хана Соло уставилось на него черными как смоль, безжизненными глазами, сделанными из краски, но все равно осуждающими его. Он бросил маленькую голову обратно на кучу разрушенных и сломанных игрушек.

Он не хотел смотреть. Не хотел изучать ужас перед ним, но он не мог отвести взгляд.

Там был Оптимус Прайм, его блестящее металлическое тело было разорвано пополам. И Гизмо - Магвай - с обеими руками, оторванными от его маленького плюшевого тела. Белый наполнитель сочился из раны, как сахарная вата. И Лайон-О, лидер могучих "Громокошек", его мускулистые ноги согнулись и вытянулись полностью. Их было больше - гораздо больше.

Насилие, которое Джерри совершил в его комнате, было не чем иным, как бойней.

Вот оно. Зрение Джоша затуманилось, превратив кучу сломанных фигурок в одно ужасное целое.

Я не буду плакать.

Я не буду плакать.

Я не буду.

Из его дверного проема раздался этот слишком знакомый голос. Как он его ненавидел. Веселье, ликование - это было невозможно пропустить.

- Что ты думаешь об этом дерьме, пиздюк? - спросил Джерри. - Я причинил боль твоим ссаным игрушкам?

Ярость, ненависть и тоска боролись внутри Джоша, когда его брат разразился диким ревом смеха.

Я не буду плакать.

Он начинался низко, глубоко в горле, прежде чем подняться до пронзительного нытья, а затем...

Джерри победил. Он всегда побеждал.

Джош ничего не мог с собой поделать. Он открыто плакал, не в силах остановить поток эмоций. Он плакал, он причитал, сопли текли, его грудь вздымалась. Он был совсем не взрос-

лым. Он был маленьким мальчиком, слабаком, ничтожеством. Как Джерри всегда и говорил.

* * *

Джош сидел один в своей комнате, перебирая кучу сломанных игрушек. Некоторые из них можно было спасти, может быть, но большинство из них были уничтожены навсегда. Слезы перестали течь полчаса назад, сменившись усталым оцепенением, которое нахлынуло на него, как холодная волна.

Почему с Джерри всегда было одно и то же? Зачем ему нужно было это делать? Почему старшие братья всегда были такими придурками?

Но не все из них. Брат Майка - отличный парень. И два брата Томми тоже очень классные. Он всегда чувствовал определенную зависть, когда навещал дома своих друзей. Их старшие братья и сестры были их героями. Они заботились о них, защищали их, любили их.

Джошу просто не повезло. Он родился вторым в очереди на будущего "Короля дерьма". Часто он фантазировал о том, как прогуляется до местного спортзала, будет тренироваться, пока не станет таким же большим и сильным, как Джон Рэмбо, а затем... он покажет Джерри, кто здесь главный.

Он представлял себя стоящим над Джерри, торжествующим, пока его брат рыдает и пресмыкается у его ног, запуганный своим младшим братом. Джош нажимал ногой ему на грудь, заявляя о своих правах, как это сделал бы альпинист, покоривший самую высокую вершину самой высокой горы.

Это была прекрасная фантазия, но Джош знал, что все это чушь. Он был коротышкой. Слабаком. Над ним смеялись в любом спортзале, куда он заходил, и он выбегал из здания под хор насмешек от парней сильнее и лучше его.

Но фантазия была всем, что было у Джоша.

И теперь проводники его фантазий - его драгоценные игрушки - были еще больше опустошены жестоким тираном, который жил прямо по коридору, в большой спальне, с большим телевизором и последней, самой яркой консолью *"Super-Nintendo"*.

Это было неправильно. Это было неправильно во всех отношениях.

Он представил себя снова стоящим над своим братом; на этот раз его ботинок был на лице Джерри. И он давил его.

Кто-то должен преподать ему урок. Кто-то должен показать ему, что он не самый большой

и сильный. Он просто подлый хулиган, которому нравится терроризировать младшего брата, которого он должен любить. Снова пришла мысль, шепча в глубине его сознания, коварная в своем соблазне.

Я ненавижу его. Я бы хотел, чтобы он умер.

Его вывел из благоговения знакомый звук приглушенного смеха, доносившийся из соседней комнаты. Комнаты Джерри.

Глубокий гул смеха его брата сопровождался тихим, мелодичным хихиканьем его девушки Брэнди.

Джош вздрогнул, сидя там, уставившись на свои сломанные вещи, пока они смеялись, шутили и наслаждались своим положением лорда и леди всего чертового города. Король и королева выпускного бала. Красивые, но нищие. Дерьмо, завернутое в тончайший шелк.

Держу пари, они смеются надо мной. Они думают, что это так смешно, не так ли? Так смешно...

Он поднялся на ноги, его мышцы ныли, когда он попрощался со своими любимыми фигурками и закончил свое скорбное бдение.

Стены в их доме были тонкими, и он не хотел, чтобы они его услышали. Джош медленно по-

дошел к стене, которую он делил с братом. Он приложил ухо к холодной стене и прислушался.

- Ты бы видела лицо этого мелкого засранца. Чертовы сопли и слезы, вытекающие из него. Это было потрясающе.

Лицо Джоша горело от стыда, когда он услышал, как хихикает Брэнди.

- Ты так жесток с ним!

- Не притворяйся, будто тебе это не смешно. Мы оба знаем, что тебя это возбуждает.

- Что именно? - запротестовала она насмешливым, игривым тоном.

- Ты любишь плохих парней. Не отрицай этого.

Джош стиснул зубы, кипя от ярости и унижения, когда Брэнди подтвердила то, что он уже подозревал. Она была такой же тварью, как и Джерри.

- Тебе следовало снять это на видеокамеру твоего отца! Тогда мы могли бы показать это ребятам в школе.

Джерри простонал:

- Блин, я никогда об этом не думал.

- Вот почему ты меня любишь.

Повисла пауза, затем Джерри сказал:

- Всегда есть завтра. Я еще смогу об этом побеспокоиться.

- Так плохо... ломать игрушки маленького мальчика, - промурлыкала она.

- Ну, - протянул Джерри, - может, этот маленький засранец когда-нибудь поблагодарит меня за это, когда вырастет и заведет себе *настоящую* игрушку.

Ее девчачий смех снова, кокетливый и соблазнительный. Джошу стало дурно.

- Это ты про меня? - спросила она у Джерри. - Игрушка?

Послышался звук движения. Скрип матраса.

- Ты же знаешь, что ты - моя сексапильная маленькая игрушка для траха. И знаешь что?

- Что? - застенчиво спросила она.

- Мои старики вернутся не раньше, чем через четыре часа.

- Правда? А как насчет крохи по соседству?

- Пусть послушает. Это самое близкое, что может быть у жалкой маленькой сучки к настоящей пизде. Думаю, ему это понравится.

- Ты такой подлый.

- Сними юбку.

- Да, сэр.

- Теперь раздвинь ноги пошире.

- Как скажете.

- Играй с собой.

- Да, сэр.

- Теперь соси его. И продолжай делать то, что делаешь. Соси его, пока трогаешь себя.

Следующие слова Брэнди были приглушенными. Джош почувствовал, как глубоко в его чреслах зашевелилось возбуждение, которое только усилило его стыд.

- Хорошая девочка. Теперь наклонись и покажи мне свою задницу. Раздвинь свои ягодицы. Вот так. Красиво и широко. Хочу видеть обе дырки.

- Я вся ваша, сэр. Можете взять меня.

- Скажи, что ты - моя гребаная секс-игрушка.

Брэнди задыхалась:

- Я ваша гребаная секс-игрушка, - она издала протяжный всхлип.

- Ты чувствуешь его? - голос Джерри был хриплым. - Ты чувствуешь его глубоко?

- Да. Засуньте его до конца.

- Скажи "пожалуйста".

- Пожалуйста.

- Скажи "пожалуйста, сэр, трахните свою маленькую секс-игрушку".

Теперь она тяжело дышала. Потерявшись в плотском восторге.

- Пожалуйста, сэр, трахните свою маленькую секс-игрушку. Трахните свою секс-игрушку сей-

час же.

На этом разговор прекратился. Джош был рад этому. Он отошел от стены, отталкиваемый ею, так же как и собственным возбуждением. Он был жалким слабаком, за которого его принимали - тупым ребенком без яиц, чей единственный шанс быть рядом с девушкой - это слушать, прижавшись к стене, как с ней что-то делает другой. Трудно было определить, кто ему больше противен: его брат или он сам.

И вот это снова, снова и снова звучало в его голове, как мантра.

Я ненавижу его. Я ненавижу его. Он заслуживает смерти. Все, что он делает, это разрушает мою жизнь. Все, что он делает, это причиняет мне боль.

Ненависть хлынула внутри Джоша, сотрясая его маленькое тело там, где он стоял. Годы и годы мучений, унижений, беспомощности и боли, струящиеся по его венам, как жидкий огонь. В театре его мысленного взора сотня ужасных воспоминаний освещала темноту, как фильм ужасов, снятый специально для него.

Кавалькада унижения. Его брат, сидящий на его лице, выпускающий пердеж в него. Его брат, смеющийся, когда он обмочился на школьной иг-

ровой площадке, всего лишь мальчик восьми лет, в то время как вся школа - мальчики и девочки - присоединились к нему. Его брат, разрывающий рисунок, который он с любовью нарисовал, изображающий недавно умершего кота их семьи. Кота, которого Джош любил и обожал больше всего на свете. Последнее и самое дорогое, что у него было, что напоминало о его питомце.

Снова и снова всплывали воспоминания. И всегда в их центре был его брат, мучающий его. Ядовитый циклон в вихре жестокости. Делающий жизнь Джоша несчастьем. Сущим адом.

Ну, - подумал Джош. - *Достаточно...*

Он подошел к двери своей спальни, открыл ее и спустился вниз. Не обращая внимания на стоны, когда он проходил мимо комнаты Джерри, он спустился по лестнице через две ступеньки. Затем он прошел через гостиную и на кухню, где полуденное солнце пронзало окна и целовало его бледную кожу.

Он прошел мимо стола для завтрака, мимо раковины и мимо холодильника - когда он добрался до кладовой, он сделал глубокий вдох. Затем вошел внутрь. Он найдет там то, что ему нужно. В конце концов, именно там папа хранил все свои инструменты...

* * *

Джош открыл дверь спальни Джерри, очень медленно и тихо, как только мог. Несмотря на животные звуки, доносившиеся изнутри, его охватил страх.

Если Джерри застанет его заходящим в его комнату, особенно когда он делает то, что делает с Брэнди, это будет конец. Игра окончена.

Его старший брат изобьет его до полусмерти, а затем заставит объяснить родителям, что на него напала банда местных головорезов. Или что он упал. Или что он упал со своего велосипеда. Это всегда было что-то. И они всегда верили своему золотому ребенку.

Дверь была тихой, когда он толкнул ее, совсем немного. Он заглянул внутрь, чувствуя немедленное отвращение. Первое, что он увидел, была голая задница его брата, которая ритмично поднималась и опускалась, когда он входил и выходил из девушки под ним. Ее ноги были расставлены по обе стороны от Джерри, ступни прижаты к кровати, бедра высоко подняты, побуждая ее любовника вперед, глубже.

Лицо Брэнди было спрятано под грудью Джерри, когда он рычал, как дикий зверь, его пропитан-

ная потом плоть смешивалась с ее собственной, когда она стонала, извивалась и брыкалась.

Джош открыл дверь немного шире. Ровно настолько, чтобы он мог войти в комнату.

Он подошел к кровати, ступая так тихо, как только мог, его глаза не отрывались от двух трахающихся тел на кровати. Он перешагнул через простыни, сброшенные на ковер; его сердце колотилось в груди, словно жаждая вырваться на свободу.

Джерри вгрызался в ее шею, когда Джош двинулся за ним. Его брат сильнее, яростнее толкался в Брэнди. Джошу показалось, что он слышит, как сердцебиение брата встречается и совпадает с его собственным. Вонь пота и чего-то еще, мускусного и сладкого, витала в воздухе вокруг совокупляющейся пары. Если его брат сейчас обернется...

Не было пути назад, даже если бы он захотел. Вообще никакого пути назад.

Джош поднял молоток над головой, замерев лишь на мельчайшую долю секунды. Затем он опустил его на затылок Джерри.

Глухой стук, когда сталь соприкоснулась с костью, звучал более удовлетворительно, чем все мелодии из субботних утренних мультфильмов в

мире. Все вместе взятые.

* * *

Джерри приходил в себя. Это было хорошо.

Какое-то время, пока он усаживал брата на стул, Джош беспокоился, что слишком сильно ударил этого ублюдка. Может, убил его. Это было бы катастрофой.

Его брат должен был увидеть то, что должно было произойти. Он должен был увидеть это своими собственными глазами. Впитать все.

Джош с приглушенным интересом наблюдал, как Джерри сморгнул кровь с глаз. Прищурившись, словно глядя на солнце, он встретился взглядом с Джошем. Джош улыбнулся.

- Что за...? - пробормотал Джерри.

Может, я ударил его слишком сильно? Нет. Он жив, не так ли?

Да, он был жив, но, похоже, удар молотка выбил из его черепа все, что делало Джерри, ну... Джерри. Умерший мозг ничем не отличался от того, что он был фактически мертв. *Черт.*

И снова его беспокойство утихло, когда его старший брат слизнул засыхающую кровь с губ, сосредоточил свой злобный взгляд на Джоше и сказал:

- Какого хрена, педик?! Я убью тебя, ты... мелкий пиздюк!

Да, Джерри все еще был там. И, похоже, он еще не осознал серьезности своего положения. Настроение Джоша улучшилось. Он одарил Джерри широкой, сияющей улыбкой.

- А вот и ты, старший брат. Вот и ты.

- Что... ты... делаешь... ты... мелкий... пиздюк...?

- Я сломался, Джерри. Вот что. Я... сломался.

Глаза Джерри теперь прояснялись; темный туман забвения рассеивался, как черные облака, когда к нему приходило сознание. Он огляделся вокруг, наконец-то приняв свое положение. Медленно начиная понимать свое положение.

Первое, на что упал взгляд Джерри, были веревки, привязывавшие его к крепкому деревянному стулу для завтрака. Его ноги были грубо связаны вместе в лодыжках. Его запястья были прикреплены к подлокотникам стула.

Инстинктивно Джерри немедленно начал бороться с путами, но вскоре понял, что это бесполезно. Джош позаботился о том, чтобы у него не было возможности освободиться - он понимал, что если Джерри освободится, его изобьют до полусмерти, возможно, даже на несколько дюймов больше.

Его брат вскоре понял, что он в ловушке. Затем, в удивительном подвиге самоотверженности для такого бессердечного, жестокого и мелочного ублюдка, он медленно огляделся вокруг себя, бормоча имя Брэнди.

На кровати Брэнди извивалась, крича приглушенно о помощи. Ее глаза вылезли из орбит, когда она пыталась сформулировать слова вокруг грязного спортивного носка, который Джош засунул ей в рот. Ее руки были раскинуты над головой, привязанные к изголовью кровати Джерри маленькими пластиковыми стяжками. Ее ноги оставались свободными. Она извивалась и молотила, как пойманная рыба, приглушенно воя непристойности Джошу, когда он опустился на колени, чтобы встретиться лицом к лицу своего брата, близко. Ярость Джерри быстро затмевалась ужасом. Его глаза горели от страха, когда он увидел, что Джош держал в правой руке.

Джош наслаждался страхом. Страданием. Ужасом.

В широких, черных, испуганных зрачках своего мучителя всей жизни он увидел свое отражение, и впервые в своей одинокой, неважной жизни ему понравилось то, что он увидел. Уверенность. Решимость. Цель.

- Ты уже начал понимать? - спросил он Джерри.

- Что понимать, маленькая сучка?! - Джерри так старался казаться крутым. Сильным. Контролирующим. Дрожь в голосе выдавала его. - Я тебя, блядь, прикончу, когда встану с этого стула.

- Когда ты встанешь со стула? С чего ты взял, что встанешь со стула, Джерри?

Золотой мальчик раскалывался. Джош пристально наблюдал, как губы его брата дрожали, как и его собственные много раз прежде. Джерри теперь не был мужчиной. Он не был мучителем, стоящим в дверях Джоша со злобной ухмылкой, наслаждаясь собственной жестокостью...

Он был мальчиком. Слабым, напуганным маленьким мальчиком, балансирующим над пропастью чистого ужаса. Он был беспомощен, и он знал это.

- Отпусти меня! - потребовал он, его голос ломался от низкого до высокого.

Это немного напомнило Джошу его собственный голос... то, как он изменился по тону. Однако с Джошем это было половое созревание. С Джерри это было дрожащее начало его новой реальности.

- Отпусти меня, блядь! - рявкнул он, его мышцы

напряглись в руках, его бицепсы дрожали, когда он снова боролся со своими ограничениями.

- Брось это, Джер, - решительно сказал Джош.

На кровати Брэнди продолжала свои нелепые махания, ругаясь, сражаясь со своими путами.

- Что ты, блядь, делаешь?! - закричал Джерри, и слезы потекли по векам его глаз.

Джош никогда раньше не видел, чтобы его брат плакал. Никогда за все свои годы. Все слезы, которые были пролиты в их счастливом доме, были пролиты самим Джошем. Годы их. Реки их.

Джош потянулся вперед, провел указательным пальцем по щеке брата. Он смаковал влажность слезы, всего на мгновение, прежде чем сунуть палец в рот. Он был солоноватым на вкус. На самом деле, ничем не отличался от вкуса его собственных слез.

- Ты глухой, Джерри? Я же говорил тебе, *что происходит*, - наконец ответил он своему пленнику. - Я сломался.

Джерри сплюнул кровь по подбородку, когда фыркнул.

- Ты уже давно полностью сломан, ты, ебаный псих!

Джош поднял молоток, покрутил им в ладони, как он видел, как многие его герои делали это

со своими мечами, пистолетами и ножами. Он почувствовал что-то, чего никогда не чувствовал раньше в своей жизни...

Он почувствовал... *крутость*.

- Ты не понимаешь, Джер, да?

Джерри прорычал что-то неразборчивое.

Джош крепко сжал молоток.

- Это не то, о чем я говорю.

С хрюканьем Джош обрушил молоток на лодыжку Брэнди, сломав кости, как хрупкие веточки. Брэнди взвыла, моча хлынула между ее ног, когда она инстинктивно подтянула их ближе к своему телу, минимизируя цель, как могла. Ее ступня болталась под ее уже почерневшей лодыжкой, когда Джош дико замахнулся. Вторым ударом он ударил ее по пальцам болтающейся ноги и ухмыльнулся, услышав, как хрустнули кости. Его сердце забилось, когда пальцы треснули под яростной силой молотка. Кровь немедленно заполнила искривленные пальцы, сделав их болезненно-синими. Ноготь на большом пальце ноги Брэнди, должно быть, был срезан краем молотка. Он висел на нескольких крошечных мясистых прядях, свисая, как ужасное украшение, с ее сочащегося, изуродованного пальца ноги.

За кляпом из носка она завыла, как побитая

собака. Джош напрягся. Проигнорировал это. Сосредоточился на текущем вопросе.

Его брат что-то кричал. Все это звучало немного отдаленно, как будто он слышал сквернословные протесты через толстое стекло.

Он повернулся к Джерри, опустил молоток, позволяя ему качаться. Он уделил своему брату все свое внимание. Брэнди подождет.

- Что не так, Джер? - спросил он.

- Зачем ты это делаешь!? - завопил Джерри, теперь уже открыто плача.

Дикая гордость вскипела в сердце Джоша, когда он увидел золотого ребенка в таком хрупком состоянии.

- Зачем... ЗАЧЕМ?!! - закричал он, брызгая слюной в лицо Джерри, когда наклонился ближе. Он понизил тон. - Это касалось моих игрушек, Джерри. Теперь касается и *твоей* игрушки.

- Я не...

- Я знаю, что ты не понимаешь, ты слишком глуп, чтобы понять это, так что я упрощу это для тебя, старший брат. Это не ракетостроение, но постарайся не отставать.

Джерри кивнул, послушно. Его взгляд метнулся между ревущей, корчащейся Брэнди и залитым кровью молотком в руке Джоша.

- Ты издевался надо мной всю мою жизнь, Джерри. Мама и папа этого не видят. Они не видят, кто ты. Они никогда этого не увидят. Ты - мелкий, жестокий, порочный паразит, и ты не заслуживаешь всего, что у тебя есть. И у тебя есть *все*, Джерри - весь мир в твоих руках. Девушка, машина, друзья... это все твое, и так было всегда. Ты воспринял это *как должное*, Джер. Все это. Как будто это было твое чертово право по рождению быть обожаемым. Знаешь, *что* у меня было, Джер, пока у тебя была твоя прекрасная жизнь? У меня были *мои игрушки*.

Хмурый взгляд Джерри был почти комичным. Джош продолжал:

- Это все, что у меня было. Ничего больше. Ты лишал меня любого шанса на счастье, как будто это ничего не значило. Ты делал меня несчастным всю мою жизнь, просто потому, что ты мог. И я мирился с этим. Я мирился. И единственный способ, которым я мог это пережить, - это иметь мои фигурки, чтобы утешать себя. Они были моими друзьями, Джер. Я любил их. Они были всем, что у меня было, и ты это знал.

Джерри покачал головой - сюрреалистический жест отрицания. Джош на мгновение задумался, в чем его брат пытался себе отказать.

Его жестокость? Его злоба? Его собственное заслуженное положение?

- Это не имеет значения, - предположил Джош.

- Мне... жаль... - захныкал Джерри. - Не причиняй ей больше вреда.

Вот оно. Он заботится о ней. Хорошо.

Джош ухмыльнулся.

- Тебе пока не жаль, но ты пожалеешь. Ты захотел и сломал мои игрушки, как будто они были мусором. Ты забрал мои драгоценные игрушки и превратил их в бесполезные, безжизненные, сломанные вещи. Ты сломал мои игрушки, Джер. А теперь я сломаю твою... Я сломаю твою "игрушку", пока она не станет такой же бесполезной, какими ты сделал мои.

- Нет... нет...

Джош поднялся на ноги. Он чувствовал себя Тором, могущественным богом грома, когда он держал молот над головой. Он опустил его на коленную чашечку Брэнди. Кость разлетелась под ударом. Хлынула кровь. Приглушенные крики заполнили комнату. Это звучало неправильно. Джош потянулся вперед и вытащил грязный носок изо рта. Она задыхалась, кашляя, Джош поднял молоток.

На этот раз ее левая рука. Тяжелый молоток

ударил ее по костяшкам пальцев, хрустя костями и плотью. Он ударил снова. На этот раз, слушая, как ломаются кости, наслаждаясь тем, как ее деформированные пальцы указывают в диких направлениях, изуродованные и искалеченные. Брэнди кричала изо всех сил; молила о пощаде, о боге и о его большом храбром Джерри, чтобы тот спас ее.

Джерри нихера ее не спасал.

В этот раз Джош снова взмахнул, с диким хрустом вонзая твердую стальную головку молотка в середину ее бедра. Звуки, исходящие от нее теперь, были едва ли человеческими.

- Каково это, когда твои вещи ломаются, Джерри?

Джерри плакал и звал их мать.

- Не плачь пока по маме, Джерри, - издевался Джош, слизывая кровь с губы. - Мы еще не добрались до самой лучшей части.

Темное мокрое пятно расцвело из промежности Джерри.

- Сколько людей обмочились этим утром, - размышлял Джош. - Да ладно, Джер. Ты же знаешь, *что* самое веселое, не так ли? Самое веселое - это не калечить чужие вещи.

В его голове витали темные призраки. Мерт-

вые вещи, сделанные из мертвых материалов. Хи-Мэн. Скелетор. Люк Скайуокер. Бэтмен. Дом смеха из пластиковых сокровищ, все сломанные. Все испорченные.

Джош глубоко вгляделся.

- Самое веселое, Джерри... это *уничтожать* чужие вещи.

Джош сжал молоток обеими руками. Он поднялся, встал над Брэнди, когда ее лунообразные детские голубые глаза сияли от ужаса. Он сильно ударил молотком по ее лицу.

Ее нос взорвался, как спелый помидор, когда ее ударил молоток. Кровь и сопли брызнули из ее сплющенных ноздрей. Раздробленная кость с шипами проткнула кожу изнутри, выглядывая из того места, где раньше был ее хорошенький носик. Под ее глазами образовались глубокие темные синяки. Она выплюнула кровь изо рта, изо всех сил старалась не захлебнуться ею.

Сделав болезненный, прерывистый выдох, она открыла рот, чтобы закричать, или просить, или умолять. Джош ударил молотком по ее открытому рту так сильно, как только мог.

Зубы разбились, когда сталь пронзила их. Крошечные сломанные осколки ее зубов застряли в ее кровоточащих, продавленных деснах. Джошу

они показались маленькими белыми лодками, цепляющимися за поверхность красного бурлящего моря. Брэнди булькала густой кровью в горле, глотая собственные зубы, как горькие пилюли, отражая дыхание.

Его брат ругался, ревел и плакал.

Он поднял молоток так высоко, как только мог. Опустил его со всей своей силой. В этот раз он собирался ударить ее по челюстям. Он хотел увидеть, как они рушатся полностью. Он промахнулся.

Вместо этого плоская, твердая головка молотка опустилась на ее правую глазницу. Кость вокруг глазного яблока прогнулась внутрь. Само глазное яблоко оказалось внутри головы. *Забавно!*

Он ударил снова. В то же самое место. На этот раз сильнее.

Глазное яблоко вырвалось брызгами студенистой мульчи и крови. Ее единственный здоровый глаз уставился на Джоша, вопрошая. Она все еще была в сознании. *Еще забавнее!*

Он ударил ее по лбу. Наблюдал, как он вдавливается внутрь. Снова ударил. Удивился тому, как ее череп открылся и как мозг вытолкнулся из раны - словно ища спасения. Он был другого цвета, чем он себе представлял.

Он ударил снова. На этот раз удар пришелся по самому мозгу. Джош хихикнул, когда красные, блестящие куски материи вырвались из боков изуродованного черепа.

Еще один удар. Потом еще. Потом еще...

К тому времени, как Джош выдохся, ее голова была не более чем вязким супом из мозгового вещества, расколотого черепа и крови.

Выглядело так, будто кто-то пролил полусырой болоньезе на подушку Джерри. Пар поднялся от сырой, изуродованной плоти, когда Джош наконец выронил молоток, затаив дыхание. Тот упал на ковер спальни с глухим стуком, когда он наклонился близко к измельченному мясу над шеей Брэнди, изучая самую драгоценную вещь своего брата.

- Тебе нравится, каково это, Джерри... терять то, что принадлежит тебе?

- Я... убью... тебя...

Джош проигнорировал пустые угрозы. Он позволил себе мгновение, чтобы восстановить самообладание. Избить девушку брата молотком было тяжелой работой, и он не был спортсменом.

Он выдохнул устало.

- Угадай, что будет дальше, Джерри?

Взгляд старшего брата метнулся к брошенному молотку. Джош проследил его взгляд к оружию, затем снова посмотрел на Джерри.

Он рассмеялся.

- Ты так легко не отделаешься, брат, - он не мог себе представить, что человек может выглядеть более напуганным, чем Джерри все это время, но темное обещание в его словах действительно сработало.

Не говоря больше ни слова, Джош направился к двери спальни, открыл ее и потянулся за чем-то за пределами комнаты. С хрюканьем он поднял тяжелый предмет и вернулся внутрь.

Увидев, *что* Джош приготовил для него, Джерри взбрыкнул, как дикая лошадь, почти обезумев от ужаса.

Джош открутил крышку.

- Самое худшее не то, что ты сломал мои игрушки, - спокойно сказал Джош, как будто Джерри спросил. - И не то, что ты оторвал им руки. И даже не то, что ты оторвал им головы. Это произошло давным-давно. Это было самое худшее. Ты помнишь мой шестой день рождения? Я помню. Я помню его так, будто это было вчера. Я помню его, потому что в тот год бабушка купила мне восьмидюймовую фигурку Супермена. Я любил

эту вещь всем сердцем, в течение двух или трех часов, которые она у меня была, я был на небесах. Супермен был моим кумиром, и ты это знал. Вот почему ты сделал то, что сделал. Я помню, как я плакал, когда ты испортил тот прекрасный день. Держу пари, ты тоже, Джерри...

Джош позволил воспоминаниям нахлынуть на него... дразнящее разворачивание подарка его бабушки; настолько особенное, потому что оно исходило от нее - его любимого человека во всем мире.

Биение его сердца, когда он разворачивал, а затем держал огромную статуэтку Супермена высоко, как сокровище; неизмеримое по ценности. Милое, доброе лицо его бабушки, когда она купалась в необузданном восторге своего внука.

Он бежит наверх в свою комнату, жаждущий придумать бесчисленные приключения для своего героя в воображаемом мегаполисе своей маленькой спальни. И тут Джерри стоит в дверях.

Джош не удивился, обнаружив, что его собственные слезы текут, когда черное воспоминание о том, что произошло дальше, смыло всю радость. Весь свет.

Был только Джерри. Его жестокость. Его зло-

ба. Его больная потребность причинять боль и ломать.

Джош вздохнул. Он поднял канистру над головой Джерри, пока тот умолял.

Крики его брата поднялись на несколько октав, когда бензин полился на кожу головы, на его лицо, на его грудь и на его пах.

- Худшее, что ты когда-либо делал, это сжег моего Супермена, - Джош полез в карман, достал спичечный коробок. Он вытащил спичку. - Он был таким красивым. Таким чистым и идеальным, - быстрым движением запястья Джош провел спичкой по шероховатой поверхности наждачной бумаги коробочки. - Он был моим героем, а ты расплавил его в ничто.

Пламя мерцало перед глазами Джоша. Он наблюдал, как танцует свет; поразился его ужасной жажде пожирания.

- Это было самое худшее. Ты сделал из него монстра! Ты... - Джош замолчал.

Джерри замяукал, как котенок.

- Думаю, ты понял...

Джош бросил спичку на колени брата и наблюдал, как ярко полыхает пламя.

* * *

Сирены приближались. Джошу всегда было трудно различать разные тона, используемые каждой из аварийных служб. Но не сегодня.

Пожарные машины могли подъехать к его дому в любой момент. Он на мгновение задумался, кто их вызвал. В конце концов, дыма было не так много. Он уже потушил пламя.

Он позволил Джерри готовиться ровно столько, чтобы его больше нельзя было узнать как "золотого ребенка".

На самом деле, его вообще больше нельзя было узнать. Пузыристое, почерневшее существо, которое дергалось на все еще тлеющем стуле, едва напоминало человека. Глаза растаяли, опаленные дотла обжигающим пламенем. Губы полностью исчезли, предоставив Джерри дьявольскую, скелетную ухмылку. Его волосы тоже сгорели, и в некоторых местах даже череп Джерри проглядывал сквозь них, резко контрастируя с черной, хрустящей плотью.

Сверху донизу любимый сын мамы и папы был не более чем сочащейся, расплавленной кучей приготовленного мяса.

Но он был жив. Джош позаботился об этом.

Разве он не обещал Джерри, что его судьба будет хуже, чем у Брэнди? Он сдержал обещание.

Он кратко задумался о том, что уготовано обугленным, почерневшим уродам в кресле? Бесконечная боль. Изоляция.

Будущее, запертое в ненавистной оболочке, слепое и безмолвное, неспособное вырваться из тьмы, которую невозможно было бы облегчить. Бесконечное и бездонное отчаяние. Джош улыбнулся.

Он был уверен, что его собственная судьба будет гораздо менее суровой. Около десяти лет в психиатрической лечебнице, затем реабилитация, а затем возвращение в мир. Ему было двенадцать лет. Он легко выйдет из игры к двадцати пяти годам. Он сможет с этим жить.

В любом случае, здесь ничего нет, - размышлял он. - *У меня нет друзей, и, как сказал Джерри, я никогда не найду себе девушку. Никакой "киски" для меня, здесь или там...*

Он уедет надолго. Только Бог знает, когда он снова посмотрит на девушку...

И тут его осенило. Джош улыбнулся, когда эта идея завладела им.

Он посмотрел на изломанное, голое тело на кровати. Оно было согнуто, конечно, и сильно

изувечено. Не говоря уже о том, что затвердевший суп из избитых костей и мозга, где была голова Брэнди, был немного отталкивающим...

Но... нищим выбирать не приходится.

И было бы забавно поиграть с *чужой* игрушкой. Особенно с *игрушкой Джерри*.

Спустив штаны, Джош залез на кровать. Прошло восемь долгих минут, прежде чем приехали пожарные. Достаточно времени, чтобы Джош успел поиграть - дважды.

Перевод: Alice-In-Wonderland

Бесплатные переводы в наших библиотеках:

BAR "EXTREME HORROR" 2.0 (ex-Splatterpunk 18+)

https://vk.com/club10897246

BAR "EXTREME HORROR" 18+

https://vk.com/club149945915

Мэтт Шоу
"Жена"

Дэвид Оуэн Хьюз
"Мисс Балаганная Некротичка"

Наташа Синклер
"Жемчужина коллекции"

Мэтью А. Кларк
"На рыбалку!"

Ник Брэди
"Стейк тартар"[8] [broken link: #n_8]

ЧАСТЬ 1

ЧАСТЬ 2

ЧАСТЬ 3

Кевин Дж. Кеннеди
"Ярость"

Кайл М. Скотт
"Сломанные вещи"